

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛИАЛ В Г. ХАСАВЮРТЕ
АДМИНИСТРАЦИЯ МО «ГОРОД ХАСАВЮРТ»**

**МАТЕРИАЛЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

**В рамках юбилейных мероприятий
филиала ДГУ в г. Хасавюрте
1997-2017**

Хасавюрт 2017

Редактор– Разаков Р.Ч-М.,
канд. ист. наук, доцент, филиал ДГУ в г. Хасавюрте

Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы истории». В рамках юбилейных мероприятий филиала ДГУ в г. Хасавюрте 1997-2017. – 190 с.

ISBN 978-5-6040114-3-0

© Филиал ДГУ в г. Хасавюрте

СОДЕРЖАНИЕ:

Аджиниязова А.К.

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НОГАЙЦЕВ С
НАРОДАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНЦЕ XVIII-
СЕРЕДИНЕ XIX В. 5

Алиев Ф.Б.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ
РЕФОРМ В РОССИИ..... 12

Алхасова Д.М.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАБАРДЫ И
КРЫМСКОГО ХАНСТВА В XV-XVII ВВ. 17

Арпентьева М.Р.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЗАБОТА О
ЗАКЛЮЧЁННЫХ: PROCURATORES PAUPERUM..... 18

Гашимов Р.Р.

БАНДИТИЗМ И ДЕЗЕРТИРСТВО В ДАГЕСТАНЕ В ПЕРИОД
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 32

Гашимов Р.Р.

МЕТОДЫ ПОКОРЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА
В ПЕРИОД НАМЕСТИЧЕСТВА НА КАВКАЗЕ ГЕНЕРАЛА
А.П. ЕРМОЛОВА..... 35

Гимбатова М.Б.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПОЛОВЕЦКО-КИПЧАКСКОГО
КОМПОНЕНТА В ФОРМИРОВАНИИ ТЮРСКИХ НАРОДОВ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ 40

Загирова Э.М.

ТРАДИЦИОННАЯ СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНЕ:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ 54

Касумов Р.М.

ДАГЕСТАН В РУССКО-ИРАНСКОМ СОПЕРНИЧЕСТВЕ ЗА
ГОСПОДСТВО НА КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XVIII В 67

Кидирниязов Д.С.

ПОЛИТИКА РОССИИ В ДАГЕСТАНЕ В КОНЦЕ XVIII –
НАЧАЛЕ XIX В..... 77

Магомедов М.Б. Мусаев М.М.

ВЕЛЬЯМИНОВЫ-ВОРОНЦОВЫ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ
«ВЕТКА» ФЕОДАЛЬНЫХ ВЛАДЕТЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКОГО 83

Мирзабеков М.Я. СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СЕТЬ В ДАГЕСТАНСКОМ СЕЛЕ. 20-Е ГОДЫ XX В.	107
Муртазаев А.О. Аллаев Н.М. КАЙТАГ В ПЕРИОД ПЕРСИДСКОГО ПОХОДА ПЕТРА I (ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	120
Нагиева М.К. МАТЕРИАЛЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РД КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В 50-Е ГГ. XX В.	129
Разаков Р. Ч.-М. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИАЛИЗМА В РОССИИ.....	135
Разаков Р. Ч.-М. СТАНОВЛЕНИЕ СВЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДАГЕСТАНЕ	143
Тахушева И.С. ВКЛАД И.В. БЕНТКОВСКОГО В НАУЧНОЕ КАВКАЗОВЕДЕНИЕ В ОЦЕНКЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ РОССИИ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»)	151
Шахбанов А. М. Дадаев Д. Х. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН В 90-Е ГОДЫ XX В.....	155
Шахбанова М.М. РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ ДАГЕСТАНСКИХ НАРОДОВ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ	163
Шереужев А.Ж. «СОЗДАНИЕ ПИСЬМЕНОСТИ СМЕНА ГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1920 – 1930-Е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ АДЫГЕЙ И КАБАРДИНО- БАЛКАРИИ)»	182
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	187

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НОГАЙЦЕВ С НАРОДАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНЦЕ XVIII-СЕРЕДИНЕ XIX.

Главным занятием ногайцев в рассматриваемое время продолжало оставаться скотоводство. Наряду с животноводством, ногайцы занимались земледелием и ремесленным производством. Основным товаром для торговли у ногайцев в это время были продукты животноводства, земледелия и ремесла.

Торговля ногайцев с соседними народами была весьма оживленной: они поставляли на ярмарки лошадей, овец, верблюдов, а также шерсть, войлок и некоторые продукты земледелия. Выносливые лошади, выведенные ногайцами, всегда имели спрос на рынке. Особенно издавна ногайские лошади ценились в России. Российское правительство закупало драгунных и гужевых лошадей для своей армии. Ногайская лошадь удивляла своим превосходным качеством и соседних народов. Э. Челеби указывал, что ни у одного тюркского народа нет столько лошадей, сколько у ногайцев. [1] Известный ногайский фольклорист А.И.-М. Сикалиев в своей работе выделяет типы ногайской лошади: тулпар – богатырская лошадь, бедеу – княжеская, аргымак – породистая скаковая, юйрикат – скаковая. [2] Особенно лошади у караногайцев отличались качествами, что специальная комиссия приезжала в Терекли-Мектеб закупать верховых лошадей для кавалерии. [3]

Торговля, в основном, носила меновой характер, а деньги только начинали входить в быт ногайцев. Однако ногайцы, живущие на полуострове Крым, в купле-продаже использовали монету «бешлик», смешанную с маленьким количеством серебра, равной 6 французских денье. [4] «Ногайцы не имеют непосредственных торговых сношений, с иностранцами, но торгуют только с ближайшими к их кочевьям городами крымского государства. Буджакская орда ведет торговлю с городами Аккерманом, Кавчан, Кили и Исмаилом; Едисанская – с Бендерами и Очаковым; Джембулукская – с Очаковым и Прекопом; Кубанская – с Таманью и Каплу.» [5]

Совместно с черкесами кубанские ногойцы продавали шерсть в размере 80-100 тысяч центнеров: «половина этого количества доставляется из Черкесии, другая часть от Кубанских ногойцев. Шерсть отправляется в Тамань в повозках; оттуда идет в Каффу и Константинополь; вся она мытая... шерсть довольно хорошаго качества, четверть всего количества еябелаго цвета; остальные три четверти - чернаго...».[6] Так же у черкесов знатные ногойцы покупали стрелы для лука, изготовляемых ими из перьев птиц, рыбий жир. [7]

По данным Пейсонеля, привезенные из Константинополя в Крым головные уборы для женщин («tchembert»), закупались крымскими ногойцами в весьма большом количестве (ежегодно доходивших от 150 до 200 тысяч колпаков), а также нитки для шитья. [8] Сами крымские ногойцы на продажу выставляли шерсть, шерстяные широкие ремни для седел, лошадиные и бараньи кожи, быков, овец, лошадей, просоленное и высушенное на солнце мясо барана, кислое коровье и овечье молоко, масло, пшеницу, ячмень, просо и т.д. [9]

Оживленными торговыми центрами в XVIII-сер. XIXв. были города и крупные села Северного Кавказа. Одним из таковых было «...урочище Кизляр, издавна посещаемое иноземцами, персидскими армянами для меновой торговли с ногойцами». [10] Здесь народы Северного Кавказа собирались на базары и ярмарки. Моздок, основанный в 1763 г., превратился в важный торговый пункт, куда съезжались ногойцы с крупным рогатым скотом, лошадьми, овцами, чтобы обменять «у казаков соль, рабу, икру, а у русских и армянских купцов хлопчатобумажные ткани, железо, чугун, свинец, посуду и др.».[11] Уже к 1794 г. в Моздоке было сосредоточено более 1 тыс. торговых точек, а в 1799 г. была открыта первая ярмарка.[12] В архивном документе, датированном 1810 г., указано, что ногойцы Северо-Восточного Кавказа «пригоняют в города и селения Кавказской губернии... достаточное число лошадей и ежегодно продают достаточное число лошадей своих кавалерийским офицерам..., получая от скота своего шкуры, овчины, шерсть, масло и сыр, продают разным людям... в Кизляре и Моздоке». [13]

В изучаемый период торгово-экономические отношения с казаками были тесными. Из архивного источника 1708 г. видно,

что торговля ногайцев с казаками была весьма налажена: «И из них же ногайцев Алди-Гирея и черкасского беглый уздень Лузан да 2 человека терских окочан... ездили с Терку для продажи в Чечню с рыбою».[14] Казаки в это время заселяли маленькие городки по обеим сторонам Терека: Червлёный, Курдюков, Наурский и др. Уже с 70-х гг.XVIII в. донские казаки продавали товары российского производства ногайцам, кабардинцам, покупая при этом у ногайцев лошадей и овец.[15]

Взаимоотношения ногайцев с казаками не ограничивались лишь продажей товаров. По данным архивных источников видно, что помимо этого, были и экономические взаимоотношения, а именно, пользование землей ногайцев для выпаса скота. В деле главного пристава магометанских народов за 1828 г., № 134/2196 по рапорту коллежского секретаря Волкова указано, что все казаки и прочие люди за пасомые конные табуны и рогатый скот на Караногайских землях должны платить в общественный доход деньги. Волков писал: «Некоторые из Старейшин караногайского и едишкульского народа и казаческих обществ приносят мне жалобу, что хозяева конных табунов, стад рогатого скота и баранов, пасомых во множестве на землях, под кочевья назначенных, по требованию их следуемых за сие в общественный доход денег не платят, также и торгующие в аулах разными товарами производят продажу оных разными товарами производят продажу оных без вноса 3% денег, и просят о понуждении их к платежу...». Далее главный пристав магометанских народов 27 октября 1828 г. писал: «соседшим гражданским и военным властям объявить скотоводам, что требования караногайцев о платеже за пастьбу скота основано на законе».

Войсковой Старшина Атаман Назаров возбудил ходатайство о разрешении казакам «в летнее время от комаров выпускать в ногайскую степь лошадей и скот без оплаты денег», во внимание к тому, что «казакам необходимо нужно иметь запасных лошадей, коих теперь «состоит: в Каргалинке до 200, в Дубовской до 200» и у Командующаго Терским семейным полком-несколько штук.

Главный пристав магометанских народов 28 апреля 1829 г. сообщил Командующему Терским Семейным казачьим войском,

что по вопросу о пастьбе казачьих лошадей на Караногайской земле необходимо войти в соглашение с обществом.[16]

В рассматриваемое время армянские купцы (моздокские, кизлярские и нахичеванские) также вели торговые отношения с ногайцами. Товарами армянского базара в Кизляре были: ткани бумажные и шелковые, соль, сундуки, чугунные котлы, жестяные кувшины, холсты, бязь и т.д. У ногайцев армяне покупали шкуры, меха, кожу, мед, крупный рогатый скот, овец, лошадей, шерсть, топленое масло и др.[17] Автор начала XIX в. И. Дебуписал о характере торговли ногайцев с армянами: «Выгоды армян от упомянутой с ногайцами торговли состояли в том, что большая часть последних не только неимели, но даже и не знали монеты. Надобности же свои удовлетворяли меною скота, масла и шерсти, и от таковой выгодной для продавцов мены утраивались их выгоды».[18]

Кроме того, экономические интересы между ногайцами и армянами сталкивались на вопросах отмежевания угодий, взимания платы за пастьбу скота, выплаты пошлины за возможность продажи товаров на рынках. В деле начальника Кавказской области за 1825 г., под № 21 «О взаимных претензиях по земле Моздокского армянского общества и КараногайцевКипчакова аула» наглядно описан пример экономического конфликта между ногайцами и армянами:«... жители города Моздока жаловались тамошнему Армянскому Суду, что КараногайцыКипчакова аула на отмежеванной в 1823 г. городу Моздоку ... земле прегоняют скот, распахивают оную и делают сенокошение, где за несколько пред тем лет заведены ими хутора». Затем Армянский Суд «отправил для узнания истины на самое место Заседателя своего Асланова с Старостами и посторонними от всех обществ людьми, которые прибыв на оное место и видя, что ногайцы действительно между хуторов Моздокских жителей на их собственной земле пасут скот во множественном числе, производят сенокошение и распашку, уговаривал ногайцев платить за сие в пользу жителей с каждой скотины в месяц по 10 коп., за распашкуже и сенокошение сколько положено будет...».[19]

Далее идет разбор данной ситуации: «После представления Заседателем своего донесения по этому делу Суду, туда прибыли три ногайца с целью узнать от своего начальства, обязаны ли они

платить эти деньги и просили отсрочить им платеж их на 15 дней».

Армянский Суд дал караногайцам отсрочку и взял с них подписку об уплате денег. Но караногайцы в назначенный срок не явились и Суд отправил их подписку к Главному Приставу магометанских народов, требуя по оной удовлетворения.

Караногайцы подали тому же главному приставу прошение, в котором заявили, что «назад тому 13 лет они с аулом в 40 кибитках заключающихся имея летнюю кочевку около урочища Степанова бугра разстоянием до 60 или еще более верст от Моздока, для водопоя скота и собственных надобностей возстановили при том месте довольно глубоких и пространных пять копаней, каждая свое название имеющих, с значительным употреблением издержек не встречали до настоящего времени ни от кого и никакого препятствия, да и земля сия при отмежевании казачьих дач в наделение Моздокским жителям и никому другому не назначена, состоя же при содержимой Караногайским и Едишкульским обществами на оброке под названием статьи Травы Желтинника с ежегодным платежом по 5.100 руб. более принадлежит оному».

«Главный Пристав представляя обстоятельства сии в рассмотрение Управляющему Кавказской областью, просил о воздержании Армянского Суда от самоуправления во взысканию с просителей за каждую скотину по 10 коп., а за землю что положено будет, так-же и о беспрепятственном на тех местах им кочевании...».[20]

Управляющий Кавказскою областью князь Горчаков 22 сентября 1826 г. предписал Моздокскому Уездному Предводителю Дворянства войти в рассмотрение этого дела и удостовериться в справедливости претензий той и другой стороны.

Предводитель Дворянства, вместе с депутатами от караногайцев и Армянского Суда, произвел исследование и оказалось, что претензия Армянского общества и прочих жителей гор. Моздока справедлива; заявление караногайцев, «что они пользуются землей уже 13 лет неверно, так как жители Моздокские владеют ею более 40 лет».[21]

Кавказское Областное Правление определило: отослать это дело в Моздокский Окружный Суд, для решения на законном основании.

Так же как и казакам, ногайцы за плату позволяли армянам пасти скот на своих угодьях. Из архивных документов Кизлярского Армянского суда, созданного в 1819 г. как суд «дарованное им армянам исключительное право разбираться между собой в собственных армянских судах...» приведем пример, когда караногайцы по предложению армян согласились не взимать плату за пастьбу скота армян в обмен на снятие платежных обязательств с торгующих скотом ногайцев в Кизляре.

Так, отношение Кизлярского Армянского суда главному приставу магометанских народов, от 14 августа 1829 г., под № 1192, говорит о том, что Кизлярское армянское общество, по объявлении ему о праве ногайцев взимать плату за пастьбу скота, «отозвалось, что предоставляемая караногайским народам в замену взыскания за пригоняемый ими для продажи в город скот уступка следуемой им платы за пасомый на их земле скот жителей города Кизляр, не может равняться тому взысканию, а потому на испрашиваемые тем народом освобождение их от платежа в городской доход с пригоняемого ими для продажи скота, тогда могут согласиться, когда сверх предоставляемой тем народом свободной на их землях пастьбы разного городских жителей скота без всякаго за то платежа, освобождены будут из жителей Кизляра торгующие в их кочевьях и аулах от всякаго взыскания за то с привозимаго в их кочевья и аулы для продажи товара, но в прочем не принимая на себе предоставляют сие благоусмотрению и разрешению Г. Областного Начальника».[22]

Далее в донесении от 4 ноября 1830 г., Караногайского и Едишкульского пристава главному приставу магометанских народов указано, что ногайцам было зачитано соглашение о том, что постановление Кизлярского Армянского суда объявлено караногайскому и едишкульскому народу и сделано распоряжение «чтобы скот здешних жителей не иначе принимаем был ими к пастьбе на своих землях, как по предъявлении письменных Ваших билетов...».[23]

Следует отметить, что включение местных народов в единое экономическое пространство Российского государства играло

взаимовыгодную роль, так как это был товарообмен между различными народами страны. С усилением влияния России в крае торговые связи ногайцев с соседними народами и русскими еще более усилились.

Список источников и литературы

1. ЭвлияЧелеби. Книга путешествия. М., 1979. С. 54.
2. Сикалиев А. И.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994. С. 328.
3. Кидирниязов Д.С. Экономические и культурные связи ногайцев Северо-Восточного Кавказа с соседними народами в XVIII-XIX вв. Махачкала, 2010. С. 28.
4. Фелицын Е.Д. Западно-Кавказские горцы и ногайцы в XVIII столетии, по Пейсонелю. Материалы для истории Западно-Кавказских горцев.// Кубанский сборник. Т. 2. 1981. С. 6.
5. Там же. С. 17.
6. Там же. С. 25.
7. Там же. С. 27.
8. Там же. С. 9.
9. Там же. С. 17.
- 10.Потто В.А. Два века Терского казачества (1577-1801). Владикавказ, 1912. С. 161.
- 11.Кидирниязов Д.С. Значение городов Северного Кавказа в развитии торгово-экономических связей ногайцев с соседними народами и Россией в XVIII- первой пол. XIXв.// Материалы международной научной конференции «Северокавказский город в региональном историческом процессе» / 18-19 сентября 2012 г. Махачкала, 2012. С. 113.
- 12.Кидирниязов Д.С. Роль северокавказских городов в развитии торгово-экономических связей местных народов с Россией в XVIII-XIX вв. // Провинциальный город в XVIII-XIX вв. (история, экономика, культура). Материалы научно-практической конференции. Кизляр, 2008. С. 114.
- 13.Центральный государственный архив РД. Ф. 350. Оп. 1. Д. 115. Л. 7.
- 14.Цит. по: Ахмадов Ш.Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII в.//

Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Северного Кавказа в XVI-нач. XX в. Грозный, 1981. С. 77.

15. Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с казаками. // В сборнике: Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2008. С. 73.

16. Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 212.

17. Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. Махачкала, 2003. С. 62.

18. Дебу И.Л. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или общие замечания о поселении полках, ограждающих Кавказскую линию и о соседственных горских народах. С 1816 по 1826 год. СПб, 1829. С. 142.

19. Научный архив института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 255.

20. Там же. Л. 256.

21. Там же. Л. 257.

22. Там же. Л. 214.

23. Там же. Л. 215.

Алиев Ф.Б.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ РЕФОРМ В РОССИИ.

Осуществление земельных реформ в России сводило их лишь к продовольственной проблеме и мало затрагивало правовое решение земельных вопросов и укрепление статуса крестьянства – носителя, свидетеля и хранителя управленческой практики регулирования отношений в социальных и экономических системах. В юридическом аспекте эволюция и генезис земельных преобразова-

ний, формирования общероссийского законодательства сегодня мало исследованы.

Научно выверенное знание о динамике земельно-правовых отношений между сельским хозяйством и государством может быть получено в результате укрепления правовой основы агрореформирования. Однако фрагментарные политические акты в этой сфере не систематизированы, государственное регулирование земельных реформ «размыто» по различным отраслям общественности. В то же время земельно-управленческая практика требует достаточного отражения в общих и частных моделях построения теории правового обеспечения земельных реформ, функции которых должны быть точно определены государством с участием крестьянства, независимо от его принадлежности к той или иной форме собственности.

Земледельческое занятие крестьянина неправомерно ограничивалось многочисленными государственными решениями, игнорировавшими его экономические интересы. Все это вызывало недоверие широких крестьянских масс к реформам, отчуждение сельхозпроизводителя от властей.

Обоснование права административно-хозяйственного подчинения и судебной власти, исходившее от господствовавшего над крестьянством сословия, имело своей целью подавить личность крестьянина, ограничить его социально-правовое пространство. Об этом свидетельствовал царский указ 1646 года, закрепивший феодальный «кодекс» превращения крестьянства в крепостную зависимость «по закону» и воспроизводивший неправоновые отношения, доставшиеся в наследство от прошлого столетия.

Господствовавшая в России монархическая власть на этапах раннефеодального устройства, условно-представительной и абсолютной монархии осуществляла земельные реформы посредством жесткого воздействия на крестьянство и направления движения его от мнимой свободы к фактической несвободе, в том числе и на закате монархии. Права крестьянина при этом игнорировались.

Важное значение для регулирования земельно-управленческих отношений имеет преемственность, обеспечивающая их участникам последовательность режима поведения, то есть поступательное, необратимое, направленное изменение управления аграрной сферой при переходе от старого к новому, от простого к сложно-

му, от низшего к высшему этапу развития земельно-управленческих отношений.

Начиная свою деятельность первый российский парламент — Государственная Дума 1906 года начала с рассмотрения проблем земельного вопроса. Вместе с тем, надо отметить роль в агрореформировании консультативно-общественных органов и специальных комиссий по подготовке земельных реформ. Царское правительство оказывало разностороннюю поддержку Всероссийскому экономическому обществу, разработавшему за неполное столетие до земельно-буржуазной реформы около 250 модернизированных конкурсных проектов и задач по вопросам выделения земельного (помещичьего и крестьянского) хозяйства в комплексе с рационализацией земледелия и животноводства. Действовали совещательно-распорядительные органы, имевшие прямое отношение к земельным реформам. В разные периоды активность в агрореформировании проявляли Госсовет, Дворянские собрания, Управления Министерства внутренних дел, ответственное вплоть до советского периода за использование земель для продовольственного обеспечения городских и сельских поселений.

Представительство земельных интересов крестьян завершалось, в основном, на волостном уровне, а с губернского — оно представлялось через дворянство и реже — через разночинцев. Не менее существенное влияние на государственно-правовые ориентиры земельных реформ оказывали традиции российской общины, отражавшие настроения либерал-реформаторов (западников) и общинников (славянофилов).

Наступившее затем в сельском хозяйстве замедление капиталистических преобразований, вызревших в России к началу XIX века, было обусловлено традициями жесткости, администрирования, усилившимися после присоединения к России государств-инкорпорантов в Азии и на Кавказе.

К началу XX века в общественном мнении России сформировались два принципиально разных подхода к вопросу о путях развития российской деревни. Одни исследователи видели основу преобразований в отчуждении частновладельческих земель, другие требовали разрушения общины и предлагали двигаться через вытеснение из нее наиболее бедных слоев, по пути интенсификации процесса капитализации земельных отношений.

Взятие большевиками власти в России определило новую земельно-управленческую платформу. В условиях советской власти возникла коллективная зависимость от государства, перераспределявшего производимый крестьянами продукт земледелия. Такая линия официально проводилась под предлогом замены на выданное крестьянами право бессрочного пользования сельскохозяйственной землей и присвоения земельной ренты в колхозах, учет которой был основательно запущен. Фактически вместо «муниципализации земли» и территориального самоуправления процесс земельного реформирования, провозглашенный большевиками, был ориентирован на быструю «национализацию земли» и построение хозяйственно управляемых крупных агроструктур, подчинение их монополии государственной власти. Советы депутатов трудящихся на местах стали земельно-управленческими органами, связанными с организованной структурой правящей партии, принявшей в сталинский период форму руководящей силы и инициировавшей субъективистские агрополитические решения. Результаты этой политики хорошо известны.

Советская власть предпринимала жесткие нормативно-административные меры, безуспешно пытаясь преодолеть аграрный кризис. Вместе с тем, отвергнув парламентские средства гражданского реформирования и принимая в качестве правовых ориентиров директивные указания партий по земельному вопросу, партийно-советская организация управления пошла по пути ликвидации капитализации земли (не считая периода НЭПА), объявила всеобщую национализацию земли и передачу ее в пользование хозяйствующим субъектам в соответствии с директивно установленными целями и предписаниями. Все это способствовало копированию худших уравнилельных традиций русской общины, в результате чего последняя становилась тормозом развития предпринимательства.

Юридическое закрепление партийно-государственной практики структурирования форм хозяйствования (совхозы и колхозы) и «двуединой» формы собственности (государственной и кооперативной) на крестьянской земле сдерживало укрепление правовой организации сельского хозяйства, не позволяло раскрыть рациональные и потенциальные возможности аграрного предпринимательства в

рамках земельного права. Инициатива крестьянина всячески ограничивалась законом и политико-идеологическими средствами.

Конечно, имеется ряд позитивных моментов в государственно-правовом регулировании земельных отношений в бывшем СССР. Но в целом управленческая практика не выдержала испытания жизнью, либерализация земельно-правовых отношений утверждается медленно, с большим трудом. Тому есть объективные и субъективные причины.

Земельная реформа в России XX века протекает на фоне поляризации интересов крестьян, требующих реформирования самой государственной власти, неэффективные меры которой в сельском хозяйстве усиливают размежевание сторонников фермерского пути и традиционной общины вплоть до коллективизации.

Рассматривая проблемы разнообразия форм собственности на землю и развития современного российского законодательства в сфере земельных отношений. Первым итогом земельного реформирования в 90-е годы стала структурная реорганизация в аграрном секторе экономики. Надо отметить то, что темпы спада сельскохозяйственного производства, оказались значительно выше темпов «отдачи» образовавшихся новых рыночно-хозяйственных структур. Неподготовленность правовой базы формирования новых технологий управления земельной реформой в условиях «свободного» рынка и невостребованность имевшихся научных наработок для внедрения и обновления привели к утрате государственной властью содержательных приоритетов процесса реформирования. С конца 1992 г. на первое место переместилась потребность «усиления административных и экономических мер против земельной спекуляции», хотя ультрарадикалы продолжали настаивать на сверхтемпах приватизации и «срочном введении рынка земли». Российская агро-реформа с 1991 г. проводится при отсутствии не только целенаправленной программы преобразований в агропромышленном комплексе, но и ее научно обоснованной концепции, ценовая, кредитная, налоговая и инвестиционная политика привела к остановке процесса расширенного производства в АПК и свертыванию разнообразных программ социального характера. И в последующие годы правовая база аграрных реформ оставляет желать лучшего.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАБАРДЫ И КРЫМСКОГО ХАНСТВА В XV-XVII ВВ.

История взаимоотношений России и Турции всегда была достаточно сложной. 12 военных конфликтов, произошедших между этими государствами в дооктябрьский период, служат наглядным подтверждением тезиса. Кавказ всегда являлся «яблоком раздора» между Россией, Османской империей и Персией, которые были заинтересованы в продвижении своих интересов в этом стратегически важном регионе. Во второй половине XV в. Крымское ханство оказалось под властью Османской империи. Захватническая политика султанов диктовала стремление османов установить свое господство на Кавказе, и проникновение османского влияния в регион в первую очередь сказалось на адыгах, занимающих обширную территорию Северного Кавказа. Главным же стремлением стремительно разраставшегося Московского княжества была защита своих южных границ. Крымское ханство сыграло далеко не последнюю роль в формировании взаимоотношений России и Турции, и в течении многих лет продвигало интересы Османской империи в Кавказском регионе. В контексте изучения истории народов Кабардино-Балкарии, особенно актуальным становится исследование причин, побудивших адыгских князей обратиться с предложением союза именно к российскому царю и роль Крымского ханства, как одного из основополагающих факторов, повлиявших на принятие этого решения. Также, изучение социально-экономического и политического развития Кабарды и Крымского ханства в период, явившийся переломным в истории адыгов, поможет составить более четкое представление о политическом взаимодействии кабардинцев и крымских татар.

Исследование построено по принципу историзма с применением сравнительно-исторического и хронологического методов.

Изучению политического взаимодействия Кабарды и Крымского ханства посвящено множество работ отечественных историков. Большое значение для изучения истории адыгов имеют работы Касболата Фицевича Дзамихова, российского историка,

доктора исторических наук, профессора. В книге «Адыги: Вехи истории» доступно и последовательно описаны основные этапы истории адыгов, история их этногенеза, взаимодействия с другими народами Кавказа и державами, стремившимися подчинить себе этот регион.

Также нельзя недооценить значение работ Александра Михайловича Некрасова, внесшего большой вклад в изучение политического взаимодействия Кабарды и Крымского ханства. В его статьях, опубликованных в различных журналах и собранных в сборнике «Избранные труды», нашла отражение авторская позиция по многим ключевым вопросам политической истории народов Северо-Западного Кавказа и Крыма в период позднего средневековья.

Целью исследования является исследование политического взаимодействия Кабарды и Крымского ханства и его влияние на определение дальнейшего политического курса Кабарды.

Арпентьева М.Р.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЗАБОТА О ЗАКЛЮЧЁННЫХ: PROCURATORES PAUPERUM

Гражданское общество, его зрелость и энергия могут быть легко оценены по готовности и способности помогать заключённым. В посткапиталистических странах эта способность велика, в России – ничтожно мала. Однако, так было не всегда. Идея исправления заключенных развилась из идеи заботы о спасении душ грешников. Последние, в том числе благодаря усилиям христианской церкви, размещались в тюрьмах для исправления: сама тюрьма была придумана церковью в целях изоляции вероотступников и иных совершивших преступления (против церкви и тех, кому она благоволила). Под исправлением подразумевается перерождение личности, преобразование «злой» воли в добрую, греховного человека в добродетельного, посредством осмысления и освоения принципов духовной, социальной и физической жизни, отраженной в священных писаниях и наставлениях. Институт

Procuratores Pauperum (попечения о бедных, горемычных) был учрежден уже в начале существования христианства, аналогичные институты существовали и существуют в других религиях и конфессиях. Члены попечительских организаций должны посещать тюрьмы и т.д., ходатайствовать об освобождении невинных и исправившихся даже виновных, помогать узникам выживать физически, психологически, духовно, принимая все возможные меры к их нравственно-религиозному исправлению».¹ В России длительное время тюрем не существовало: большинство преступников оставалось «на поруках» у общества и частных лиц, которых обычно размещали в специальные изолирующие помещения. Тюрьма в России возникла только в середине XVI века, при этом характер содержания преступников был полностью лишен сострадания, но обычные люди охотно подавали заключенным («колодникам») милостыню, в надежде получить за это, на том свете, отпущения части своих грехов».² В XVIII веке были учреждены исправительные «Смирительные дома» «для общего благочестия и спокойствия семей». Особое занимали монастырские тюрьмы, существовавшие при некоторых монастырях, например, Спасо-Евфимьевском и Соловецком, Ивановском, Новодевичьем и Вознесенском: заключение часто сопровождалось насильным пострижением в монашество, а характеристикой понятия преступного деяния, являлось «забвение Божьей заповеди» и «царского приказа»³, душевные болезни⁴. Со второй половины XIX века заключение в монастырь стало редким явлением: «заключение светских людей в монастыри (открытые эпитимии) не достигает цели и стеснительно для самих монастырей». Поэтому более оптимальным было признано прохождение эпитимии «негласно, под надзором отца духовного, каковая мера более дей-

¹ Фойницкий И.Я. Учение о наказании СПб.: Типолитография Х. Ш. Гельперн, 1886. С.260.

² Никитин В.Н. *Тюрьма и ссылка: Историческое, законодательное, .. из под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы, до наших дней: 1560 1880 г.. С.-Пб.: Тип. Г. Шпарварт, 1880. - С.5.*

³ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М. Госюриздат, 1960. Т.1. 384 с. С.266.

⁴ Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы. М. : Типолитограф. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1905. - 130 с. С.35-36.

ственная, способная возбудить в кающемся сознание совершенного им греха».⁵ В начале XIX века учреждено «Человеколюбивое» и ряд иных обществ, в том числе по инициативе В. Венинга и А.Н. Голицына. Император Александр I предоставил членам общества право посещать заключенных, строить тюремные церкви, а также утвердил рамки работы с ними, ориентируясь на образцы, существующие за границей. Тюремные общества просуществовали до конца этого века, были преобразованы в тюремно-благотворительные комитеты, лишившиеся основной части своих полномочий (кроме социально-экономической поддержки заключенных). После революции влияние общественности на положение заключенных, и на тюрьмы вообще, было сведено к нулю, а церкви в тюрьмах закрыты. Более того, сами служители стали заключенными, а службы совершались тайно, под угрозой смерти или нового срока: в тюрьмы и лагеря духовенство могло попасть только в качестве заключенных. И лишь в конце прошлого века священники вновь были допущены в места заключения сначала для встреч с отдельными заключенными и для общих бесед и служения. Поэтому современный опыт пастырского окормления заключенных невелик, а царская тюрьма отлична от современной в корне: своей общественной и духовной обстановкой, положением священнослужителей и отношением к ним администрации и самих заключенных. «Принципиальные различия церковной и общественной духовной обстановки делают невозможным прямой перенос опыта тюремной работы царской России в государство, возникшее на ее месте. Раньше тюремные священники в своем служении могли опираться на арестантов и тюремных служек, которые в своем большинстве верили в Бога... Теперь этого нет...Сейчас ситуация принципиально иная: в тюрьмах и лагерях сидят ...совершенно не воцерковленные уголовники, часть из которых лишь в тюрьме обратилась ко Господу. Для их духовного развития храм как место... не знакомого ими богослужения ... бо-

⁵ Никитин В.Н. *Тюрьма и ссылка: Историческое, законодательное, .. из под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы, до наших дней: 1560 1880 г.. С.-Пб.: Тип. Г. Шпарварт, 1880. - С.398.*

лее важен, чем это было для арестованных за веру Православную в двадцатые и тридцатые годы».⁶

Последние годы - новый этап взаимоотношений органов, исполняющих наказания, с различными религиозными конфессиями, в том числе в контексте обеспечения свободы совести и свободы вероисповедания осужденных. Священники решают самые разные вопросы: пастырские обязанности и проблемы духовного служения в тюрьмах; организация общины и организация совместного проживания верующих; обучение и просвещение заключенных / верующих и катехизация сотрудников; вопросы трудовой реабилитации и помощи в профессиональном обучении и развитии; организация и развитие института тюремных священников; построение отношений с обществом и государством; разрешение вопросов с представителями иных религий («сект»); урегулирование взаимоотношений между различными (по группам и «кастам») заключенными, помощь бывшим заключенным после освобождения; сотрудничество с заключенными и их родственниками, с администрацией колоний и МВД, с правозащитными и социальными структурами (для обеспечения помощи заключенным - как находящимся в заключении, так и отбывшим свой срок), включая психологов этих структур и т.д. «В условиях изоляции от общества происходит наиболее обостренное восприятие основных смыслообразующих вопросов: жизни и смерти, добра и зла, любви и ненависти, греха и раскаяния и т.д. Именно поэтому проблема выбора мировоззренческих основ и базисных религиозных представлений для осужденного ... жизненно необходима. Решение необходимо принимать осознанно и на сугубо добровольной основе (как в выборе той или иной веры, так и в отказе от нее)» Особое значение религиозная поддержка имеет благодаря ее психотерапевтической, компенсаторной функции, ее способности смягчить стрессовое состояние, выступать нравственным побудителем раскаяния (на латинском «*penitencia*» - покаяние), а также. социально-педагогической функции, связанной с утолении душевного «голода», нравственным очищением человека и подготовкой к правопослушному об-

⁶ Каледа Г. проф. прот. *Остановитесь на путях ваших...* (Записки тюремного священника). М., "Зачатьевский м-рь", 1995. С.50-60.

разу жизни⁷ С началом посещения тюрем и иных пенитенциарных учреждений служителями разных религий и религиозных конфессий стало уменьшаться количество и изменяться качество преступлений и нарушений режима содержания осужденными, массовых беспорядков и групповых эксцессов»⁸. Церкви инициируют создание различных обществ с целью служения заключенным. Однако, далеко не все ИТУ, иные тюрьмы и учреждения, их руководители осознают важность духовной поддержки осужденных служителями культа и, тем более, психологами, или даже волонтерами и членами малочисленных пока добровольческих сообществ помощи заключенным»⁹: «Далеко не все сотрудники откликаются на ...призыв к покаянию и обращению к Богу. А нам бы хотелось видеть среди них больше единомышленников, убежденных в том, что в изоляцию от мира, за решетку, попадают люди с душой калеки, смятой, изуродованной. Они по-своему больны, и больны тяжело. Необходимо им помочь обрести себя, понять себя, но без поддержки этого сделать невозможно. Сотрудники исправительно трудовых учреждений могут оказать эту поддержку. И тогда их служба Закону (такая нелегкая!) приобретает иной, глубокий и гуманный смысл. Они будут служить и человеку, а значит, исполнять христианскую заповедь милосердного служения ближнему. Это дает силы вынести все тяготы службы, достойно нести этот крест. Священники приходят в эти учреждения еще и для того, чтобы помочь и блюстителям правопорядка врачевать душевные раны потерявших себя людей. Это их общая цель».¹⁰ Особенно актуальна эта проблема в отношении пенитенциарных психологов, чья роль часто сводится к выполнению распоряжений «воспитателей», не заинтересованных ни в каких изменениях «подопечных», включая духовные. Не могут в

⁷ Деятельность религиозных организаций в исправительных учреждениях / Сост. Г.П. Байдаков, В.В. Артамонов и др.. - М.: НИИ МВД России, 1996.- 156 с. С.8-14.

⁸ Орехов В. Свет Храма приходит в “зону”. // Преступление и наказание. — 1997. — № 9. — С 20—24.

⁹ Деятельность религиозных организаций в исправительных учреждениях: Пособие. - М.: ВНИИ МВД России, 1995. 93 с. - С.30, 58.

¹⁰ Коломеец С. Утоли моя печали // Преступление и наказание. 1993 №8. С.45-50.

большинстве случаев заключенные обратятся за поддержкой и к врачам: современная медицина в России настолько снизила свою эффективность и продуктивность в целом, настолько отказалась от идеалов «клятвы Гиппократ», что и «на свободе» вызывает людей опасения, а не ожидания помощи. Понятие «черного доктора» стало не менее популярным, чем понятие «черного адвоката» и т.д. В тюрьмах же медицинские работники используются преимущественно для фальсификации документов, узаконивающих пытки и иные действия в отношении заключенных. Поэтому нужны серьёзные меры по оптимизации подготовки и работы сотрудников тюрем и т.д. Священник в тюрьме должен быть поэтому для заключенных «почти всем»: и целителем души, и целителем тела, и целителем духа. Поэтому неудивительно, что при наличии реальной работы с заключенными Деятельность священников, приобщение к той или иной вере в целом способствует улучшению отношений между осужденными, укрепляя порядок и дисциплину и уважение, т.д.. Когда и если заключенные отрешаются духовно, «возвращаются к себе» из наполненной страстями и грехами (ошибками) жизни, то они именно в религии часто находят утешение в скорбях и пути исправления ошибок и развития умения управления страстями.

Из инославных церквей, в России наибольшую активность и настойчивость в проповеднической работе среди осужденных проявляют Евангельские христиане-баптисты и Адвентисты Седьмого Дня. Их работа тесно перекликается с зарубежным опытом. К сожалению, в работе служителей некоторых религиозно-деструктивных сект иногда возникают «серьезные конфликты на конфессиональной почве»¹¹. Безграмотность представителей администрации тюрем и управлений становится причиной некритического отношения и деструктивной пропаганды, включая случаи намеренного или ненамеренного лишения доступа верующих к отправлению религиозных обрядов, чтению духовной литературы и т.д.

¹¹ Диакония и попечение в пенитенциарных учреждениях России. Материалы международного семинара. М.: Фонд помощи верующим в России (Париж), Центр содействия реформе уголовного правосудия, 1997, 120 с.-С.51.

Первая мысль об учреждении пенитенциариев (домов покаяния) принадлежит Ж. Мабильону, монаху бенедиктинского ордена XVII века, в том числе в форме одиночного заключения. Его идея была поддержана Папой Римским и введена в ряде стран, в результате попечительство о заключенных и об их исправлении за рубежом возникло намного раньше, чем в России. С заключенными проводится работа сразу по прибытии их в тюрьму и долго по выходе из нее: разными специалистами - психологами, социологами, врачами, священнослужителями и т.д. В российских тюрьмах подобные службы практически отсутствуют и заботы о заключенных перекладываются, т.о., на священника, если тот готов взять их на себя, или остаются нереализованными, если не готов. Очень важны программы психодиагностики /обследования и адаптации заключённых, включая программы предотвращения суицидных и общеразрушительных форм поведения (членовредительств, наркоманий и т.д.), защита от риска насилия со стороны более крепких или устойчиво-преступных заключенных или подследственных посредством «службы новоприбывших». Важно также отслеживание судьбы бывшего заключенного после истечения срока наказания, когда он находится «на попечении» местного самоуправления, благотворительных организаций и т.д. Имеется немало тюремных обществ, многие из них организованы местными церквями, которые опекают заключенных в близлежащих тюрьмах. При этом наряду с заключенными священнослужители работают со штатом тюрем. «Пока нет оснований надеяться, что обращение к вере должностных лиц исправительных учреждений положит конец существующей неприязни между осужденными и их охранниками, но, возможно, сделает их терпимее друг к другу. ... В отечественных духовных учебных заведениях, издавна велись занятия по диаконии, т.е. по социальному служению... Но сейчас этого уже недостаточно и областной аппарат управления исправительными учреждениями совместно с руководящими деятелями сотрудничающих с ними конфессий должны ставить вопросы перед высшими религиозными иерархами о профессиональной специализации священнослужителей при их подготовке.»¹² Одна из проблем - деятельность некоторых

¹² *Деятельность религиозных организаций в исправительных учре-*

организаций крутится вокруг желаний заключенных, вместо помощи разлагая их. Верующий человек, попав в тюрьму, понимает, что причина заключения и его страданий - его собственные поступки (грехи и ошибки), поэтому заключение может стать возможностью духовного роста

Г. Каледа писал: «Тюрьма... это большой, сложный мир со своими законами, иерархией, взаимоотношениями внутрикамерными, заключенных и охраны, начальствующего состава и подчиненных; взаимоотношениями межкамерными, заключенных и воли. Одни сидят, но множество людей болеет и страдает за них на воле, раздаются плач матерей и глухие стоны отцов. Один сидит, но за ним в горе пребывают жертвы им сотворенного: обворованные, избитые, изнасилованные, изуродованные, убитые; за ним - слезы матерей и вдов, осиротевшие дети. Разрушено, повреждено, травмировано множество жизней»¹³.

Помещая преступника в места лишения свободы, общество лишает его части прав на определенный период и высказывает ему нравственный упрек за совершенное деяние. Но поскольку безнаказанных преступников и невинно осужденных становится все больше, постольку понимание происходящего меняется, а милосердие и любовь к ближнему для общества становятся забытым анахронизмом, возникает непробиваемая стена, делающая практически невозможными любые взаимоотношения «зэков» и общества. «Миллионные жертвы, счет которым в XX веке еще не закрыт, были бы невозможны без внутреннего согласия огромного количества их современников, что человечество можно разделить на людей и нелюдей. Неважно, какое имя дается этим последним стремление разделить себе подобных на «чистых и нечистых» изначально присуще человеческой природе, главное что «нелюдь» какими-то своими признаками или поступками сама выводит себя за круг обычных человеческих норм и запре-

ждениях: Пособие. - М.: ВНИИ МВД России, 1995. 93 с. - С.33.

¹³ Каледа Г. (протоиерей) Остановитесь на путях ваших... : записки тюремного священника / Послесл. А.Л.Дворкина. — Зачатьевский монастырь — М. : Зачатьевский монастырь, 1995. — 144 с. С.30.

тов».¹⁴ Однако, история знает примеры того, как милосердно относились православные к узникам, «когда народ наш понятия о ссыльных и тюремных сидельцах безразлично смешал с понятием о людях несчастных, достойных сострадания».¹⁵ Но милосердие к заключенным исчезло после революций начала XX века. Доброту заменила «сознательность»! «До чего ж круто и бесповоротно напугали наш народ и отучили заботиться о тех, кто страдает...»¹⁶ Однако, общество заинтересовано в помощи не меньше узников: «само помещение значительной части населения в условия, в которых они отчуждены от основных человеческих ценностей и подвергаются воздействию тюремной субкультуры, создает угрозу внутренней безопасности общества. Появление большой прослойки людей, которые провели свои молодые и важные для становления личности годы в заключении, является так же источником дестабилизации и социальной напряженности... С точки зрения социально - значимых целей, преступники и заключенные - часть народа, ... самая энергичная его часть, которую надо не уничтожать, а включать в нормальные формы общественной жизни»¹⁷. «Массовое обыденное сознание наделяет преступников своеобразным ярлыком, обозначающим образ, лишенный нравственной привлекательности. Это не только способствует отчуждению преступников от общества, но и вызывает у них протест, стремление как - то реабилитировать себя хотя бы в глазах ближайшего его окружения. Чувство отторженности способствует объединению осужденных в свое собственное со-

¹⁴ Абрамкин В.Ф. Поиски выхода: Преступность, уголовная политика и места заключения в постсоветском пространстве. М., Права человека, 1996. 196с. - С.ХХV.

¹⁵ Максимов С. Сибирь и каторга. С-Пб.: [тип. А. Траншея](#), 1891, [Ч. 3 : Политические и государственные преступники. - 1871. - 388, IV с.](#) С. 8-9.

¹⁶ Солженицын А. Малое собрание сочинений. Т.5 : Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956: Опыт художественного исследования. Т.1. - М.: ИНКОМ-НВ, 1991. - 544с.- С.162.

¹⁷ Абрамкин В.Ф. Поиски выхода: Преступность, уголовная политика и места заключения в постсоветском пространстве. М., Права человека, 1996. 196с. - С.191,ХХI.

общество, наделяемое ими общеразделяемыми ценностями».¹⁸ При этом сами «условия содержания» в СИЗО и т.д. являются пыткой и приводят к болезням и смерти: узники ГУЛАГа, посещающая камеры СИЗО в последние годы, считают, что таких бесчеловечных условий в следственных тюрьмах не было даже в самые страшные годы сталинской диктатуры. По существу, речь идет о преступлении против человечества, которое российское государство совершает против граждан, даже не являющимися юридически виновными... И тем не менее ...с каждым годом ситуация ухудшается». «Следственные изоляторы стали источником постоянной социальной напряженности. ... российские СИЗО создают угрозу жизни и безопасности населения». «Произвол и насилие, жестокое обращение с заключенными превращает места лишения свободы в зоны, опасные для жизни и здоровья человека. Эта система не исправляет, а морально и физически калечит заключенных, развращает персонал и воспроизводит криминальную опасность в обществе»¹⁹. Т.о., вместо помощи, люди сразу же попадают в ситуацию иного и более масштабного, узаконенного преступления – против них. По мнению М.И. Горчакова «особенность взгляда нашей Церкви на наказание заключается в том, что наказания должны иметь ... исключительно исправительное действие на наказуемого и чуждо устрашения»²⁰. «Преступнику, заклеяменному позором наказания, жизнь представляется еще труднее чем прежде, и если до того он мог дойти до преступления, то по перенесении наказания, отталкиваемый всеми окружающими, он естественно предается своим порочным наклонностям».²¹ Из мест лишения свободы люди выходят озлобленными, дезориентированными, склонными к паразитиче-

¹⁸ Хохряков Г.Ф. Формирование правосознания у осужденных. М.: ВНИИ МВД СССР, 1985. - 84 с. С.79.

¹⁹ Абрамкин В.Ф. Поиски выхода: Преступность, уголовная политика и места заключения в постсоветском пространстве. М., Права человека, 1996. 196с. - С.92,97,102.

²⁰ Никитин В.Н. *Тюрьма и ссылка: Историческое, законодательное, .. из под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы, до наших дней: 1560 1880 г.. С.-Пб.: Тип. Г. Шпарварт, 1880. - С.396,394.*

²¹ Галкин М.Н. Материалы к изучению тюремного вопроса. С.-Пб.: Тип. 2 Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1868. 189 с. - С.15.

скому и пассивному, вненравственному образу жизни. Поэтому наказание должно способствовать воспитанию и перевоспитанию.

А. Солженицын, описывая советские лагеря, так говорит о заключенных своего времени: «... даже немного понаблюдав их, вы будете поражены также и общностью выражений их лиц - всегда настороженных, неприветливых, безо всякого доброжелательства, легко переходящих в решительность и даже жестокость. ...в действии, работе и борьбе их плечи развернуты, груди готовы принять сопротивление, но как только зэк остается в бездействии, в одиночестве и в размышлениях - шея его перестает выдерживать тяжесть головы, плечи и спина сразу выражают необратимую сутулость...»²².

«Еще одним серьезным вопросом является атмосфера конфронтации между администрацией и заключенными. Такая психологическая атмосфера сложилась в пенитенциарных учреждениях, как реакция на вынужденное проживание на одной территории несовместимых по культурным установкам групп. В таких условиях говорить о возможности конструктивной работы по исправлению заключенных не приходится».²³ Однако, отмечается и иное: «черты подозрительного сходства между охранниками и заключенными...По обе стороны расстился единый и бездушный мир».²⁴ в конце XX века в России произошла потеря сотрудниками лагерей и тюрем веры в то, что они совершают нужное и полезное дело, наблюдается «все усугубляющийся процесс разложенияавторитета» закона.²⁵

²² Солженицын А.. Малое собрание сочинений. Т.5 : Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956: Опыт художественного исследования. Т.1. - М.: ИНКОМ-НВ, 1991. - 544с.- С.314.

²³ Абрамкин В.Ф. Поиски выхода: Преступность, уголовная политика и места заключения в постсоветском пространстве. М., Права человека, 1996. 196с. - С.163.

²⁴ Довлатов.С. Зона. Записки надзирателя. СПб.: Журнал «Звезда», 2011. 384 с. С.62-63.

²⁵ Абрамкин В.Ф. Поиски выхода: Преступность, уголовная политика и места заключения в постсоветском пространстве. М., Права человека, 1996. 196с. - С.164.

Вместе с тем, «Жизнь преступников, как нам казалось, может служить поводом не к порицанию только человеческой природы вообще, но иногда наоборот доказательством того, что инстинкты общежития, взаимных привязанностей и симпатий лежат столь глубоко в природе человека, что не пропадают даже в самой отверженной тюремной общине».²⁶ Заключенные могут оставаться людьми, и после освобождения вернуться к полноценной гражданской жизни, если им это «разрешают» общество и государство. Но после революции надежд на возврат исчезли: А. Солженицын сравнивает этот переход человека в животный мир., в котором от успеха или неуспеха в борьбе за место часто зависит сама жизнь – люди не знают сдерживающих этических начал: «Совесть? В личном деле осталась...» и проявляют удивительную гибкость поведения и настроенность на худшее. «В этом постоянном ожидании беды вызывает суровая душа зэка, бестрепетная к своей судьбе и безжалостная к судьбам чужим. Отклонения от равновесного состояния очень малы у зэка - как в сторону светлую, так и в сторону темную, как в сторону отчаяния, так и в сторону радости... Став равнодушным к собственному горю и даже к наказаниям, накладываемым на него опекунами племени, и почти уже даже - ко всей своей жизни, - он не испытывает душевного сочувствия и к горю окружающих. ... Часто зэки проявляют безжалостность к неопытным новичкам, смеются над их промахами и несчастьями - но не судите их за это сурово, это они не по злу: у них просто атрофировалось сочувствие, и остается для них заметной лишь смешная сторона бытия.... фатализм... - их всеобщая глубокая черта... Фатализм даже необходим зэку, потому что он утверждает его в его душевной устойчивости... зэки воспринимают свое устойчивое равнодушное состояние в их неприхотливых убогих условиях - как победу жизнелюбия. Достаточно череде несчастий хоть несколько разредить, ударам судьбы несколько ослабнуть - и зэк уже выражает удовлетворение жизнью и гордится своим поведением в ней». При этом «Каторжник, как бы глубоко ни был он испорчен и несправедлив, любит больше всего справедливость, и если ее нет в людях, поставленных выше

²⁶ Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб.: Типография А. Моригеровского, 1872. 700 с. С.IV.

него, то он из года в год впадает в озлобление, в крайнее неведение». Большой доле осужденных вера нужна именно для того, чтобы поддержать и укрепить в себе искаженное отношение к закону, преступлению, наказанию: «Считалось веками: для того и дан преступнику срок, чтобы весь этот срок он думал над своим преступлением, терзался, раскаивался и постепенно исправлялся. Это - великий развилок лагерной жизни. Отсюда - вправо и влево пойдут дороги, одна будет набирать высоты, другая низеть. Пойдешь направо - жизнь потеряешь, пойдешь налево - потеряешь совесть». Тюрьма глубоко перерождает человека: «Воля портит, неволя учит». Однако, не всегда: «Дружба не зарождается ни в нужде, ни в беде. Если дружба между людьми возникает - значит, условия недостаточно трудны. Если беда и нужда сплотили - значит, они не крайние. Горе недостаточно остро и глубоко, если можно разделить его с друзьями.» М.А. Войченко пишет: «В лагере бытие не определяло сознание, наоборот, от сознания и неотвратимой веры в человеческую сущность зависело: сделаться тебе животным или остаться человеком»²⁷. «Нам и самое страшное, самое тяжкое бывает на пользу, главное - себя понять, увидеть, где была твоя собственная промашка, ошибка, где тебя потянуло на лево, где ты споткнулся, открылся диаволу, на чем он тебя поймал, а дальше - покатишься. А когда поймешь, скажешь рогатому: «Нет» - все покатится в обратную сторону, выдержишь»²⁸.

При этом «одни осужденные могут сравнительно легко исправиться, другие лишь после долгой и кропотливой работы, а третьи - вообще нет».²⁹ После выхода из заключения, так же, как и в ситуации попадания в него, необходима особая поддержка: «Покровительство это, есть последнее усилие милосердия, - для

²⁷ Солженицын А.. Малое собрание сочинений. Т.5 : Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956: Опыт художественного исследования. Т.1. - М.: ИНКОМ-НВ, 1991. - 544с.- С. 320-325, 373, 377-378, 384; Пеллико С. *Мои темницы*. Записки С. Пеллико. Спб. Типография отдельного корпуса внутренней стражи. 1836г. 203с..

²⁸ Абрамкин В.Ф., Чижов Ю.В. В помощь узнику. Как выжить в советской тюрьме. Красноярск: Агентство «Восток», 1992. — 192 с., С.163.

²⁹ *Наказание и исправление преступников* : учеб. пособие / Под ред. Ю. М. Антоняна. М.: Изд-во ВНИИ МВД России, 1992.. 392 с. С.31,55-56.

перевоспитания заключенных: оно действует в тот период времени, когда надежды, составленные в заключении, могут осуществиться, или разрушиться»³⁰. Но никакое попечение не сможет изменить (жизнь) заключённого или бывшего заключенного, без его собственного искреннего желания и усердия. Святитель Гр. Богослов учил «Надобно, чтобы спасение зависело как от нас, так и от Бога... К преуспейанию моему нужны две доли от великого Бога, именно первая и последняя, также одна доля и от меня. Бог сотворил меня восприимчивым к добру, Бог подает мне силу, а в середине - я текущий на поприще.»³¹

Для общества же тюрьмы – это важная часть их развития. «Наши тюрьмы, наши лагеря, наши заключенные всегда остаются с нами как наши кровоточащие и гноящиеся раны. И нам их лечить».³² Это хорошо осознают на Западе, это знают на Востоке. Но - не в России, не в США, ни в других странах, где цена человеческой жизни ничтожна, а гражданское общество как таковое отсутствует. В поиске направлений лечения речь идет о переходе от стратегии «войны с преступностью» (war on crime) к стратегии «сокращения вреда» (harm reduction): изменить направленность уголовной политики от «войны» к «миру»³³. «Уменьшить надежды на тюремное заключение и обратить больше внимания на общественное исправление (community correction)» советует Ст. Бэркэн³⁴. все настойчивее становятся предложения по формированию и развитию альтернативной, не уголовной юстиции для

³⁰ Никитин, В.Н. Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы, до наших дней. 1560-1880 г. СПб.: Тип. Г. Шпарварт, 1880. 674с. - С.403.

³¹ Воронов Л. прот. Догматическое богословие. Санкт-Петербург: Издательство: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007. С.36.

³² Каледа Г. (протоиерей). Остановитесь на путях ваших... : записки тюремного священника / Послесл. А.Л.Дворкина. — Зачатьевский монастырь — М. : Зачатьевский монастырь, 1995. — 144 с. С.8.

³³ Donziger S. The Real War on Crime: The Report of the National Criminal Justice Commission. Harper Collins Published, Inc, 1996. P. 218.

³⁴ Barkan S. Criminology. A Sociological Understanding. Prentice Hall: Upper Saddle River, 1997. P. 542.

урегулирования отношений «преступник — жертва», по переходу от «возмездной юстиции» (retributive justice) к юстиции возмещающей, восстанавливающей (restorative justice)³⁵.

Гашимов Р.Р.

БАНДИТИЗМ И ДЕЗЕРТИРСТВО В ДАГЕСТАНЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Хотя участию дагестанцев в Великой Отечественной войне посвящено достаточное количество работ, все же отдельные стороны этой проблемы остались до сих пор вне поля зрения исследователей. Одной из таких малоисследованных тем является проблема бандитизма и дезертирства в Дагестане в годы ВОВ. Мы достаточно много знаем о наших героях и не должны забывать о тех бандитах, которые грабили семьи дагестанцев, проливавших кровь на фронтах Великой Отечественной войны.

Необходимость изучения вопросов, связанных с бандитизмом, дезертирством и преступностью на Северном Кавказе в рассматриваемый период продиктована и тем, что в работах отдельных авторов подчеркивается, что в годы Великой Отечественной войны Северный Кавказ продолжал оставаться одним из самых пораженных бандитизмом регионов Советского Союза.

Полевой материал и имеющиеся скудные источники позволяют утверждать, что на территории Дагестана с самого начала войны действовали банды качагов. В каждом районе и каждом ауле Дагестана известны имена дезертиров и качагов. Но, к сожалению, часть этой информации уходит в могилу с нашим старшим поколением, мы теряем ее навсегда. Причина этого состоит в том, что не ведется работа по сбору и фиксации данного материала. Последнее в определенной степени связано и с этическими соображениями, возможностью возникновения конфликтных си-

³⁵ Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступления и наказания: Пер. с англ. / Общ. ред. Л.М. Карнозовой. — М.: Центр и Судебно-правовая реформа, 1998. — 354 с.; *Consedine J. Restorative Justice: Healing the Effects of Crime*. Ploughshares Publication, 1995. 176 p.

туаций (известны случаи, когда потомки дезертиров и качагов занимают руководящие посты в администрациях районов, муниципальных образований) и т.д.

В этом плане определенный материал по рассматриваемой проблеме содержится в работе Клычникова Ю.Ю. и Линец С.И. «Севрокавказский узел: особенности конфликтного потенциала. (Исторические очерки)»

Известно, что ситуация в Дагестане особо осложняется в 1942 г., когда на территорию Северного Кавказа хлынул поток беженцев. В отдельные периоды их число доходило до 100 тысяч человек. Среди беженцев находилось немало дезертиров, немецких шпионов и провокаторов, преступных элементов, в том числе лиц, бежавших из мест заключения и пробиравшихся в родные места на Кавказе. Эти криминальные элементы еще больше осложняли и без того уже тяжелую обстановку в регионе. В августе-сентябре 1942 года на территории республик Северного Кавказа были выявлены бандитские формирования общей численностью около 1000 человек [1].

По сведениям, полученным органами НКВД, они действовали по заданию немецких разведывательных органов. В ходе чекистско-войсковых операций было уничтожено 172 бандита, 247 захвачено в плен. С приближением линии фронта к территории автономных республик началось проведение «чисток» в крупных городах. Так, только в Орджоникидзе за сутки было задержано 414 военнослужащих отставших от своих частей и оказавшихся без документов. А за весь период действия военного положения в городах региона было задержано 13883 военнослужащих Красной Армии. После соответствующей проверки среди них были выявлены 1120 дезертиров [2]. Следует заметить, что о численности дезертиров информация появилась в отечественных источниках только в последнее десятилетие. Их количество за все время Великой Отечественной войны в целом по стране составило по уточненным данным 1487834 человека [3].

Что касается непосредственно Дагестана, то здесь тоже к лету 1942 года политическая обстановка значительно ухудшилась. Немецкие разведслужбы активизировали заброску своей агентуры в горные районы республики. Здесь они вступали в тесный контакт с местными националистически настроенными предста-

вителями различных антисоветских групп и формирований. Согласно данным республиканского Управления НКВД в течение первого года войны по разным каналам на территорию Дагестана немцами было заброшено 152 шпиона и диверсанта, в том числе 50 парашютистов. С приближением фронта к Северному Кавказу летом 1942 года в различных районах Дагестанской АССР участились случаи вооруженных нападений на предприятия связи. Так, к примеру, только в течение августа были разрушены бандитами линейные телефонные сооружения и аппаратура в 7 сельских советах Цумадинского района, в сентябре 1942 года - в 5 сельских советах Цунтинского района. Аналогичные диверсии бандиты осуществили в Табасаранском, Дадахаевском, Казбековском, Хасавюртовском, Дербентском и ряде других районов Дагестана. Только в течение августа-ноября 1942 года чекисты и военнослужащие внутренних войск выявили и арестовали 42 вражеских парашютиста. Активно продолжался поиск и остальных немецких агентов [4].

По данным отдела борьбы с бандитизмом НКВД СССР, только за первые три года войны в Дагестане было уничтожено 148 бандитских групп численностью 3380 человек [5].

Как и на всей территории Северного Кавказа, в Дагестане проблема дезертирства и уклонения от призыва в Красную Армию местного населения также была довольно серьезной. Зачастую дезертиры пополняли ряды качагов. Проблема дезертирства была вызвана не только нежеланием служить в армии определенной части горского населения, но и ошибками местных властей при проведении призывной кампании. Так, по словам бывшего председателя правительства Дагестанской АССР и первого секретаря обкома ВКП(б) А.Д. Даниялова «... во многом дезертирству способствовала нечеткость в работе аппарата райвоенкоматов, партийных, советских комсомольских организаций, слабо организовавших разъяснительную работу» [6].

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что тема преступности и бандитизма в годы ВОВ нуждается в серьезном исследовании. Серьезным дополнением к имеющимся архивным материалам может и должна стать организация сбора полевого материала по аулам и селам республики.

Значимость исследования проблемы бандитизма и дезертирства в Дагестане в период ВОВ обусловлена необходимостью устранения белых пятен нашей истории и опровержения утверждений отдельных авторов о том, что в период Великой Отечественной войны Северный Кавказ являлся одним из самых пораженных бандитизмом регионов СССР.

Библиографическое описание

1. Сидоренко В.П. Особые оборонительные районы Северного Кавказа // Органы внутренних дел на пути к правовому государству. Сборник трудов адъюнктов и соискателей. Выпуск 1. - СПб.,1993. - С.132.

2. Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Севрокавказский узел: особенности конфликтного потенциала. (Исторические очерки) / Под ред. Академика В.Б. Виноградова. - Пятигорск,2006. - С.166.

3. О дезертирстве в Красной Армии // Военно-исторический журнал. 2001. - №6. - С.94

4. Бутаев М.Д. Дагестан в период обороны Кавказа (анализ малоизвестных документов) // Годы суровых испытаний и народного подвига. Сборник статей. - Махачкала,1995. - С.40-41.

5. Смыслов О.С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. – М.,2006. - С.47.

6. Даниялов А.Д. Дагестан: время, судьбы. – Махачкала,1991. - С.233.

Гашимов Р.Р.

МЕТОДЫ ПОКОРЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА В ПЕРИОД НАМЕСТНИЧЕСТВА НА КАВКАЗЕ ГЕНЕРАЛА А.П. ЕРМОЛОВА

В первой половине XIX в. вся кавказская политика России основывалась на программе Александра I «Стоять на Кавказе твердо» [См.: 3]. В этой программе Россия, по существу, продекларировала свою военно-политическую экспансию в регион. И именно в период наместничества на Кавказе генерала

А.П.Ермолова, военная политика и соответственно геополитическая экспансия России в регионе приобретает целенаправленный характер и качественно новое содержание, основная специфика которого заключалась в разделении горских народов на лояльных и нелояльных России (мирных и немирных - по терминологии XIX в.), подавлении открытых вооруженных выступлений в регионе против России, проведении карательных экспедиций против непокорных обществ и их экономической блокаде.

Царские генералы жестоко обходились с непокорными. Так, в 1818 году Ермолов приказал «истребить» ряд селений на плоскости, жители которых выступали против царских властей и местных феодалов [8, с.140]. В 1819 году по указанию Ермолова с лица земли были стерты два Дженгутайских аула и селение Янги-Юрт. То же самое повторилось в 1820 году при подавлении восстания акушинцев [2, с.93]. В 1823 году до основания были разрушены «мятежные» селения Каранай и Эрпели, с тем чтобы, как выразился Ермолов, «не последовали примеру друзей» [1, с.25].

Добившись определенных успехов в плоскостной и предгорной частях Дагестана, Ермолов перенес военные действия в Чечню, где также жестоко обходился с непокорными. Так, селение Дадан-Юрт было полностью уничтожено, а жители близрасположенных аулов, опасаясь расправы, покинули обжитые места и ушли в более труднодоступные для царских войск места [6, с.238-239].

«Примерно наказав» и усмирив чеченцев, Ермолов вновь перенес военные действия в Дагестан. В конце 1819 года, сосредоточив войска на территории шамхальства Тарковского, он двинулся через Мехтулинское ханство против взбунтовавшихся акушинцев, «которые, – по его словам, – были виною всех беспокойств» [4, с.28; 7]. Для усмирения акушинцев Ермолов, под прикрытием удержания Кубинской провинции, сделал запрос на дополнительные силы из числа «... 3-х полков пехоты и 2-х рот легкой артиллерии...» [5, с.465; 10, л.15]. Они принудительно были приведены к присяге на верноподданство Российскому государству и обложены данью в 2 тысячи баранов в год. Виновник «возмущения» акушинцев Магомед-Кади был смещен с должности, а его место занял Зухум-Кади [2, с.93-94].

Ермолов использовал изощренные методы покорения горцев. Он оставлял за ними выбор – покорность или «ужасное истребление» [11, с.31]. По утверждению С.Эсадзе, «... одна из главнейших причин, заставившая соединиться всех мусульман в общую организацию, была система, принятая Ермоловым по отношению к мусульманским провинциям...» [12, с.34].

По мнению Романовского, политика Ермолова и есть «начало систематической войны против горцев» [9, с.120]. В ходе военных кампаний 1816-1820 годов царским войскам удалось покорить плоскостные, предгорные и некоторые горные районы Дагестана. С 1821 по 1824 годы в отдельных районах, подвластных царской администрации, произошли волнения, подавление которых осуществлялось посредством карательных экспедиций. С 1824 года начался новый период «усмирения» непокорных, когда основные действия развернулись в Чечне и плоскостной части Дагестана. Согласно рескрипту Александра I Ермолову мы узнаем, что он одобряет действия Ермолова и выражает ему «... полную благодарность...» [5, с.369-370].

Наряду с карательными экспедициями для «покорения» горцев Дагестана и Чечни использовались и другие методы принуждения. План «покорения Кавказа» царское правительство сводило к захвату стратегических пунктов, запиравших выходы в плодородные долины, к оттеснению горцев в районы, где без пашни и зимних пастбищ было невозможно нормальное ведение хозяйства. Одним из таких методов «усмирения» была экономическая блокада «непокорных». Царская администрация по тем или иным причинам запрещала последним вести торговлю в подвластных ей районах Дагестана и Чечни. Еще в 1812 году генерал Хатунцев предписывал Аслан-хану Кюринскому «ни под каким видом» не позволять продажу горцам Самурской долины «всяких жизненных потребностей, так как сие средство есть важнейшее к обузданию сих народов». Особенно широко и планомерно экономическая блокада стала культивироваться с 1818 года, когда началась интенсивная деятельность по окончательному покорению Кавказа. Прибывших по торговым делам в те или иные подвластные царской администрации районы горцев задерживали, конфисковывали товар, который передавался в пользу казны. Так, в рапорте Телавского коменданта капитана Питерса от 19 июля

1820 года командующему войсками в Грузии генералу Вельяминову говорится о продаже в городе Телави товаров, конфискованных у андийцев, на общую сумму семьсот семьдесят рублей 10 копеек [4, с.33-34].

В 1821 году Ермолов предписал губернатору Грузии «сделать немедленно надлежащие распоряжения, чтобы бурки, выделяемые андийцами и другими горцами, отнюдь не были впускаемы для продажи в Грузии; в случае тайного привоза оные, конфисковать их и доносить мне» [4, с.38-39]. Аналогичные предписания Ермоловым были направлены начальникам Джаро-Белоканской области, Ахалцихского пашалыка, Армянской области, Дагестанскому военно-окружному начальнику, управляющему мусульманскими провинциями и управляющему Имеретии. В том же 1821 году командующий войсками в Грузии в свою очередь обратился к местным властям с категорическими требованиями, чтобы дидойцев, когда они «по коммерции или другим надобностям будут приезжать в Кахетию, то арестовать и содержать под строгим караулом, равно и приходящие от них караваны конфисковать в пользу казны» [8, с.142-143]. В результате 10 дидойцев, приехавших по торговым делам в Кахетию были арестованы [18, с.8].

Хотя в документах XIX века нередки заявления о необходимости содействовать экономическому развитию края, единственной сколько-нибудь серьезной попыткой перейти от деклараций к делу не наблюдается. Более того, экономическая блокада горцев Дагестана приобретала системный характер. В 1822 году Ермолов, «желая наказать» аварцев и андийцев, предписал управляющему гражданской частью на Кавказе генералу Вельяминову армянским и еврейским купцам «под опасением строжайшей ответственности» запретить всякую торговлю в горах [4, с.36-37].

Строгий контроль за соблюдением экономической блокады «непокорных» осуществлялся и в последующее время. Так, генерал Вельяминов писал, «что акушинцы, выезжающие по билетам главного своего кади во многие наши города, имея с аварцами связи, кои сделались теперь непозволительными, провозят их с собою без печати Сурхай-хана аварского и дают им случай иметь вместе же с акушинцами торговлю в российских городах. В отвращение сего... неуютно будет сделать распоряжение, чтобы

было строго наблюдаемо за проезжающими в наши города акушинцами, и если между ними окажутся аварцы, то как их, равно и акушинцев, провезших с собою аварцев, без означенных билетов арестовывать и поступать по законам» [4, с.38]. Эти распоряжения выполнялись повсеместно, и примеров этому в источниках достаточно много [1, с.448].

Экономическая блокада царских властей тяжело сказывалась на повседневной жизни горцев Дагестана. Особенно не хватало в горах зерна, соли и других продуктов. Зерно и соль горцы покупали на плоскости, которая оказалась под властью царских властей. В 1828 году генерал И.Ф.Паскевич докладывал графу Нессельроде: «Аварцы, будучи народом бедным, терпящим нужду в самых первых потребностях жизни, и будучи окружены, подобными им бедными соседями, не могут доставать необходимых для себя вещей иначе, как в областях наших и между народами, нам подвластными, обменивая оные на некоторые собственные произведения; без такого обмена и без торговли в наших владениях аварцы существовать не могут... Правительству нашему остается только твердо придерживаться сего правила (т.е. экономической блокады горцев) и оно, вероятно, достигнет цели» [1, с.509]. К чему привела такая политика на Северо-Восточном Кавказе история наглядно показала. Началась кровавая эпопея в истории русского и дагестанских народов, длившаяся до 1859 года. Именно она убедила царскую администрацию на Кавказе в необходимости изменения политики в регионе.

Таковы были некоторые методы А.П. Ермолова по покорению Северо-Восточного Кавказа.

Библиографическое описание

1. АКАК.-TVI.-Ч.2.
2. Бестужев-Марлинский А.А. Повести, рассказы, очерки.- Т.І.-М., 1958.
3. Бочарников И.В. Геополитическая экспансия России на Кавказе в ХУІ-ХХ вв.// http://www.e-journal.ru/p_time-st1-24.html.
4. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. ХІХ века: Сборник документов / Сост. В.Г.Гаджиев, Х.Х.Рамазанов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959.

5. Документальная история образования многонационального государства Российского: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках: В 4 кн. – Кн.1. / Под ред. Г.Л.Бондаревского, Г.Н.Колбая. – М., 1998.

6. Записки А.П.Ермолова. 1798-1826. -М., 1991.

7. Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством Шамиля / Сборник документов. М.: Эхо Кавказа. 2005.

8. Рамазанов Х.Х. Колониальная политика царизма в Дагестане в I пол. XIX в. // Материалы сессии Даг. ФАН СССР. 4-7 октября 1956 года.-Махачкала, 1957.

9. Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война.-СПб., 1860.

10.ЦГВИА.-Ф.ВУА.-Д.6210.-Л.15

11.Экштут С. Алексей Ермолов // Родина.-1994.-№3-4.

12.Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом.-Т.И.-Тифлис, 1907.

Гимбатова М.Б.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПОЛОВЕЦКО-КИПЧАКСКОГО КОМПОНЕНТА В ФОРМИРОВАНИИ ТЮРСКИХ НАРОДОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Проблемы изучения этногенеза, этнической истории и этнического состава населения в прошлом имеет огромное научное и практическое значение. Они связаны с современной жизнью этносов и возможными путями их развития (проблемами этнического прогнозирования).

Проблема формирования и становления тюркских народов всегда привлекала не только историков, но и общественность своей чрезвычайной сложностью, важностью и многогранностью. Наиболее остро стоит этот вопрос в наше время, в связи с реалиями сегодняшнего дня, когда распад Советского Союза вызвал волну национальных движений, интерес к истокам становления

народности. Возросло чувство национальной гордости и самосознания, в особенности у тюркских народов. В связи с возрастающими потребностями у людей знать историю своего народа в историографии появляются небольшие статьи, отдельные монографии и коллективные труды, в которых авторы пытаются «удревнить» свой народ, рискуя исказить историческую правду.

В последнее время часто в научных и общественных кругах возникает вопрос, кто же из тюркских народов, проживающих на постсоветском пространстве является потомками Дешт-и-Кипчака. В создавшихся условиях весьма актуальной представляется рассмотрение участия половцев-кипчаков (на Востоке половцев называли кипчаками) в становлении тюркских народов (башкир, татар, узбеков, казахов и других тюркских народов) как отдельных этносов.

До захвата половцами южнорусских степей обитателями этого региона были печенеги (конец IX в.), а затем торки (нач. X в.). Но их господство в восточноевропейских степях было не долгим. Появляется более сильная кочевая волна, именуемая половцами в русских источниках и кипчаками в восточной средневековой литературе, которая начала своё движение с верховьев Иртыша в IX в. и дошла до южнорусских степей в сер. XI в. Печенеги и торки, объединив свои усилия, отчаянно сопротивлялись половцам-кипчакам, но не сумев сломить натиск врага, вынуждены были подчиниться им. Так в XI в. произошла этнографическая смена, выразившаяся в том, что обширная степь, которую этнографы X в. называют «гузской» по имени огузов-торков, теперь стала называться кипчакской (Дешт-и-Кипчак). В понятие Дешт-и-Кипчак входили земли Причерноморья, Поднепровья и до Волги, а также Крымские степи и берега Азовского моря. Обитали половцы-кипчаки в степях Прикубанья и в Дагестане. На территории Дагестана обнаружены кипчакские каменные изваяния в районе Экибулака, Генторун и Чопалав-тебе, а также Миатлинский могильник на среднем Сулаке, датируемый XII–XIII вв., подтверждает присутствие в Дагестане половцев-кипчаков [1, с. 136; 130]. Половцы-кипчаки кочевали также между Волгой и Яиком (Уралом). Северная граница Половецкой земли соприкасалась с юго-восточным рубежом Киевской Руси.

Обосновавшись в южнорусских степях, половцы-кипчаки не отличались от своих предшественников образом жизни. Они также как печенеги и торки вели кочевой образ жизни. Основным занятием половцев-кипчаков было кочевое отгонное скотоводство. Среди кочевников были и опытные охотники, которые добывали ценные меха, а затем торговали ими.

Дешт-и-Кипчак нёс огромную политическую и экономическую нагрузку. Через Половецкую степь шли торговые пути, объединявшие Запад и Восток. Ассортимент половецких базаров был широкий, начиная с рыбьей икры, кончая драгоценными камнями, Рубрук и Ибн-ал-Асир, путешествуя по Дешт-и-Кипчаку в сер. XIII в., восхищались великолепием тамошних базаров и размерами транзитной торговли [2, с. 25-26].

Половцы-кипчаки оказывали огромное влияние и на другие народы, в частности на арабов, которые научились изготавливать кумыс, употреблять мясо лошадей, носить кипчакские кафтаны и тюбетейки.

Влияние половцев ощутили на себе и в Венгрии. Там росло влияние половцев, особенно при Ладиславе (Ласло), воспитанном матерью-половчанкой. Он окружил себя знатными половцами, при дворе распространились половецкие обычаи, роскошь и одежда.

В Болгарии была целая половецкая династия болгарских царей. В Византии были в моде роскошные половецкие одежды, кривые сабли, тугие луки и сёдла и некоторые формы стремян.

Отношения с самыми ближайшими соседями – Русью, были многоплановыми. За полтора века половцы совершили 26 походов на Русь. Русскими князьями были организованы около двух десятков походов на Дешт-и-Кипчак. 13 раз половцы заключали «вечный мир» с киевским князем. Заключались между ними и брачные союзы, в основном они носили политический характер. Половцы охотно оказывали военную помощь русским князьям, которые находились между собой в состоянии войны. Таким образом, степняки играли активную роль в судьбе Древней Руси, раздираемой междоусобной борьбой.

Непростыми были взаимоотношения половцев-кипчаков с горцами Северного Кавказа. Кипчаки наносили горцам значительный экономический ущерб, многочисленные стада кипчаков

вытаптывали их посе́вы. Отношения горцев и кипчаков не всегда были враждебными. В XII веке совместные политические действия становится обычным делом. «Тарих Баб» сообщает, что уже в 1064 г. «владелец Сарира» привлёк к союзу «различных тюрков и вместе с ними совершил набег на Дербент. Грузинский анонимный автор XII в., рассказывая о походе Давиде IV (1089-1125 гг.) в Дагестан в 1123 г., сообщает о выступлении против него «лаков и кипчаков дербендских» [3, с. 143].

Но в самом Дешт-и-Кипчаке не было спокойствия, то и дело вспыхивали военные конфликты между враждующими племенами.

Не было в Половецкой степи единого централизованного государства во главе с правителем, сильной армии, судов. Экономическая база оставалась кочевой – скотоводческой. Экономика обусловила и сохранение в общественных отношениях сильных пережитков родоплеменного строя, хотя расслоение общества на бедных и богатых прослеживалось, существовало у половцев-кипчаков и семейное рабство. Не было у половцев-кипчаков и письменности. Не была принята единая монотеистическая религия. Ни экономика, ни социальный строй, ни культура не созрели ещё даже для создания раннефеодального государства. Ни о каком объединении половецких феодалов для борьбы с общим врагом не могло быть и речи. Вот такая весьма благоприятная обстановка предстала перед монголами, сплочёнными железной дисциплиной во главе с талантливыми военачальниками.

Процесс формирования ногайской народности был сложным. По происхождению племена, принявшие участие в формировании ногайской народности, можно разделить на две группы: кипчакскую и монгольскую.

До нашествия монгол на Дешт-и-Кипчак её этнический состав был неоднороден. Это пространство населяли остатки племён печенегов, торков, болгар, основным же населением степи были многочисленные племена кипчаков, которые согласно легенде «Зайн-ал-ахбар» Гардизи, вместе с другими племенами входили в Кимакский племенной союз [4, с. 43-45]. По версии Рашид-ад-Дина Абуль-Гази кипчаки отделились от огузских племён [5, 84].

Племя кипчак делилось на девять родов (тора-айгыр, туючка, кытабак, ултун, кокбурун, кунделен, узун, танбуга, карабалых) и

18 племён (токсоба, иста, бурджоглы, бурлы, кангоуглы, анджылы, дурут, какабароглы, джузнан, карабиркли, котян, ворлу, талелуре, корсак, кабал, куньбелен, сыта, кутан). С приходом монголов на землю кипчаков этнический состав Дешт-и-Кипчака меняется. Этнический состав монголов был также пёстрым, он состоял из племён, некогда завоёванных отцом Чингиз-хана Есукай-Багадуром. Название племён найманов, кераитов, тангугов, тайджиутов, мангытов, китаев, прибывших с монголами в Дешт-и-Кипчак, дошли до нас благодаря сведениям Рашид-ад-Дина, Абуль-Гази.

Эти и другие монгольские племена, сведения о которых, к сожалению, не сохранились, захватив южнорусские степи, стали постепенно вливаться в новую для них тюркскую этническую среду.

Завладев Дешт-и-Кипчаком, монголы образовали новое государство Золотую Орду, основным подвластным населением Золотой Орды были завоёванные кипчакские племена.

На раннем этапе истории Золотой Орды ещё не сложились социально-экономические предпосылки для создания единой народности. Только после распада и образования самостоятельных государств: Астраханского, Крымского, Касимовского, Узбекского, Казахского ханств, Ногайской Орды появляются предпосылки для формирования новых этнических образований. Перечисленные выше племена монгольского происхождения и многочисленные кипчакские племена приняли активное участие в формировании ногайской народности. В состав Ногайской Орды входило 33 племени и рода: уйсун, кипчак, найман, керейт, ас, ктай, дурмен, конгарат, нукус, кенегес, тама, мангыт, быдрак, борлак, канглы, кобек, баис, сарай, контур, мажар, мынг, коркыт, байдар, болгар, шижиут, уйгур, сеит, кобан, абаз, кыргыз, туьркпен, калмык, кумык и др. Названия этих родов у ногайцев сохранились вплоть до начала XX века [6, с. 27]. Несмотря на столь пёстрый этнический состав Ногайской Орды, всё же первостепенную роль в становлении ногайской народности сыграли многочисленные кипчакские племена, т.к. именно они составляли основное население Золотой Орды.

В составе ногайцев зафиксированы кипчакские роды: каракипчак, курулу-кипчак, белдауз-кипчак, байоглу-кипчак.

До сих пор существует ногойская поговорка: «Кый аударсан-кыпшак шыгар» (Перевернёшь кизяк - оттуда кипчак появится).

Монгольские племена и кипчаки дали этноплеменное и языковое начало не только ногойцам, но и другим тюркским народам: татарам, башкирам, каракалпакам, казахам, *киргизам*, узбекам.

Т.А. Трофимова провела огромную работу по выявлению общих родовых названий в составе некоторых тюркских народностей, тем самым подтверждая наше высказывание об общности происхождения современных тюркоязычных народов Поволжья и Средней Азии.

Приведем таблицу, составленную Т.А. Трофимовой. Общие родовые названия в составе некоторых народностей [7, с. 52]

Родовые названия			Кара-гайи	Крым-ские татары	Кара-калпаки	Казахи	Узбеки
	Иванов XVIII в.	Семёнов XIX в.					
Мангыт	+	-	+	-	+	-	+
Кипчак	+	+	-	-	+	+	+
Канглы	+	+	-	+	+	+	+
Найман	+	+	+	+	-	+	+
Кунград	+	+	+	+	-	+	+
Кытай	+	-	-	+	+	+	+
Уйгур	+	+	-	-	-	-	+
Югар	-	+	-	-	-	-	-
Уйшун	+	+	-	-	+	+	+
Кенегес	+	-	-	-	+	-	+
Минг	+	-	-	-	-	-	+
Нукуз	+	-	-	-	-	-	+
Курала	-	+	-	-	-	-	+
Мажар	-	+	-	-	-	-	+
Серкели	-	+	+	-	-	-	-
Киреит	-	-	+	+	-	+	+
Аргын	-	-	-	+	-	+	+

Алчин	-	-	-	+	-	+	+
Тана	-	-	-	+	-	+	+
Тиляу	-	-	-	-	-	+	+
Джыбын	-	-	-	-	+	-	-
Кыяш	-	-	-	-	+	-	+
Митан	-	-	-	-	+	-	-
Табын	-	-	-	-	-	+	+
Джалаир	-	-	-	-	-	+	+

Из 25 родов, приведенных Т.А. Трофимовой, племя кипчак встречается почти у всех исследуемых народов, кроме карагашей. Также почти у всех встречается род канглы, найман, мангыт, кунград, кытай.

Анализируя вышеприведенную таблицу, можно сделать вывод, что наиболее близкими к ногайцам по этническому составу являются узбеки, каракалпаки, а затем казахи.

К современным тюркским народам относятся и кумыки, но об общности происхождения тюркских народов Поволжья и Средней Азии с кумыками говорить нельзя. По мнению Г.С. Фёдорова, кумыки – автохтоны Дагестана, предки которых жили здесь с эпохи каменного века. Правда, говорят кумыки на кипчакском языке, т.к. находились под влиянием тюркских племён, которые начали проникать на территорию Северо-Восточного Дагестана с конца IV века и вплоть до XIII века. Академик В.В. Бартольд назвал кумыков «отуреченными лезгинами» [4, с. 19], этноним «лезгин» распространялся на коренное население Дагестана.

Население Дешт-и-Кипчака в домонгольский период представляло собой метисированную группу европеоидных и монголоидных элементов. Т.А.Трофимова, исследовав серию черепов кочевого населения эпохи Золотой Орды из Пугачёвского района (Давыдовка-Августовка) и Саратовской области, отмечает их монголоидный, южно-сибирский тип с европеоидной примесью [7, с. 32]. Монголоидные черепа на территории южнорусских степей впервые констатируются в курганах X–XII вв. на нижнем Дону, в районе хазарского города Саркела [7, с. 29].

Таким образом, монгольское завоевание слабо изменило этнический и расовый состав покорённого населения Половецкой степи.

В недрах Золотой Орды происходит становление ногайской государственности. Накануне распада Золотой Орды и из её состава выделяется Мангытский юрт. У истоков зарождения нового государственного объединения стоял Эдиге – выслужившийся нойон, который сумел в обстановке междоусобной борьбы за золотоордынский престол между кок-ордынской аристократией и князьями правого крыла взять на себя руководство делами Золотой Орды, объединив Джучиев улус. Страной управлял не хан, а темник Эдиге. Продолжалось это до тех пор, пока Эдиге не изменил Тимуру, после чего Эдиге со своей дружиной бежал к мангытам и основал в 1391 году Мангытский юрт, где его провозгласили князем. Определив границы Мангытского юрта, территорию между Волгой, и Яиком (Уралом), Эдиге создал государство в государстве, имея постоянную армию в 2 тысячи всадников. Все государственные должности в Мангытском юрте занимали соплеменники Эдиге – мангыты, а основное население юрта – кипчаки стали называть себя мангытами по имени основателя князя Эдиге – выходца из племени мангыт. Не успокаиваясь на достигнутом, Эдиге стал играть активную роль в конфликте между Тимуром и Тохтамышем. Этот конфликт помог ему (Эдиге) управлять Золотой Ордой на правах хана.

После смерти Эдиге началась борьба за ханский престол между многочисленными сыновьями Тохтамыша в результате которой Золотая Орда перестала существовать.

Эдиге последнему удалось восстановить Золотую Орду. По словам очевидцев, был он мудрым правителем, храбрым военачальником, талантливым дипломатом. При нём укрепился Мангытский юрт, который стал колыбелью Ногайской Орды.

В недрах Ногайской Орды происходил глубинный и менее заметный процесс формирования новой народности – ногайцев. Турецкий историк Джаннаби назвал Эдигея «главой поколения ногайцев» [8, с. 226]. В русских летописях конца XV в. именно мангыгов стали называть ногаями: «И приидоша ногаи прежде реченные мангитами» [9, с. 84]. А. Джанибеков писал, что «калмыки всех ногайцев называют мангитом...» [10, Л. 10].

После смерти Эдиге началась междоусобная борьба между его сыновьями (было у него их 20). И только при Нурадине, младшем сыне Эдиге, Мангытский юрт был не только восстановлен в прежних пределах, но и несколько расширился. Окончательное оформление Ногайской Орды происходит при сыне Нурадина – Воккасе. Первые упоминания о ногайцах и Ногайской Орде и их правителе Воккасе мы находим у М. Меховского (1517 г.) [11, с. 92].

Территорией первых ногайцев был Мангытский юрт, границы которого простирались от Волги до Яика (Урала). Границы Мангытского юрта стали расширяться при Нурадине и Воккасе. В 40-х годах XVI в. Ногайская Орда занимала сравнительно большую территорию: от Волги до Иртыша и от берегов Каспийского и Аральского морей до лесной полосы на севере. На северо-западе она граничила с Казанским ханством по рекам Самаре, Кенили и Кенилчику. Иногда границы её владений доходили до города Казани. Владения ногайцев доходили и до Камы. На Северо-востоке Ногайская Орда граничила с Сибирским ханством. Ногайцы населяли и прикаспийскую низменность Дагестана. Все обозначенные территории Ногайской Орды располагались на территории Дешт-и-Кипчака – родине кипчаков.

Нашествие монголов нельзя рассматривать как значительное переселение монгольского народа в Дешт-и-Кипчак. Скорее всего, это была военно-политическая экспансия монгольской империи. В Дешт-и-Кипчак прибыла монгольская армия, во главе со старшим сыном Чингиз-хана Джучи, состоявшая из 4000 воинов. Если учесть покорённые народы Средней Азии участвовавших в походе Бату, то число их было не более 100 тыс. человек. Такое количество, монгол не могло в корне изменить быт миллионов автохтонов. Не смогли монголы повлиять и на обряд захоронений. В XIII–XIV вв. появляются погребения с подбоем, связанные с монгольским завоеванием, т.к. до «шествия татар подбоев не было. Но захоронений с подбоями ничтожно мало. По утверждению Г.А. Фёдорова-Давыдова «в Восточной Европе нет погребальных памятников, которые можно было бы связать с монголами по комплексу характерных черт» [12, с. 157].

Монголов, по сравнению с половцами-кипчаками было мало и они быстро смешались с местным населением. Процесс асси-

миляции и его результаты чётко передаёт в своём сочинении арабский путешественник Эль-Омари: « В древности это государство (имеется в виду Золотая Орда) было родиной кипчаков, но когда им завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами (татар), и все они стали точно кипчаки, как будто от одного (с ними) рода, оттого что монголы (и татары) поселились на земле кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить на земле их (кипчаков)» [2, с. 235].

Кипчаков-половцев было во много раз больше пришельцев, которые были просто «поглощены» завоёванным населением. В результате этого на старой этнической основе «замешивался» новый этнос, с новым этническим именем - «ногайцы», унаследовавшие от половцев-кипчаков не только территорию, но и тип материальной культуры.

И у половцев-кипчаков, и у ногайцев жилищем служила тюркская куполообразная юрта.

Основу одежды ногайцев, как и у половцев-кипчаков, составлял кафтан, в зимнее время овчинные шубы спасали их от морозов.

Основным занятием ногайцев, как и у половцев-кипчаков, было кочевое скотоводство. Продукты животноводства составляли основу жизни ногайцев. Ремесло не отделилось от скотоводства. Ногайцы также как и половцы занимались домашним ремеслом, удовлетворяя свои каждодневные потребности.

Мужчины изготавливали деревянные части юрты, домашнюю утварь, арбы, воинское снаряжение. Занимались сапожным, шорным и кузнечным делом.

Женщины изготавливали войлок, обрабатывали шкуры и сшили из них шубы, пряли шерстяные ткани.

Ногайцы унаследовали от половцев и знания ювелирного дела. Ювелирами изготавливались серебряные кольца, браслеты, серьги, нагрудные украшения.

Таким образом, ногайцы вобрали в себя и сохранили материальную культуру половцев-кипчаков. Элементы монгольской материальной культур (конусообразная юрта, монгольский традиционный халат и плащи) у ногайцев не прослеживаются. Слово

«кумыс», столь широко распространены среди половцев-кипчаков, а затем ногайцев не было известно монголам.

Ногайцы унаследовали от половцев-кипчаков не только материальную культуру, но и язык, произошла т.н. языковая преемственность. Ногайский язык составляет отдельную кипчакско-ногайскую подгруппу в кипчакской языковой группе.

Сведения о кипчакском языке, относящиеся к IX–XII вв., до нас не дошли. Самым ранним и первым памятником на кипчакском языке является Половецкий словарь (Codex Cumanicus), относящийся к XIII в.

Кипчакский язык господствовал в Дешт-и-Кипчаке и после монгольского завоевания. Итальянский финансист XIV в. Франческо Пеголотто в своём руководстве для купцов рекомендует торговцам, которые собираются вести дела в Золотой Орде, иметь переводчиков, знающих кипчакский язык [12, с. 206].

На кипчакском языке не только говорили, но и писали. В 1961 г. в развале одного из зданий Нового Сарая была найдена лопатка быка с надписью, которая была написана на кипчакском языке арабскими буквами. Надпись датируется серединой или третьей четвертью XIV в. Ярлыки Тохтамыша и Тимур-Кутлуга были также написаны на кипчакском языке. Ибн-Баттута, путешественник XIV в., слышал тюркскую речь и при монгольских ханских дворах Дешт-и-Кипчака [2, с. 285].

Кипчакский язык знали и на Руси. Знал его и автор знаменитого «Слова о полку Игореве», где часто встречаются слова тюркского происхождения. Кипчакский язык знали в Венгрии. Там не только говорили по-кипчаки, но и соблюдали кипчакские обычаи, что крайне возмущало римского папу и венгерских вельмож.

На кипчакском говорили и в Египте. Кипчаки, проживавшие в Египте, оставили арабам большое наследие в области искусства и литературы. Прежде всего кипчакское влияние сказалось на лексике и форме литературных произведений. На кипчакском языке говорили египетские мамлюки, правившие страной, многие арабы, стремясь заслужить их расположение, учились говорить по-кипчаки.

Украинские армяне также говорили на кипчакском языке. До нас дошли Половецкие судебные акты 1559-1567 гг.. армянской

колонии в Каменец-Подольске, которые являются важным языковым памятником, донёсшим до нас особенности живого разговорного кипчакского языка XVI в., на котором общались между собой украинские армяне.

Рассматривая «Половецкий словарь» - памятник XIII в. и «Документы на половецком языке XVI в. Каменец-Подольской армянской общины», можно предполагать, что кипчакский язык не претерпел особых изменений.

Перестав существовать как единая народность, кипчаки вошли в состав многих современных тюркских народов, которые унаследовали от них и кипчакский язык.

Кипчакско-ногайская подгруппа в кипчакской языковой группе объединяет не только современный ногайский, но и каракалпакский, казахский языки и некоторые диалекты узбекского языка. Одним из основных признаков этой подгруппы является замещение ш<ч и с<ш.

Анализ имеющихся источников и материалов позволяет нам заключить, что предками ногайцев являются тюркские (главным образом кипчакские) и тюркизированные монгольские племена. Большую роль в этом сыграли мангыты, давшие ногайцам государственность, и половцы-кипчаки, от которых ногайцы унаследовали материальную культуру и язык.

У племён, образовавших ногайскую народность, уже в средние века была общая территория от Волги до Иртыша и от берегов Каспийского до Аральского морей до лесной полосы на севере. Сложился единый ногайский язык, основу которого составлял кипчакский язык.

У всех племён, в основном кипчакских, уже в конце XIV – начале XV в. складывалось общее этническое самосознание. Они вели кочевой образ жизни, занимались *скотоводством* и охотой и жили в условиях патриархально-родового строя и патриархально-феодалных отношений.

Все они исповедовали единую официально признанную религию ислам. Из племенных эпосов сформировался единый общенародный эпический памятник «Эдиге».

Так в недрах ногайского государства, из разных племён, сложился новый этнос – ногайцы, со своей территорией (земли За-

падного и Центрального Казахстана, Южного Урала и Нижнего Поволжья) и государственностью.

Таким образом, по территориальному положению, этническому составу, административному устройству, внешнеполитической деятельности она выступала непосредственной наследницей прежних кочевых империй Евразии. О могуществе и влиянии Ногайской Орды говорит тот факт, что в истории некоторых народов Евразии существовал так называемый ногайский период. В качестве научного термина это понятие фигурирует в историографии башкир и каракалпаков; фольклорные памятники казахов и киргизов связывают легендарный «героический век» с эпохой господства ногаев. С Ногайской Ордой и выходцами из нее соприкасались и отчасти ассимилировались предки казахов и киргизов, татар казанских и крымских, сибирских и астраханских, башкир и каракалпаков, туркмен и калмыков, донских и уральских казаков, а также многих народов Северного Кавказа.

Близкое соседство позволяло ногаям влиять на внутреннее положение в Казанском, Астраханском и Сибирском юртах, сажать на троны своих ставленников. По данным некоторых источников, эти государства были обязаны отчислять определенные платежи правителям Ногайской Орды. Еще более непосредственному и интенсивному воздействию южных кочевников подвергались башкирские племена – подданные ногайских биев.

Восточными соседями Ногайской Орды были казахи и ханства Средней Азии. Отношения ногаев с казахскими династиями тоже развивались сложно, между ними случались жестокие войны. В первой четверти XVI в. хан Касим завоевал все степи за Волгой, но во второй четверти произошла ногайская «реконкиста», и Казахское ханство превратилось в вассала ногаев. Узбекские же государства служили, главным образом, приютом для беженцев из ногайской державы – биев и мирз, потерпевших неудачу в междоусобной борьбе.

В фольклоре каракалпаков – народа, некогда вышедшего из Ногайской Орды, сохранились многочисленные воспоминания о пребывании их в составе страны Ногайлы; о ногайско-каракалпакской этноисторической общности свидетельствуют и близкие соответствия в названиях родоплеменных подразделений. Народ «ногой» фигурирует в героическом эпосе киргизов

«Манас» как дружественный киргизам, составляющий с ними единое владение, улус; именно из ногоев происходил сам главный герой, богатырь Манас. В результате двух больших волн переселений XVI в. ногайский элемент закрепился и в составе казахского этноса. Несомненным стимулом для ассимиляции послужило и то, что казахский Младший жуз целиком расположился на бывшей территории Ногайской Орды. Среди башкир, особенно юго-восточных, распространены группы с названием «ногай». Есть свидетельства о проживании ногоев на землях Сибирского юрта.

Таким образом, выходцы из Ногайской Орды проникли в состав почти всех окрестных народов. У тюркских народов Евразии (ногайцев, татар, башкир, казахов, каракалпаков и прочих) сложился общий пласт героического эпоса, так называемый ногайский цикл, повествующий о Эдиге и его потомках. Сама фигура родоначальника ногайских биев Эдиге была сакрализована казахами и каракалпаками. Они почитали его как покровителя лошадей [13, с. 648-652].

Таким образом, на протяжении нескольких столетий потомки кипчаков – ногайцы играли значительную роль в становлении и истории многих народов Евразии.

Литература

1. Федоров-Гусейнов Г.С. История происхождения кумыков. Махачкала: Изд-во ДГУ, 1996. – 175 с.
2. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884.– 588 с.
3. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X-XIII вв. СПб.: Изд-во С- Петербургского ун-та, 1994. – 238 с.
4. Бартольд В.В. Сочинения. Т.8. М.: Наука, 1973. – 725 с.
5. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. Кн. 1. – 219 с.
6. Керейтов Р.Х. Некоторые проблемы этногенеза ногайцев // Половецкая луна. Черкесск, 1992. № 1. С. 24-38.
7. Трофимова Т.А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 264 с.
8. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // УЗ Мордовского университета. Саранск, 1960. Вып. 11. С. 2-273.

9. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 479 с.
10. Джанибеков А.-Ш.Х. Очерк истории ногайцев. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 2. 1935. – 169 л.
11. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л., 1936. – 274 с.
12. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966. – 274 с.
13. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. – 752 с.

Загирова Э.М.

ТРАДИЦИОННАЯ СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНЕ: АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ

Введение

Семейно-брачная сфера является одной из важнейших в этносоциологическом изучении народов Дагестана и такой научный интерес обусловлен непреходящей ролью семьи в сохранении и воспроизводстве этнической культуры и структуры данного региона. Более того, являясь и по сей день носительницей специфических этнических черт и каналом трансляции этнокультурных ценностей молодому поколению³⁶, семья в Дагестане привлекает пристальное внимание ученых, стремящихся осмыслить происходящие с ней изменения, дать им оценку с позиций современной реальности и определить вектор дальнейшего развития³⁷.

К факторам, вызывающим особую тревогу дагестанской общественности, в том числе научной, являются те явления и процессы, которые, несмотря на сохранение консервативного облика дагестанской семьи, свидетельствуют о тенденциях разру-

³⁶ Алимова Б.М., Ибрагимов М.-Р.А. Новые тенденции в развитии семейной обрядности народов Дагестана // Вестник Института ИАЭ. 2016. № 2. С. 69.

³⁷ Алимова Б.М. Современная дагестанская семья: проблемы и перспективы // Вестник Института ИАЭ. 2011. № 1. С. 48.

шения ее традиционных оснований, что находит выражение в снижении устойчивости семейно-брачных отношений, росте конфликтного потенциала и увеличивающейся динамике разводов в дагестанских семьях³⁸.

Пространство соотношения традиционного и инновационного в семейно-брачной сфере дагестанского общества является достаточно противоречивым, так как реанимация ряда архаических элементов семейной жизни в ходе их реализации в реальной семейной практике не соответствует той логике трансформации традиционной семьи, которая связана с имеющей место в дагестанской среде эгалитаризацией семейных отношений. Возникает ситуация, когда полное восстановление традиционной семьи в ее архаическом варианте с опорой на патриархальные устои и религиозные предписания уже невозможно, но усилия, предпринимаемые в этом направлении, значительно препятствуют развитию нуклеарной семьи в ее современном формате, основанном на эгалитарных ценностях. Это состояние баланса традиционного и инновационного в функционировании института традиционной семьи в Дагестане – своего рода, турбулентное пространство, в котором варианты развития семейных отношений зависят от многих факторов, способных изменить соотношение традиционного и инновационного в ту или иную сторону с соответствующими последствиями – архаизации традиционной семьи или ее инноватизации, т.е. эгалитаризации.

В данной статье на основе результатов социологического опроса³⁹ излагаются институциональные альтернативы развития традиционной семьи в Дагестане.

Результаты исследования

³⁸ Курбанова З.А. Семейно-брачные отношения в Дагестане: ретроспектива и векторы развития // Вестник Волгоградского государственного университета. 2013. № 4 (21). С. 104.

³⁹ Социологический опрос проведен автором в 2016 г. в Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Каякентском, Кизилюртовском, Карабудахкентском, Кизлярском, Лакском, Левашинском, Новолакском, Хасавюртовском районах, гг. Дербент, Каспийск, Кизляр, Кизилюрт, Махачкала, Хасавюрт. N – 1323.

В связи с наличием в современной семейно-брачной сфере дагестанцев традиционного и инновационного, для нас интерес представляет отношение дагестанских народов к традиционным семейным ценностям, их ориентированность на их поддержание или игнорирование на фоне происходящих в современном дагестанском обществе кардинальных изменений. Поэтому в нашем эмпирическом исследовании респондентам был задан вопрос, позволяющий получить информацию о важности и частотности соблюдения семейных традиций в современном дагестанском обществе (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «В какой мере соблюдаются в современном дагестанском обществе семейные традиции и обычаи?» (варианты ответов даны по группам национальностей и отношения к религии в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов	В современном дагестанском обществе в полной мере соблюдают все семейные традиции и обычаи	В современном дагестанском обществе не в полной мере соблюдают семейные традиции и обычаи	В современном дагестанском обществе вообще не соблюдают семейные традиции и обычаи	В сельской местности соблюдают все семейные традиции и обычаи, в городской местности соблюдают только некоторые семейные традиции и обычаи	В сельской местности соблюдают только некоторые семейные традиции и обычаи, в городской местности вообще не соблюдают семейные традиции и обычаи
<i>По национальностям</i>					
Аварцы	17,8	58,2	4,9	42,0	16,0
Даргинцы	18,9	62,9	5,8	41,2	14,8
Кумыки	23,0	43,7	15,6	31,9	10,4
Лакцы	12,5	63,5	8,7	40,4	12,5
Лезгины	25,7	48,6	4,6	41,3	11,0
Русские	24,1	68,5	1,9	33,3	1,9

Чеченцы	17,9	33,3	16,7	38,1	6,0
Другие	36,7	42,0	2,0	46,0	8,7
<i>Всего:</i>	<i>21,2</i>	<i>54,4</i>	<i>6,8</i>	<i>40,5</i>	<i>12,4</i>
<i>По отношению к религии</i>					
Убежденно верующий	30,0	52,7	5,0	42,3	9,6
Верующий	20,9	55,1	7,3	38,7	12,3
Колеблющийся	9,7	49,5	5,8	53,4	12,6
Неверующий	16,7	54,2	8,3	45,8	20,8
Убежденно неверующий	8,3	66,7	0	25,0	25,0
<i>Всего:</i>	<i>21,6</i>	<i>54,3</i>	<i>6,7</i>	<i>40,5</i>	<i>12,0</i>

Полученные результаты нашего исследования показывают, что более половины опрошенных придерживается позиции, что семейные традиции в Дагестане соблюдаются не в полной мере. По этнической принадлежности, по сравнению с другими подгруппами, доля таковых заметно больше среди респондентов аварцев, русских, лакцев и даргинцев (больше половины опрошенных). При этом обращает на себя внимание позиция, что в сельской местности соблюдают все семейные традиции и обычаи, в отличие от городской, в которой соблюдаются «только некоторые семейные традиции и обычаи». По гендерному признаку среди женщин оказалось больше тех, кто разделяет суждение о том, что семейные традиции и обычаи не соблюдаются в дагестанском обществе в полной мере (57,4 %), в противовес каждому второму опрошенному среди мужчин (48,7 %). Среди верующих дагестанцев доминирует убежденность в этой позиции и это позволяет утверждать, что традиционные устои семейной жизни в дагестанском обществе уже пошатнулись, и население данной республики уже не считает необходимым соблюдать абсолютно все традиции, прежде определявшие содержание и характер семейно-брачной сферы жизнедеятельности дагестанского социума.

Восприятие семейной реальности на уровне всего дагестанского общества, в целом, совпало с индивидуальной оценкой этой реальности. Когда мы задали «контрольный вопрос» «Соблюдае-

те ли Вы в своей семье традиции и обычаи своего народа?», то получили примерно тот же результат – большинство респондентов ответило, что соблюдают, но только некоторые из семейных традиций. Утвердительно на данный вопрос ответил каждый третий опрошенный по всему массиву, против статистически незначимой доли, не соблюдающих семейные обычаи и традиции своего народа (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Соблюдаете ли Вы в своей семье традиции и обычаи своего народа?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Националь-ности	В моей се-мье со-блюдают все нацио-нальные традиции и обычаи моего народа	В моей се-мье со-блюдают только не-которые нацио-нальные традиции и обычаи моего народа	В моей се-мье по-определен-ным при-чинам во-обще не соблюдают националь-ные тради-ции и обы-чаи моего народа	В моей се-мье не счи-тают нуж-ным со-блюждать нацио-нальные традиции и обычаи моего народа
Аварцы	37,1	55,7	2,8	1,8
Даргинцы	33,3	60,1	1,7	4,1
Кумыки	28,9	58,5	5,9	3,7
Лакцы	28,8	61,5	6,7	1,0
Лезгины	40,4	52,3	4,6	0,9
Русские	25,9	63,0	7,4	0
Чеченцы	26,2	60,7	8,3	1,2
Другие	52,7	42,0	2,0	1,3
Всего:	35,7	56,2	3,8	2,2

При этом, как видим из таблицы № 2, традиционных ориен-таций в организации семейной жизни в большей степени при-

держиваются респонденты лезгины (каждый второй опрошенный) и аварцы (каждый третий опрошенный). Среди представителей чеченского народа, по сравнению с другими этническими подгруппами, оказалось больше всего, тех, кто в семейной жизни вообще не придерживается традиций и обычаев своего народа, впрочем, как и русские респонденты. В гендерном отношении ответы распределились также, как и в отношении восприятия ситуации на уровне всего общества: среди тех, кто считает, что в их семье соблюдаются абсолютно все традиции и обычаи, чуть больше оказалось мужчин (39,8 %), по сравнению с женщинами (34,0 %). Вместе с тем важно понимать, что на характер жизнедеятельности дагестанской семьи в плане приверженности традициям и обычаям уровень образования респондентов, как показывают результаты нашего исследования, не влияет: 59,2 % со средним, 55,5 % с высшим и незаконченным высшим, 53,6 % со средним специальным образованием отметили суждение «в моей семье соблюдают только некоторые национальные традиции и обычаи моего народа». При этом 33,0 % опрошенных со средним, 35,6 % с высшим и незаконченным высшим, 39,8 % со средним специальным образованием придерживаются позиции «в моей семье соблюдают все национальные традиции и обычаи моего народа»; статистически небольшая доля опрошенных разделяет суждения «в моей семье не считают нужным соблюдать национальные традиции и обычаи моего народа» (2,2 %) и «в моей семье по определенным причинам вообще не соблюдают национальные традиции и обычаи моего народа» (3,6 %). Таким образом, можно сделать вывод о том, что значительных расхождений в ответах респондентов, как с высшим образованием, так и без такового, не наблюдается. С незначительным отрывом выделяются респонденты со средним образованием, в большей степени проявивших меньшую приверженность соблюдению традиций и обычаев в семье, нежели представители с высшим и средним специальным образованием. Эта ситуация заставляет задуматься над тем, что же тогда определяет характер семейных практик в Дагестане, какие факторы влияют на семейные ориентации дагестанских народов? Нам представляется, что в значительной мере играют роль факторы микро- и макросреды, определяющие общий фон развития семейной сферы Дагестана, в определенной

степени подверженной тенденциям, как либерализации, так и традиционализации семейных отношений. Социализированная в этих условиях личность, независимо от уровня полученного затем образования, сохраняет приверженность полученным в ходе семейной социализации ценностям и ориентациям. Здесь следует отметить, что факторы семейной социализации играют преобладающую роль для дагестанцев, у которых ценность семьи, как показывают результаты исследователей, продолжает оставаться на самом высоком уровне, занимая лидирующие позиции в системе ценностной иерархии⁴⁰. Однако следует отметить, что при этом наблюдаются определенные изменения в сфере репродуктивных установок дагестанского общества и, прежде всего, у молодого поколения. Речь идет о том, что репродуктивные установки дагестанской молодежи уже не отражают ориентированности на большое количество детей в семье при всем том, что, по сравнению с общероссийскими данными, дагестанская молодежь демонстрирует более высокие показатели: в большинстве случаев, как отмечают ученые, опросившие студенческую молодежь Дагестана, молодые дагестанцы планировали иметь от 2-х до 4-х детей (при этом больше всего молодежь ориентирована на трехдетную семью), но для Дагестана, который всегда славился своей многодетностью, представленные показатели, как пишут авторы данного исследования, не являются высокими⁴¹.

Соответственно, наметившаяся тенденция снижения рождаемости в Дагестане в постсоветский период, несмотря на высокие показатели по данному демографическому критерию среди дру-

⁴⁰ См.: Шахбанова М.М. Установки на межнациональные связи и формирование толерантности // Дагестанский социологический сборник – 2006. Махачкала, 2006. С. 95 – 105; Шахбанова М.М. Толерантность и этническая идентичность андо-цезских народов (по результатам социологического исследования) // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2012. № 45. С. 98 – 104; Верещагина А.В., Шахбанова М.М. Формирование новых семейных ценностей и отношений в современном российском обществе // Вестник ДНЦ. 2013. № 50. С. 67.

⁴¹ Верещагина А.В., Шахбанова М.М., Шихалиева Д.С. Демографическое поведение и формирование новых семейных ценностей в установках студенческой молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 10. С. 59.

гих регионов России, также является отражением детрадиционализации семейной сферы. Но устойчивое сохранение данных тенденций может привести к изменению отношения к многоженству как способу повышения репродуктивного потенциала региона в дагестанском обществе. Сейчас оно не является положительным, но ситуация может измениться, если демографические показатели в Дагестане станут явно неблагополучными для дальнейшего воспроизводства населения данной республики.

При всем том, что архаические традиции начинают возрождаться в дагестанском обществе в сфере семейных отношений, современные тенденции, находящие отражение в семейных практиках других российских регионов, связанные с либерализацией семейной сферы и трансформацией гендерных отношений, еще не находят поддержки в дагестанской среде. Так, ответы на вопрос «Как Вы относитесь к внебрачной рождаемости (когда женщина принимает решение стать матерью, не состоя в официальном браке)?» констатируют наличие в массовом сознании дагестанцев неприятия внебрачной рождаемости, за исключением русского: больше половины опрошенных полагают, что ребенок должен расти в полной семье, с чем и связано неприятие внебрачной рождаемости. Многие полагают, что внебрачный ребенок будет расти закомплексованным в такой ситуации (эта позиция оказалась по общим данным на третьем месте, уступив суждениям «отрицательно, ребенок должен расти в полной семье», «отрицательно, это безнравственно»); по отношению к религии ее разделяют по 25,0 % противоположных по отношению к религии категорий – убежденно верующих и убежденно неверующих, 29,1 % колеблющихся, 21,7 % верующих и 12,5 % неверующих. По гендерному признаку практически одинаково отрицательно и положительно отреагировали на этот вопрос и мужчины, и женщины с той только разницей, что большее количество мужчин (29,3 %) данный поступок женщины признали безнравственным по сравнению с респондентами-женщинами (23,4 %), что можно понять – женщине в большей степени понятны мотивы такого выбора женщины, решившей родить ребенка, не состоя в браке. Отношение респондентов к внебрачной рождаемости, во многом, определяется религиозными установками, о чем мы судим по результатам исследования в разрезе отношения опрошенных к ре-

лигии: 43,5 % убежденно верующих, 21,2 % верующих признали такое поведение женщины безнравственным против 25,0 % неверующих и 41,7 % убежденно неверующих. Далее 58,5% убежденно верующих, 55,5 % верующих, 50,0 % убежденно неверующих, 44,7 % колеблющихся и 33,3 % неверующих демонстрируют негативное отношение к внебрачной рождаемости с мотивацией «ребенок должен расти в полной семье». Вместе с тем суждение «положительно, это свободный выбор каждой женщины» разделяет каждый третий опрошенный в подгруппе неверующих, каждый четвертый самоидентифицирующийся как колеблющийся, каждый шестой опрошенный среди «верующих» и «убежденно неверующих» и меньше всего таковых в подмассиве «убежденно верующих» (6,9 %); далее каждый второй опрошенный среди «убежденно неверующих», каждый третий среди неверующих, каждый четвертый среди колеблющихся, каждый пятый среди верующих позитивно оценивая внебрачную рождаемость подчеркивает, что «каждая женщина имеет право на то, чтобы стать матерью».

Иная ситуация складывается в отношении повторного брака женщины, которая, согласно большинству мнений (около 60 %), имеет право на семейное счастье, а, следовательно, и повторный брак. В ответах респондентов проявилась и другая важная сторона этого вопроса – забота о детях, которым нужен отец. В этом плане выделились респонденты чеченцы и кумыки (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к повторному браку женщины, имеющей детей от предыдущего брака?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Националь-ности	Положи-тельно, каждая женщина имеет пра-во на се-мейное счастье	Положи-тельно, ре-бенку ну-жен отец	Отрица-тельно, женщина должна думать не о себе, а о благополу-чии своих	Отрица-тельно, в новой се-мье могут обижать детей от первого брака

			детей	
Аварцы	60,8	19,1	12,6	8,0
Даргинцы	62,9	18,2	9,6	5,5
Кумыки	54,8	30,4	8,9	6,7
Лакцы	58,7	19,2	14,4	5,8
Лезгины	63,3	24,8	7,3	3,7
Русские	68,5	14,8	9,3	5,6
Чеченцы	38,1	35,7	22,6	2,4
Другое	58,0	19,3	15,3	6,0
Всего:	59,2	21,4	12,1	6,1

Анализ ответов респондентов по гендерному признаку показал, что женское счастье волнует в большей степени женщин, по сравнению с мужчинами. Так позиции «положительно, каждая женщина имеет право на семейное счастье» придерживаются 54,2 % опрошенных мужчин и заметно большая доля женщин (61,8 %); при этом повторный брак женщины позитивно с мотивацией «ребенку нужен отец» принимает большая часть опрошенных мужчин (30,1 %) и таковых среди женщин почти в 2 раза меньше (17,8 %). Отрицательное отношение к повторному браку с суждением «женщина должна думать не о себе, а о благополучии своих детей» разделяет почти одинаковая доля мужчин (10,2 %) и женщин (12,3 %). В то же время вариант ответа «отрицательно, в новой семье могут обижать детей от первого брака» отметила небольшая доля опрошенных мужчин (5,2 %) и женщин (6,5 %). Таким образом, в этом, как нам представляется, отражается традиционная установка на отношение к женщине как хранительнице домашнего очага, на ее предназначение в обществе – рождение и воспитание детей. Личное счастье женщины еще не выступает безусловной самоценностью, не привязанной к семейным атрибутам, важнейшим из которых является наличие детей.

Институциональное пространство дагестанской традиционной семьи на современном этапе развивается на пересечении формальных и неформальных норм и правил, регулирующих семейные отношения в Дагестане и производных от норм законодательно закреплённого на всей территории России права (его некоторые исследователи условно называют позитивным правом),

мусульманского права и обычного права. Последнее, как первичное по отношению к мусульманскому, за века своего существования, во многом было поглощено мусульманским (шариатским) правом, а потому их разделение в ряде случаев является достаточно условным, но необходимым, поскольку адаты или обычное право еще сохраняет свой регулятивный потенциал в Дагестане⁴², особенно среди горских народов. Тем не менее, как отмечают исследователи, мусульманское право постепенно вытесняет нормы обычного права в ущерб последнему и позитивному, что связано с тенденциями процесса исламизации массового сознания народов Северного Кавказа⁴³.

Таким образом, альтернативы развития института традиционной семьи в Дагестане, во многом, определяются характером трансформации формальных и неформальных правил и норм, регулирующих семейные отношения, а также тем, какие из них являются доминирующими на данный момент. Наше исследование, а также результаты других исследований, которые мы приводили дают основания считать, что на современном этапе наблюдается противоречивое переплетение норм формального (всероссийского конституционного) права и неформального (как сочетания обычного и мусульманского) права. Такая ситуация сформировалась за годы Советской власти, и гармоничное сочетание этих нормативно-правовых систем позволяло достаточно устойчиво и эффективно функционировать институту семьи в Дагестане, сохранявшему традиционный облик, но с учетом позитивных и адекватных времени инноваций в семейной сфере⁴⁴. В постсовет-

⁴² Сагидов А.М. Обычное право народов Дагестана: понятие, особенности, основные источники [электронный ресурс]. Дата обращения: 11.03.2016. URL: <http://www.fpa.su/biblioteka/izdaniya/problemy-teorii-gosudarstva-i-prava/obychnoe-pravo-narodov-dagestana-ponyatie-osobennosti-osnovnye-istochniki-a-m-sagidov/>.

⁴³ Гоов И.М. Эволюция обычного права у кавказских народов: этапы развития [электронный ресурс]. Дата обращения: 13.10. 2016. URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/pep/2015-3/goov.pdf.

⁴⁴ См.: Шахбанова М.М. Этноконфессиональные особенности Республики Дагестан // Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009. Сборник научных трудов. Махачкала, 2009; Шахбанова М.М. Место религии в процессе формирования культуры межнационального общения // Актуаль-

ский период пересеклись две тенденции (исламизация населения и эгалитаризация семейной сферы), не сочетаемые в своих сущностных основаниях. В этой связи институт семьи в Дагестане стал развиваться в фокусе двух непересекающихся плоскостей – архаизации и модернизации. Соответственно, альтернативы институциональной динамики традиционной семьи всецело связаны с тем, какая из тенденций станет доминирующей, определив логику развития дагестанской семьи либо в русле исламизации (архаизации), либо в русле модернизации (эгалитаризации). Вектор указанных изменений зависит от, во-первых, эффективности российского семейного законодательства, его адекватности современным реалиям в семейной сфере дагестанского общества; во-вторых, эффективности регионального (республиканского) семейного законодательства как имеющего возможности для сочетания норм формального (федерального семейного законодательства) и обычного права; в-третьих, динамики и характера развития религиозных тенденций, уровня исламизации населения.

Таким образом, традиционно-модернизационный или неотрадиционный тип семьи, сформировавшийся в Дагестане на протяжении советского и постсоветского периодов, в значительно

ные проблемы гуманитарных наук – 2009. Сборник научных трудов. Махачкала, 2009; Шахбанова М.М. Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов в современных условиях // Социологические исследования. 2013. № 10; Шахбанова М.М. Язык как признак этнической самоидентификации (по результатам социологического исследования) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 2; Шахбанова М.М. Этническая идентичность андо-цезской группы (по результатам социологического опроса) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 6; Шахбанова М.М. Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения андо-цезских народов Дагестана. Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. Ростов-на-Дону, 2012; Шахбанова М.М. Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения малочисленных народов Республики Дагестан. Махачкала, 2013; Шахбанова М.М., Лысенко Ю.М., Мамараев Р.М. Дагестанские русские: историко-социологическое исследование. Махачкала, 2015; Шахбанова М.М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала, 2016.

большей степени, нежели формирующийся на волне исламизации архаический тип, соответствует тому идеальному образу семьи, который сложился в массовом сознании дагестанских народов. В этой связи можно предположить, что при сохранении в Дагестане двух возможных альтернатив институционального развития традиционной семьи доминирующей тенденцией останется традиционно-модернизационная как ориентированная на гармоничное сочетание традиционных устоев семейной жизни и тех инновационных элементов, которые не угрожают разрушением традиционной культуре дагестанских народов.

Заключение

Результаты проведенного эмпирического исследования констатируют, что проникающие в институциональное пространство современной дагестанской семьи новые нормы и ценности сложно оценить однозначно, как, собственно, и тенденции, связанные с возвратом к некоторым из уже давно забытых семейных традиций, к которым относится многоженство и ранние браки. Распространение архаических явлений в семейной среде современного Дагестана является следствием исламизации населения республики, отражением роста значимости религиозных ценностей и установок. Реализация ряда архаических традиций в реальной семейной практике народов Дагестана создает противоречивое пространство соотношения традиционного и инновационного в семейной сфере дагестанского общества, что отразилось и на расхождении в идеальном и реальном образах семьи.

Тот факт, что в современном дагестанском обществе начинают распространяться практики архаических семейно-брачных отношений как элементов «мифического» образа, следует рассматривать, как фактор увеличивающегося расхождения между идеальными представлениями о семье и реальными семейными практиками. На этом основании делается вывод о противоречивом характере трансформации традиционной семьи в Дагестане, которая по многим признакам уже демонстрирует логику развития, связанную с эгалитаризацией семейных отношений. Носителями новых семейных ценностей в семейной культуре народов Дагестана является, преимущественно, молодежь и молодые семьи.

Также исследование показало, что наиболее распространённым типом семьи в дагестанском обществе является неотрадиционная или традиционно-модернизационная семья, в которой сочетаются традиционные и современные семейные ценности эгалитарного порядка, но воплощение в реальных семейных практиках такого типа семейных отношений сопровождается рядом деструктивных явлений, среди которых наиболее болезненным является высокий для Дагестана уровень разводов. Эта ситуация характерна, в целом, для современного российского общества и является закономерным следствием трансформации семейных отношений, так как переход к новому в сочетании с традиционными устоями, всегда сопровождается кризисными явлениями.

Таким образом, автор полагает, что оптимальным вариантом развития семейно-брачных отношений в Дагестане является гармоничное сочетание традиционных устоев семейной жизни и тех инновационных элементов эгалитарной семейной культуры, которые являются прогрессивными и не угрожают традиционной культуре дагестанских народов и традиционной семье как ее социокультурной основе.

Касумов Р.М.

ДАГЕСТАН В РУССКО-ИРАНСКОМ СОПЕРНИЧЕСТВЕ ЗА ГОСПОДСТВО НА КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XVIII В

В начале 90-х гг. XVIII в. народы Кавказа вновь оказались перед реальной угрозой иранского вторжения. Как известно, в 1794 г. в борьбе за шахский престол победу одержал Ага-Мохаммад-хан Каджар. Власть его была установлена во всех главных провинциях страны, за исключением Хорасана и части Курдистана. Не признали власти нового повелителя Ирана и в Закавказье и Дагестане, которые фактически отпали от Персии, после смерти Надир-шаха. Теперь Ага-Мохаммад-шах решил вновь восстановить власть Ирана на Кавказе. Немаловажное значение имел и тот факт, что по традиции шахского двора власть

нового правителя окончательно утверждалась только после его признания шахом на Кавказе. Еще в 1786 г. Г.А. Потемкин писал про Ага–Мохаммад–шаха, что он: «...по овладении Испаганом и соединении под власть свою многих прочих ханов», простирает «завоевания свои к Дагестану»⁴⁵. Став шахом Ага–Мохаммад–шах потребовал от дагестанских феодалов подчиниться ему, угрожая в противном случае началом военной операции против Дагестана⁴⁶.

Хотя в конце XVIII в. Персия была уже отсталым государством, все же она «еще не была ни колониальной, ни зависимой от западноевропейских держав страной»⁴⁷. Дипломатические баталия Лондона и Парижа за влияние в Тегеране имели вместе с тем ярко выраженный антироссийский характер⁴⁸. С целью отвлечения внимания России от участия в антифранцузской коалиции, эмиссары Парижа в Тегеране подогревали реваншистские устремления шаха на Кавказе. Проводилась соответствующая антироссийская работа и непосредственно на Кавказе. Так, в донесении российского посла в Турции Кочубея в марте 1795 г. указывалось: «Слухи неслись, что эмиссары якобинские и туда (на Кавказ – авторы) посланы были, в том числе и известный Анжели»⁴⁹.

Порта, учитывая свои интересы на Кавказе, так же подталкивала Ага–Мохаммад–шаха к походу на Кавказ, оказывая ему финансовую, военную и продовольственную поддержку. По данным российских властей, Турция поставила персидским войскам

⁴⁵ Русский архив. М., 1865. С. 409–410.

⁴⁶ АВПРИ. Ф. Сношение России с Турцией. 1796. Д. 828. Л. 35–36; Ф. Сношение России с Персией. 1791–1800 гг. Оп. 77/6. Д. 472 и др.

⁴⁷ Иванов М.С. Очерки истории Ирана. М., 1952. С. 128; Кузнецова Н.А. Иран в первой половине XIX в. М., 1983. С. 18, 24; Балаян Б.Н. Международные отношения Ирана в 1813–1823 гг. Ереван, 1967. С. 5–6;

⁴⁸ Смирнов Н.А. Указ. соч. С. 173; См. подр.: Абдуллаев Ф. Из истории русско–иранских отношений и английской политики в Иране в начале XIX в. Ташкент, 1971.

⁴⁹ АВПРИ. Ф. Сношение России с Персией. 1795 г. Д. 810. Л. 9–10; Иоаннисян А. Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958. С. 10–22.

до 150 тыс. тонн пшеницы, масла, мясной и другой провиант⁵⁰. По указанию султана, паши пограничных областей держали наготове свои войска для оказания в случае необходимости помощи персидскому шаху в его походе на Кавказ. Поверенный России в делах Турции А. Хвостов 20 сентября 1793 г. сообщал следующее: «Со стороны Порты багдадский паша отправил в Персию турпаджи-башу с поздравлением Ага-Магомед-шахв его победах и с объяснением при этом, что Порта не прежде его признает государем Персии, пока он не покорит Грузию своей власти. Для пособия сего Порта ссужает Персию по обязанности дружбы от себя казной и пушками»⁵¹. Стамбул и в последующие годы (1794–1796 гг.) подталкивал Ага-Мохаммад-шаха к продолжению агрессии на Кавказе. П.Г. Бутков отмечает, что когда иранские войска вошли в пределы Закавказья, сераскер Юсуф-паша «...сыпал деньги дагестанским владельцам: аварскому, казикумухскому ханам и лезгинам, внушая, что если Россия завладеет персидскими городами», то дагестанцы принуждены будут подчиняться России. Сераскер призвал дагестанцев «...сделать всеобщее движение на российские пределы, чтобы отвлечь русские войска от настоящего предприятия»⁵².

В мае 1795 г. перед началом военной экспедиции на Кавказ, Ага-Мохаммад-шах вновь потребовал от дагестанских правителей признания его власти и отправки аманатов к шахскому двору. «Аварского Омар-хана и казикумухского Хамбутая-Сурхай-хана и других равномерно Ага-Магомед-хан преклонял на свою сторону, – пишет П.Г. Бутков, – обещал Омар-хану титул дагестанского сардара, а всем жалование, которое получали они при прежних шахах, но Омар-хан не шевелился, как и прочие дагестанские владельцы»⁵³. «Население Кавказа, – подчеркивает Н.А. Кузнецова, – было заинтересовано в развитии торговли, в культурном, религиозном общении с Ираном. Однако политические

⁵⁰ АВПРИ. Ф. Сношение России с Турцией. 1796 г. Д. 828. Л. 103.; Д. 831. Л. 1, 7; Бутков П.Г. Материалы по новой истории Кавказа. Ч. I. СПб., 1869. С. 343.

⁵¹ АВПРИ. Ф. Сношение России с Турцией. 1793–1794 гг. Д. 777. Л. 199–200.

⁵² Бутков П.Г. Указ. соч. С.404–405.

⁵³ Бутков П.Г. Указ. соч. С. 333.

интересы народов Кавказа и Ирана не совпадали...»; Персия стремилась к овладению территорией Кавказа, а «народы Кавказа – к сохранению самостоятельности или, по крайней мере, к возможности самостоятельного выбора – присоединиться к России, Ирану или Турции»⁵⁴.

Следует отметить, что в рассматриваемый период, ряд правителей Закавказья и Дагестана придерживались проиранской ориентации. В первом числе этих владетелей был дербентский Ших–Али–хан. Он принял от Ага–Мохаммад–шаха звание «наиба всего Ширвана» и отправил ему богатые подарки на сумму более 20 тыс. руб., и пытался уговорить других дагестанских феодалов перейти на иранскую сторону. Правда, по сообщениям некоторых источников, несмотря на поддержку Ших–Али–ханом Персии, он стремился быть независимым ни от России, ни от Ирана⁵⁵.

Тем временем, в сентябре 1795 г. Тегеран начал военную операцию против Картли-Кахетии и занял Тифлис. После чего, Ага–Мохаммад–шах сообщил о своем намерении «...идти на покорение провинций, лежащих на берегу Каспийского моря». В Дагестан же был отправлен грозный фирман шаха: «...Я прибыл к здешней стороне с войсками с тем, чтобы наказать противников», требуя подчинения Тегерану⁵⁶. Новый правитель Персии обещал владетелям Дагестана в случае признания его власти выплаты аналогичной суммы жалования, которое они «получали...при Надир–шахе», в противном же случае «...сделать с их владениями то же, что сделал он с Грузией»⁵⁷.

Таким образом, из сложившейся на Кавказе к концу XVIII в. внешнеполитической и внутривосточной обстановки становится ясным, что раздробленный Дагестан, раздираемый междоусобицами, собственными силами не мог остановить агрессора. Тем более, что среди дагестанских правителей не было единства и в определении внешнеполитической ориентации. В сентябре

⁵⁴ Кузнецова Н.А. Указ. соч. С. 25–26; Бутков П.Г. Указ. соч. С. 331.

⁵⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 481. Л. 192 и др.

⁵⁶ АВПРИ. Ф. Сношение России с Персией. 1795–1796 гг. Д. 477. Л. 360–365 и др.; Ф. Сношение России с Турцией. 1796 г. Д. 828. Л. 35–36; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 482. Л. 59–65, 192–193, 208.

⁵⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 482. Л. 192–193, 208.

1795 г., собравшись на общий совет, многие дагестанские феодалы отказались признать над собою верховную власть Персии и единогласно постановили об организации сопротивления в случае вторжения в Дагестан войск Ага–Мохаммад–шаха, приняв общее решение об обращении за поддержкой к России⁵⁸.

В создавшейся сложной ситуации, казикумухский Сурхай–хан в начале выразил свою готовность совместно с другими владетелями выступить против агрессора, однако, после продвижения российских войск по Дагестану, занял проиранскую позицию и стал одним из руководителей антироссийского выступления дагестанцев⁵⁹. Теперь он вместе с Ших–Али–ханом пытался уговорить аварского хана перейти на их сторону, но Ума–хан отказался. Такова была расстановка политических сил в Дагестане перед угрозой вторжения Ага–Мохаммад–шаха и при вступлении российских войск в пределы края.

При оценке мотивов внешнеполитической ориентации правителей Дагестана следует исходить из конкретной исторической обстановки. Внешняя политика местных владетелей менялась по мере изменения международной обстановки на Кавказе и внутриполитического положения Дагестана вообще, каждого владения в особенности. Определенное влияние на позицию местных правителей оказывали экономические и религиозные моменты. Нельзя игнорировать влияние исторических, культурных, родственных, династических и иных связей при определении политики по отношению к соседним государствам. Многие зависело также от характера политики сопредельных держав по отношению к местным правителям, от военного могущества этих держав и т.д. Только при комплексном изучении всех этих факторов, как нам кажется, можно правильно подойти к объяснению характера внешнеполитической ориентации народов Дагестана в отдельных взятых случаях.

Например, во внешней политике шамхальства Тарковского, по нашему мнению, в изучаемый период доминировала пророссийская ориентация по следующим причинам: шамхальство Тарковское имело прочные торгово–экономические связи с Россий-

⁵⁸ Там же. Л. 193, 203–204.

⁵⁹ Там же. Л. 225–229; Бутков П.Г. Указ. соч. С. 263–264

ской империей; шамхалы надеялись, опираясь на помощь России, усилить свое влияние в Дагестане; царизм, безусловно, преследуя свои собственные интересы, поддерживал кумыкского владетеля при столкновении с соседними владетелями, оказывал помощь в подавлении восстаний подвластных. Более того, Мехти-шамхал был возведен в чин генерал-лейтенанта русской службы с ежегодным жалованием в 6 тыс. руб.⁶⁰

В тоже время один из влиятельных правителей Дагестана Сурхай-хан казикумухский (в это время он правил еще и Кюринским ханством) во внешней политике в конце XVIII–начале XIX в. придерживался другой внешнеполитической ориентации. В рассматриваемый период хан имел широкие династические связи с правителями Азербайджана и стремился распространить свое влияние на Южный Дагестан. Этим его планам противостояла царская Россия, «...которая по взятии Дербента и Кубы, также стремилась распространить и утвердить свою власть на всем Южном Дагестане»⁶¹.

Внешняя политика дербентского хана в конце XVIII–начале XIX в. была противоречивой и неустойчивой. Очевидно, такая политика Ших-Али-хана объяснялась сложным положением Дербента в системе соперничества держав на Кавказе. Противники Ших-Али-хана как в Дербенте, так и на Кубе были приверженцами России, которые с ее помощью не раз добивались смещения его с ханской власти⁶². Кроме того, дербентский хан знал о планах царизма по присоединению Дербента к империи или передачи города под власть картли-кахетинского царя. Таковы, на наш взгляд, основные мотивы внешнеполитической ориентации представителей феодальных групп Дагестана в конце XVIII – в начале XIX в.⁶³

Склонение двух крупных правителей Дагестана на сторону Ирана могло заметно способствовать успеху реваншистских за-

⁶⁰ Материалы по истории Дагестана и Чечни / Под ред. С. Бушуева и Р. Магомедова. Махачкала, 1940. Т. 3. Ч. I. С. 58; Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 174.

⁶¹ Потто В. Поход в Казикумух. 1820 г. СПб., 1869. С. 6–7.

⁶² Материалы по истории Дагестана и Чечни...С. 56–57.

⁶³ См. подр.: Джахияев Г.А. Россия и Дагестан в начале XIX в. (Дагестан в русско-иранских и русско-турецких отношениях). Махачкала, 1985.

мыслов Ага–Мохаммад–шаха на Восточном Кавказе. Угроза захвата Персией Закавказья и Дагестана становилась реальной, что противоречило геополитическим, колониальным и экономическим интересам Российской империи на Кавказе. Поэтому Петербург, несмотря на участие в организации новой коалиции для борьбы с Французской республикой, решил использовать обращение дагестанских правителей в своих целях. В рескрипте от 16 ноября 1795 г. на имя главкома на Кавказе Гудовича Екатерина II предписывала российским войскам охранять не только Грузию, но и Ширван и Баку. В документе отмечалось, что в случае успехов Ага–Мохаммад–хан при захвате Ширвана, Шемахи и Баку «...тогда уже, по учинении всех нужных приготовлений и принятия всех надлежащих мер, должно будет предупредить елико в Дагестане и не оставить без покровительства нашего подданного шамхала тарковского, уцмия кайтагского и самого хана дербентского»⁶⁴.

Руководствуясь этими указаниями, в декабре 1795 г. Гудович организовал выдвижение в Дагестан отряда генерал–майора Савельева. Главком предписал ему «следовать через Тарки в Бойнак...и стараться в Бойнаке или в другом спокойном месте приглашать всех владельцев дагестанских и обязать их в самом деле собиранием войск на общую оборону» и «действовать общими силами против Ага–Магомед–хана»⁶⁵. Прибывший в Тарки российский офицер, «застал у шамхала посла от Ага–Мохаммед–хана с требованием, чтобы шамхал собрал войско и присоединился к нему на поход в Грузию»⁶⁶. Однако, шамхал встретил генерал–майора Савельева «с полным почетом», а сын его решил идти вместе с российскими войсками на Дербент и Баку.

Петербург, встретив сопротивление со стороны дербентского, казикумухского ханов и учитывая малочисленность войск Савельева для выполнения поставленной цели, решил отправить на Восточный Кавказ особую экспедицию, во главе с генерал–

⁶⁴ Бутков П.Г. Указ. соч. С. 348–349 и др.

⁶⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 482. Л. 81–82, 193, 203–204; АВПРИ. Ф. Сношение России с Персией. Оп. 77/7. Д. 160. Л. 206; Бутков П.Г. Указ. соч. С. 350–351.

⁶⁶ АВПРИ. Ф. Сношение России с Персией. Оп. 77/7. Д. 160. Л. 25–27; Ф. Сношение России с Турцией. 1795 г. Оп. 89/8. Д. 810. Л. 9; Д. 791. Л. 15.

поручиком В.А. Зубовым⁶⁷. Ему предписывалось, при вступлении войск в Дагестан «...привлекать к себе тамошних ханов подарками и брать в залог детей или родственников их под видом службы, наистрожайше наблюдать, что бы не раздражать лезгин и других горских народов, равным образом не подавать никакого подозрения Оттоманской Порте в обращении войск российских»⁶⁸. В случае достижения успеха Екатерина II предполагала не только восстановить власть Муртаза–Кули–хана в Гилянской области, но и провозгласить его шахом Ирана.

Экспедиционный корпус прибыл в Дагестан в апреле 1796 г. Известие о походе российских войск на Кавказ застало Ага–Мохаммед–шаха в Мешхеде, после чего он немедленно возвратился в Тегеран⁶⁹. Посланнику Ших–Али–хана шах заявил о наличии у него 100 тысячной армии и что «коль скоро приближаются к Дербенту российские войска преподать скорейшую помощь»⁷⁰. К российским частям, продвигавшимся в сторону осажденного Савельевым Дербента, присоединились отряды шамхала Тарковского, уцмий Каракайтага и кадиев Акуша и Табасарана.

Антироссийская группа находившаяся в Дербенте состояла из несколько тысяч человек⁷¹. Тем временем Ших–Али–хан вторично обратился за поддержкою к Персии, Порте и владельцам Дагестана⁷². Однако эти надежды оказались напрасными, так как не только Персия и Порта не поддерживали их, но и большинство самих дагестанцев⁷³. Аварский хан воздержался от антироссий-

⁶⁷ Там же. Ф. Сношение России с Персией. Оп. 77/7. Д. 1. Л. 37, 72–74; Феодаева Ф.З. Русско–иранские отношения во второй половине XVIII–начале XIX вв.: Дисс...канд. ист. наук. Махачкала, 1972. Л. 249–260; Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. С. 291.

⁶⁸ АВПРИ. Ф. Сношение России с Персией. Оп. 77/7. Д. 1. Л. 51.

⁶⁹ Маркова О.П. Указ. соч. С. 292–293; Кузнецова Н.А. Указ. соч. С. 21.

⁷⁰ АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией. Оп. 77/7. Д. 160. Л. 15.

⁷¹ Там же. Оп. 77. Д. 1. Л. 64–65.

⁷² Там же. Л. 14–15; Ф. Сношение России с Турцией. 1794 г. Оп. 89/9. Д. 791. Л. 75; РГВИА. Ф. ВУА. Ед. хр. 141. Л. 225–229, 240.

⁷³ См. подр.: Джахиева Э.Г. Северо–Восточный Кавказ в международных отношениях: историко – правовые аспекты договоров, заключенных

ского выступления. Сам же Ага–Мохаммад–шах, встретив сопротивление большинства правителей Закавказья и не желая столкнуться с российскими войсками, покинул пределы Кавказа. Кроме того, в самом Иране некоторые ханы, непризнавшие его власти, организовали выступления в центральных и южных районах страны. Посланнику дербентского хана шах объяснил свой уход с Кавказа тем, что «войска утомлены и с российскими драться не могут, а...когда отдохнут, то летом может быть ему поможем»⁷⁴. От турецкого султана также не последовало реальной помощи. Его эмиссар, призывая дагестанцев к решительной борьбе с российскими войсками, только на словах обещал поддержку.

Пророссийской группе удалось добиться выступления жителей Дербента, открытия ворот города российской армии и пленения Ших–Али–хана⁷⁵. 24 мая основные силы российской экспедиции во главе с В. Зубовым выступили в сторону Баку, другая часть – в Южный Дагестан, где Ших–Али–хан и Сурхай–хан пытались организовать вооруженное противодействие продвигавшимся российским войскам. Однако большинство правителей Дагестана и народные массы не поддержали их. Оказавшись в одиночестве, казикумухский хан вынужден был пойти на переговоры с Российской империей.

Тем временем, Ага–Мохаммад–шах стабилизировав ситуацию в стране и имея поддержку Парижа и Стамбула начал подготовку к новому походу на Кавказ. Так, в июне 1796 г. российский посол в Османской империи докладывал: «Порта подлинно имеет сношения с Ага–Магомед–ханом ...»⁷⁶. По указанию султана сержант Юсуф–паша готовился оказать помощь шаху в случае его экспедиции на Кавказ. При деятельном участии французских дипломатов, велись оживленные переговоры между Портою и Персией о создании союза против Российской империи и совмест-

Россией с Турцией и Ираном. 1774 – 1826 гг.: Дисс...док. ист. наук. Махачкала, 2007.

⁷⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 482. Л. 240; Кузнецова Н.А. Указ. соч. С. 17.

⁷⁵ АВПРИ. Ф. Сношение России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 850. Л. 19; Бутков П.Г. Указ. соч. С. 371–372 и др.

⁷⁶ АВПРИ. Ф. Сношение России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 832. Л. 225–229; Д. 831. Л. 1.

ных действиях на Кавказе. Как замечает П.Г. Бутков, «французы не оставили и при сем случае мешаться»⁷⁷.

6 ноября 1796 г. скончалась Екатерина II. Новый император Павел I в 1797 г. решил приостановить дальнейшее продвижение российских войск, отозвать их из Азербайджана и Дагестана⁷⁸. Причину ухода российских войск из Закавказья и Дагестана отечественные исследователи советского периода объективно связывают с изменением внешнеполитического курса России при Павле I, реакцией западноевропейских государств на появление российских войск на Кавказе, а также с тяжелым финансовым положением и обострением классовой борьбы в стране. Все это кардинально изменило внешнеполитическое и внутреннеполитическое положение Дагестана⁷⁹. Торжествовали те владетели, которые выступили против Российской империи. Ших-Али-хан вновь стал ханом Дербента.

Новые обстоятельства благоприятствовали реализации планов Ага-Мохаммад-шаха на Кавказе. Шах прислал в Дагестан и Закавказье фирман, в котором уход российских войск объяснял страхом перед Персией. Ага-Мохаммад-шах рассматривал новый поход, назначенную на весну 1797 г., как чисто карательную экспедицию с целью наказания правителей, занявших пророссийскую ориентацию. Хотя Н.А. Кузнецова указывает, что этим объектом являлся только Ираклий II⁸⁰, следует подчеркнуть, что шах намеревался наказать и азербайджанских и дагестанских владетелей, отказавших перейти на его сторону. Так, Ага-Мохаммед-шах в своем фирмане к шамхалу Тарковскому и другим дагестанским владетелям писал: «Я...не оставляю послушных мне людей моей милости, а противников строго буду наказывать. Поэтому и даю через сие знать, чтоб преданные ко мне по надлежащему се-

⁷⁷ Бутков П.Г. Указ. соч. С. 404–405; Иоанисян А.Р. Указ. соч. С. 11–21.

⁷⁸ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 170–171; Маркова О.П. Указ. соч. С. 293.

⁷⁹ Феодаева Ф.З. Указ. соч. Л. 260; Более обстоятельный анализ политики Павла I на Северном Кавказе в 1796–1798 гг. дан в исследовании Виноградова Б.В. Кавказ в политике государя Павла I (1796–1801 гг.). Армавир–Славянск–на-Кубане, 1999.

⁸⁰ Кузнецова Н.А. Указ. соч. С.21.

бе от противников отличили и о состоянии своем меня уведомили...», «...Я буду скоро в Азербайджане и всегда не оставлю послушных мне моею милостью, а противников строго буду наказывать»⁸¹. Весною 1797 г. шахские войска начали новую военную компанию на Кавказе. Над народами Дагестана нависла реальная угроза подчинения Персии. Однако, убийство Ага-Мохаммад-шаха в Шуше в июле 1797 г. изменило ситуацию и иранские войска покинули Закавказье.

Кидирниязов Д.С.

ПОЛИТИКА РОССИИ В ДАГЕСТАНЕ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX В.

В конце XVIII – нач. XIX в. российское правительство взяло курс на проведение⁸² более энергичной политики на Северо-Восточном Кавказе. Во время кавказского похода В. Зубова в 1796 г. большинство дагестанских владетелей изъявило готовность вступить в российское подданство. В июле 1799 г. его принял тарковский шамхал Мехти, который был возведен в чин ген.-л. с жалованьем в 6 тыс.руб. в год. В том же году в российское подданство были приняты уцмий каракайтагский (чин 4 класса и 2 тыс. руб. жалованья в год) и кадий табасаранский (чин 4 класса и 1500 руб. ежегодно); также было подтверждено подданство владетелей Засулакской Кумыкии и Андийского союза сельских обществ. Кроме того, желание вступить в подданство России изъявляли и другие владетели Дагестана.⁸³ Необходимо отметить, что владетели Дагестана в условиях противостояния России с шахским Ираном и султанской Турцией выработали своеобраз-

⁸¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией. 1791 – 1800. Оп. 77/6. Д. 482. Л. 228; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6179. Л. 10.

⁸² Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV-XVIII вв.: политические, экономические и культурные аспекты взаимоотношений с сопредельными странами и народами / Дисс. на соискание уч. степени докт. историч. наук / Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН. Махачкала, 2001. С. 491.

⁸³ Русско-дагестанские отношения в XIX – нач. XIX в. М., 1988. С. 16.

ную «политику лавирования»: они не допускали столкновения с сильными соседями, по возможности использовали любой поворот в отношениях великих держав, чтобы занять более выгодное положение. Эта политика, как правильно отмечает известный чеченский исследователь Ш.А. Гапуров «вполне оправдывала себя до тех пор», пока российское правительство проводило в регионе «политику компромисса».⁸⁴

В рескрипте императора Александра I на имя главнокомандующего российскими войсками на Кавказе Кнорринга предписывалось установить между владельцами Северо-Восточного Кавказа «для общего их и народов их блага твердый союз».⁸⁵ Александр I дал указание собрать всех владельцев региона на съезд, объяснить им вред противоборства и объединить их в союз для защиты от Персии.

Впервые идея о создании федеративного союза из правителей Дагестана и Северного Азербайджана была выдвинута, как говорилось ранее, императором Павлом I, но она осталась нереализованной⁸⁶. Однако обращения большинства владельцев Дагестана к российскому правительству о принятии в российское подданство на рубеже XVIII–XIX вв. создали в правительственных кругах в Петербурге уверенность, что идея эта вполне реализуема. В июне 1801 г. управляющий Азиатским департаментом Коллегии иностранных дел С.Л. Лашкарев составил пространное «доношение на рассмотрение» под заглавием «Общая записка высокому министру от нижеподписавшегося о ханах Персидских, России преданных». Автор записки указывал, что настало время представить свои «слабые мысли» о «всех ханах вообще, и о прочих народах, близ Каспийского моря обитающих, и сколько все они соседством своим и настоящим их положением могут империи Всероссийской быть полезны к распространению торговли ее в Персию, Бухарию и Хиву, а также к утверждению пограничной по Кавказской линии безопасности и тишины». Он также считал,

⁸⁴ Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX века (1801-1815 гг.). Нальчик, 2004. С. 182.

⁸⁵ АКАК. Тифлис, 1866 г. Т. 1. С. 753–755.

⁸⁶ Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России: Вторая половина XVIII – 80-е гг. XIX в. М., 1984. С. 102.

что если положить конец междоусобицам среди пророссийски настроенных правителей и «учредить» между ними дружбу и согласие «под высоким императорским покровительством», то шахский Иран «не отважится уже делать ни на кого из них неприятельское нападение».⁸⁷ Кроме того, создание такого союза, по мнению С.Л. Лашкарева, решит и проблему приведения под российское подданство и других северокавказских владетелей. Таким образом, автор «Общей записки» предполагал, что такой союз владетелей Северо-Восточного Кавказа под российским покровительством решит в целом проблему присоединения всего северокавказского региона к России мирными средствами.

«Общая записка» была одобрена вице-канцлером Куракиным, и по его поручению С.Л. Лашкарев составляет проект «Высочайшего рескрипта к главнокомандующему в Грузии и астраханскому военному губернатору» Кноррингу, который и был подписан императором Александром I 24 декабря 1801 г. Одновременно к владетелям Северо-Восточного Кавказа, «России преданным», были отправлены соответствующие грамоты и письма.

В своем рескрипте Александр I указал Кноррингу, что для распространения «торговли в Азии и к доставлению Кавказской линии и персидским областям, мне приверженным, вящей безопасности и тишины я положил установить между помянутыми ханами и горскими владениями, для общего и их, и народов их блага, твердый союз и дружеское под верховным моим покровительством согласие...».⁸⁸

В сентябре 1802 г. в крепости Георгиевск собрались владетели или их посланцы со всего Северо-Восточного Кавказа, где был подписан общий договор, имевший огромное значение⁸⁹. Этот договор обязывал владетелей сохранять преданность России, не затевать междоусобиц, а в случае нападения шахского Ирана «ополчаться единодушно всем к прогнанию общего их не-

⁸⁷ АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией. Оп.77/6. 1743–1808 гг. Д. 7. Л. 15-16.

⁸⁸ АКАК. Т. I. С. 753.

⁸⁹ Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана в XVIII – начале XIX в. (политический аспект). Махачкала, 2007. С. 193.

приятеля». Им также предписывалось оказывать поддержку российским купцам, ведущим торг в регионе. Кроме того, гарантировались покровительство и защита торговым людям региона, приезжавшим в Россию.⁹⁰ В целом этот договор содействовал сплочению владельцев Северо-Восточного Кавказа, в том числе и Дагестана под покровительством России для защиты от притязаний персов.⁹¹

Во время съезда поступило прошение о принятии в подданство России от нуцала аварского. В апреле 1803 г. в Хунзахе нуцал Султан-Ахмед торжественно присягнул на верность России.⁹² В марте–апреле 1803 г. к России были присоединены «вольные» общества Джаро-Белоканы.⁹³

Необходимо подчеркнуть, что Георгиевский договор 1802 г., заключенный между владельцами Дагестана и Азербайджана с Россией о создании союза под «верховным покровительством» Александра I, представлял собой, по мнению многих исследователей, «федеративное» соглашение. Известный кавказовед В.Г. Гаджиев объяснял причину распада «федерации» тем, что в тех исторических условиях Кавказа и из-за противоречий внутри союза он не мог существовать долго.⁹⁴

Следует отметить, что вступление владельцев Северо-Восточного Кавказа в федеративный союз вовсе не означало их переход в подданство России. Создавалось как бы двухступенчатая схема присоединения северокавказских владений к России: сначала вступление их в создаваемую федерацию ханств, а потом переход в прямое российское подданство.⁹⁵ Кроме того, один и тот же владелец мог находиться одновременно как в «федерации», так в российском подданстве: «А как таковым союзом положится конец всякой между теми ханами и горскими владель-

⁹⁰ АКАК. 1866. Т. 2. С. 1009–1011.

⁹¹ Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. С. 102.

⁹² АКАК. Т. 2. С. 764–766.

⁹³ Махмудова К.З., Кидирниязов Д.С. Георгиевский договор 1802 года // Вопросы истории. 2012. №9. С. 149.

⁹⁴ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 176–177.

⁹⁵ Гапуров Ш.А. Указ. соч. С. 187.

цами вражде и неприязненности, - указывал император России, - то если б они стали просить о принятии их в мое покровительство, имеете их обнадежить оным и когда пожелают отправить от себя депутатов, их сюда препроводить...».⁹⁶

Таким образом, вступление владетелей Северо-Восточного Кавказа в создаваемый «федеративный» союз становилось как бы обязательным условием принятия их в дальнейшем в подданство России⁹⁷.

В случае удачи этого опыта Россия не только могла укрепиться у границ Ирана, но и распространить свое влияние в Южном Кавказе, Нагорном Дагестане и в Чечне, то есть Россия дипломатичным, мирным путем могла создать под своей эгидой целый ряд кавказских «федераций».

В то время шахский Иран, готовясь к войне с Россией, по-прежнему рассылал своих эмиссаров на Северо-Восточный Кавказ, призывая их к активным действиям против России⁹⁸.

Перейдя на сторону шаха, Сурхай-хан казикумухский в союзе с аварским старшиной Алискандом и джаро-белоканцами в октябре 1803 г. напали на русский отряд ген.-м. Гулякова, но, встретив сильный отпор, отступили. Вскоре Сурхай-хан казикумухский ушел из Белокан, когда белоканцы помирились с русскими.⁹⁹

Таким образом, в целом в политике российского правительства на рубеже XVIII–XIX вв. на Северо-Восточном Кавказе преобладали мирные и дипломатические методы решения кавказского вопроса в пользу России. Поощрялось стремление владетелей и обществ региона принять российское подданство, расширялись торгово-экономические связи с местными народами, а тем владетелям, которые уже приняли подданство России, были назначены жалования.

Необходимо указать, что на рубеже XVIII–XIX вв. кавказская политика России носила двойственный характер: с одной

⁹⁶ АКАК. Т. 1. С. 755.

⁹⁷ РДО. С. 262.

⁹⁸ Муртазаев А.О. Кайтаг в VIII – первой половине XIX в. Исследование политической истории и роли в системе политических структур в Северо-восточного Кавказа. Махачкала, 2015. С. 391.

⁹⁹ АКАК. Т. 2. С. 774.

стороны, налицо попытка показать себя в качестве миротворца и защитника «слабых» народов от посягательств великих держав – шахского Ирана и Османской империи – в тех частях региона, где владельцы еще сохранили свою самостоятельность, а с другой – имело место проведение тонкой и осторожной политики не без использования жестких колониальных методов. В этом отношении особенно отличался в изучаемый период главнокомандующий российскими войсками в Грузии П.Д. Цицианов.¹⁰⁰

К методу устрашения кавказских народов русские власти на Кавказе в начале XIX в. стали прибегать значительно чаще, получая необходимое разрешение российского правительства. И Кнорринг, и Цицианов убеждали правящие круги в том, что единственным средством обуздания местных народов является применение военной силы.¹⁰¹ Кроме того, российское командование часто на Кавказе использовало метод «разделяй и властвуй», преследуя цель усилить вражду между местными народами и владельцами.

Так, император Павел I в своем рескрипте от 10 февраля 1801 г. прямо указал ген. Кноррингу на необходимость применения военных сил для наказания недовольных жителей кумыкского с. Аксай, которые были возмущены решением русских властей захватить табун чеченского владельца Хасбулата Росланбекова из 183 лошадей. Кнорринг хотел заставить аксаевцев отобрать у чеченцев имущество, награбленное ими 12 января 1801 г. в Крестовоздвиженском монастыре под Кизляром.¹⁰² У другого аксаевского владельца Эльдарова российские военные также захватили перегонявшийся через Кавказскую линию табун лошадей. В ответ возмущенные аксаевцы решили сами напасть на Кизляр.¹⁰³

В 1802 г. они угнали у кизлярцев табун лошадей (81 голова). В рейде участвовал и сам кумыкский князь Эльдаров. К.

¹⁰⁰ Кидирниязов Д.С., Мусаурова З.К. Очерки истории ногайцев XV–XVIII вв./ М-во образования РД. Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Махачкала, 2003. С. 229.

¹⁰¹ Магомаев В.Х., Кидирниязов Д.С. Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI – нач. XX в. Грозный, 2017. С. 272.

¹⁰² Там же. С. 337, 343.

¹⁰³ Там же. С. 323–325, 335.

Кнорринг дал приказ об его аресте и отправке в верхний пограничный суд в г. Моздоке.¹⁰⁴

Таким образом, положение притеречных жителей Дагестана серьезно осложнилось – кавказское командование, не справляясь с набегами горцев на военные посты и казачьи станицы, всю ответственность за совершаемые грабежи пыталось переложить на плечи жителей Засулакской Кумыкии и «мирных» чеченцев, требуя от них или компенсировать нанесенный ущерб, или остановить нападения. Так русские власти хотели столкнуть народы региона между собой.

Предпринимаемые меры российского командования на Кавказе не могли остановить нападения местных народов на Кавказскую линию. Следует отметить, что набеги являлись следствием колониальной политики российского правительства на Северо-Восточном Кавказе: строительство Кавказской линии, безудержное заселение крестьянами и казаками степного Предкавказья, Притеречья, земель вдоль реки Сулак, где располагались пастбища ногайцев, кумыков и других народов региона, а ведь скотоводство было одной из статей дохода и источником питания местного населения.

**Магомедов М.Б.
Мусаев М.М.**

ВЕЛЬЯМИНОВЫ-ВОРОНЦОВЫ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ «ВЕТКА» ФЕОДАЛЬНЫХ ВЛАДЕТЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

В середине XVI в. кн. Андрею Курбскому была известна легенда о происхождении Вельяминовых «от Немецка языка, а с племени княжат решских». Весьма возможно, что это та самая легенда о варяге Шимоне (Симоне) Африкановиче, от которого выводят происхождение Вельяминовых частные родословцы и позднейшие, расцвеченные разными подробностями предания.

¹⁰⁴ РДО. С. 255.

Государев родословец отверг легенду и начинает род Вельяминовых с Протасия Федоровича. Причиной этого отрицательного отношения к легенде были, по-видимому, существовавшие уже тогда разногласия. Так, некоторые родословцы говорят о выезде из «Немец» к вел.кн. Ярославу Владимировичу самого Африкана с сыном Шимоном, другие приписывают выезд Шимону с сыном Юрием. Составители Государева родословца не могли также не заметить и хронологической несообразности: на два века от Шимона до Протасия покапано только четыре колена, тогда как их должно было бы быть шесть-восемь.

Во всей легенде заслуживают внимания только показания о том, что вел.кн. Ярослав «отпустил сына своего Всеволода на княжение на Володимер, а ему дал Юрья Шимановича» и что Протасий «приехал из Володимеря к Москве с великим князем Даниилом Александровичем, а был у великого князя (Ивана Даниловича) тысяцкой». Подобные факты прикомандирования князем своих бояр к сыновьям и переходы бояр вслед за своими князьями не подлежат сомнению. Весьма также вероятно, что Протасий Федорович прежде, чем стать тысяцким Ивана Калиты, служил его отцу, т.е. вел.кн. Даниилу.

Неизвестно, был ли Протасий Федорович «Вельяминовым», т.е. внуком или потомком Вениамина, кстати сказать неизвестного родословной легенде, или Протасий было его прозвище, а «прямое» или «молитвенное» имя его было Вениамин. Дело в том, что его сын Василий в летописях и в синодике Успенского собора называется то Василием Протасьевичем, то – Вельяминовичем.

В житии митрополита Петра, составленном митрополитом Киприаном, рассказывается, что Петр перед смертью (1326) признал к себе «некоего, именем Протасия, его же бе князь старейшину града поставил, князь бо тогда не прилучися во граде. Бе же Протасий он муж честен и верен и всякими добрыми делы украшен». Это сообщение подтверждает показание родословцев о том, что Протасий был тысяцким Ивана Калиты и в отсутствие

князя управлял Москвой. О Протасии как тысяцком упоминается и в житии Сергия Радонежского¹⁰⁵.

В домово́й книге Московского Богоявленского монастыря, составленной по преданиям и монастырским актам в начале XVII в., есть сообщение, что Иван Калита в последний год жизни (1340) заложил в монастыре каменную церковь Богоявления «и по отшествии его от земных к богу и по приказу великого князя Ивана Даниловича совершил сей (храм) их боярин, зовомый именем Протасий».

По этим скудным указаниям можно представить себе, что Протасий Федорович в течение всего княжения Ивана Калиты, еще до того времени, когда Калита стал великим князем, был московским тысяцким, т.е. первым среди бояр, и оставался им до смерти Ивана Калиты, принимая, несомненно, большое участие в борьбе Калиты за великое княжение.

Протасий Федорович немногим пережил своего князя и умер, вероятно, около 1341 г. Это можно заключить из того, что на договоре 1341 г. вел.кн. Семена Гордого с братьями подписался на первом месте единственный сын Протасия тысяцкий же Василий Вельяминович¹⁰⁶.

В том же договоре вел.кн. Семена с братьями впервые появляется на исторической сцене соперник Вельяминовых Алексей Петрович Хвост Босоволков. Незадолго перед тем он «вошел в коромолу к великому князю» и подвергся опале. Неизвестно, в чем состояла крамола, но видно, что он был очень значительным человеком, с которым князьям приходилось очень считаться. Семен и его братья приняли на себя обоюдное обязательство не принимать на службу ни самого Алексея Петровича, ни его детей, не возвращать ему конфискованное имущество и не помогать ничем его жене и детям.

Однако через несколько лет опала была снята с А.П.Хвоста, и он стал боярином вел.кн. Семена. В 1347 г. А.П.Хвост и Андрей Иванович Кобыла исполняли очень почетное поручение – вели-

¹⁰⁵ Веселовский С.Б. История феодального класса служилых землевладельцев. – М., 1969. – С. 212.

¹⁰⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. – М.-Л., 1950. – С. 48.

кий князь посылал их сватами в Тверь за своей невестой, кн. Марьей Александровной, дочерью вел.кн. тверского¹⁰⁷.

Весьма вероятно предположение, что «коромолой» А.П.Хвоста было его чрезмерное честолюбие, проявленное в борьбе с Вельяминовыми за должность тысяцкого. Дело в том, что после смерти Протасия должность тысяцкого унаследовал его сын Василий. В промежуток времени между 1347 г., когда помилованный А.П.Хвост ездил сватом в Тверь, и 1356 г. Василий Петрович умер и должность тысяцкого вторично стала предметом борьбы. На этот раз Алексей Петрович одолел Вельяминовых, но эта победа стоила ему жизни. 3 февраля 1356 г., во время заутрени, Алексей Петрович был убит «дивно некако и незнаемо» и найден лежащим на Кремлевской площади¹⁰⁸.

Летописцы рассказывают об этом крупном московском событии как-то сбивчиво, загадочно, с недомолвками. Одни говорят, что Алексей Петрович был убит «боярскою думою», т.е. боярским заговором, другие выражаются менее определенно: «всех общею думою... яко жо Андрей Боголюбский от Кучковичь, тако и сий от своея дружины, пострада»¹⁰⁹. Убийство было действительно «дивно», т.к. вообще у бояр было обыкновение никуда не выходить без сопровождения вооруженных слуг, а здесь был покинут своей дружиной и убит не кто иной, как главнокомандующий Москвы и Московского княжения. Явно, что Алексей Петрович был предан и убит своими слугами, подкупленными его врагами из боярской среды.

Последующие события показывают, что убийство было совершено не «всех общею думою», а боярской партией, которая встретила отпор со стороны третьей Партии, настолько сильной, что эта последняя не позволила заговорщикам воспользоваться плодами своего преступления и поставила их под угрозу возмездия. Если они не были наказаны немедленно, то только потому, что великий князь был в это время в Орде.

¹⁰⁷ Полное собрание русских летописей. – Т. 1. – С. 99. (Далее. – ПСРЛ.).

¹⁰⁸ ПСРЛ. – Т. 2. – С. 111.

¹⁰⁹ Там же.

Никоновская летопись так продолжает рассказ: «И бысть мятеж велий на Москве того ради убийства. И такотое же зимы по последнему пути (т.е. месяца через два после убийства) болиши бояре московстии отъехаша на Рязань з женами и з детми». Далее в Никоновской летописи под 6866 (1357-1358) вставлено сообщение, что вел. кн. Иван Иванович, вернувшись в Москву из Орды, «перезва к себе паки двубояринов своих, иже отъехали были от него на Рязань, Михаиле и зять его Василей Васильевич». Нет сомнения, что речь идет о Василии Васильевиче Вельяминове. Во-первых, другого Василия Васильевича среди бояр в то время неизвестно, а во-вторых, известно, что жену Василия Васильевича Вельяминова звали Марьей Михайловной. За то же говорит и старая вражда Вельяминовых с Алексеем Петровичем Хвостом из-за должности тысяцкого. Тестем Василия Васильевича Вельяминова был, по-видимому, боярин Михаил Александрович, который в Харатейном синодике Успенского собора записан рядом с Василием Вельяминовичем. Подпись Михаила Александровича находится на договоре вел.кн. Семена с братьями 1341 г., а в 1354 г. он был наместником в Лопасне¹¹⁰. Из какого рода происходил Михаил

Н.М.Карамзин, дополняя воображением показания летописей, так объяснял этот эпизод: «Народ встревожился: угадывали злодеев; именовали их и требовали суда. В самое то время некоторые из московских вельмож, опасаясь, как вероятно, торжественного обвинения, уехали с семействами в Рязань к Олегу, врагу их государя, и слабый Иоанн, дав время умолкнуть общему негодованию, снова перезвал оных к себе на службу»¹¹¹. А.Е.Пресняков, высказывая предположение, что зять Михаила, Василий Васильевич, это – Вельяминов, в общем верно определил суть эпизода как борьбу за должность тысяцкого и «связанное с ней значительное влияние».

¹¹⁰ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. – I-III тома. – Т. I // Авт. Б.Д.Греков. – М.: Издательство АН СССР, 1952-1964. – С. 94. (Далее. – АСЭИ.).

¹¹¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. – Т. 6. – М., 1993. – С. 183.

Если принять, что в летописях идет речь о Василии Васильевиче Вельяминове, то весь эпизод объясняется легко и естественно. Дед и отец Василия Васильевича Вельяминова были последовательно тысяцкими и имели за собой большие заслуги. В.В.Вельяминов был естественным претендентом на должность тысяцкого и главным противником Алексея Петровича, который уже после смерти Ивана Калиты добивался, по-видимому, этой чести. Когда после 1347 г. Алексей Петрович стал тысяцким, В.В.Вельяминов сделался его врагом и был если не главой заговора, то, во всяком случае, – деятельным участником. Заговор был приведен в исполнение в отсутствие великого князя и вызвал отпор сторонников убитого тысяцкого и третьей, нейтральной группы бояр. Отсюда – «мятеж велий», который заставил В.В.Вельяминова и его сторонников «отъехать», т.е. по существу бежать, в Рязань. Это грозило московскому князю большими осложнениями, и он, узнав обо всем по возвращении из Орды, решил предать это темное и, быть может, запутанное дело забвению и призвать к себе обратно отъехавших бояр¹¹².

Несколько позже мы видим В.В.Вельяминова в должности тысяцкого. Несомненно, что он занимал эту должность в малолетство вел.кн. Дмитрия Ивановича и соответственно занимал первое место среди бояр, которые во главе с митрополитом Алексеем были опекунами Дмитрия и продолжателями великокняжеской политики Ивана Калиты и его преемников. Занимая первое место среди бояр, В.В.Вельяминов упрочил его родственными связями с великим князем: он женил своего старшего сына, Миккулу, на кн. Марье Дмитриевне Суздальской, а в 1366 г., вероятно при его деятельном содействии, вел.кн. Дмитрий Иванович женился на кн. Евдокии Суздальской, сестре Марьи¹¹³.

Указание на высокое положение, которое занимали в это время Вельяминовы, мы находим в Повести о митрополите Алексее. Чтобы подчеркнуть высокий авторитет богоявленского игумена Стефана, повесть сообщает, что он был духовным отцом вел.кн. Семена, тысяцкого Василия Васильевича, его брата Федора Во-

¹¹² Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV- первой трети XVI в. – М., 1988. – С. 116.

¹¹³ Там же. – С. 117.

ронца и других старейших бояр. Смерть Василия Васильевича 17 сентября 1373 г. и погребение его в Богоявленском монастыре отмечены в летописях как важное событие московской жизни¹¹⁴. Вдова Василия Васильевича, Марья Михайловна, надолго пережила мужа, занимала при дворе вел.кн. Дмитрия высокое положение и в 1389 г. с княжичем Василием Дмитриевичем крестила сына вел. кн. Дмитрия, Константина.

Со смертью Василия Васильевича Вельяминова должность тысяцкого была упразднена. Можно высказать предположение, что к этому времени двор московского князя так разросся, а функции его так усложнились, что боярство не желало мириться с исключительным положением и большой властью тысяцкого.

У Василия Васильевича было три брата: Федор Воронец, родоначальник фамилии Воронцовых, Тимофей и Юрий Грунка, от которого пошла фамилия Вельяминовых, от которых в XV в. в свою очередь ответвились другие фамилии – Аксаковы, Исленьевы, Соловцовы и Башмаковы¹¹⁵.

О Федоре Васильевиче Воронце известно только то, что при вел.кн. Семене и в малолетство Дмитрия он был боярином.

Тимофей Васильевич, как полагалось младшему в семье, был окольничим. Следует, впрочем, заметить, что в XIV в. у великих князей бывал только один окольничий и что с этим чином были связаны важные обязанности: он был как бы квартирмейстером армии и церемониймейстером великокняжеского двора. В памятном бою с татарами на р.Воже большим воеводой был Дмитрий Александрович Монастырев, а воеводами правой и левой руки были окольничий Тимофей Васильевич и кн. Даниил Пронский¹¹⁶. В 1380 г. во время Куликовского боя Тимофей Васильевич стоял на Лопасне, для охраны тыла армии, вышедшей против татар. На первой духовной вел.кн. Дмитрия Тимофей Васильевич подписался окольничим, а во время составления второй духовной он был, по-видимому, уже боярином. В некоторых списках летописей Т.В.Вельяминов ошибочно показан в числе убитых на Ку-

¹¹⁴ ПСРЛ. – Т. X. – С. 450.

¹¹⁵ Русская генеалогия. Энциклопедический справочник. – М., 1999. – С. 205.

¹¹⁶ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 106.

ликовом поле. В действительности был убит Тимофей Васильевич Волуй, который один показан убитым в синодике Успенского собора¹¹⁷.

О Юрии Васильевиче Грунке известно, что на Куликовом поле он был вторым воеводой правой руки, а позже, при вел.кн. Василии Дмитриевиче, был боярином¹¹⁸.

У последнего тысяцкого, Василия Васильевича, было три сына: Иван, Микула и Полиевкт. Положение Вельяминовых в это время было настолько прочно, что даже измена и казнь Ивана не повредили их карьере. Эпизод с изменой Ивана очень интересен.

В 1373 г. Василий Васильевич умер. Иван Васильевич как старший в семье и в роде Вельяминовых имел основание претендовать на должность тысяцкого, которую занимали его прадед, дед и отец. Но должность тысяцкого была упразднена: Василий Васильевич Вельяминов был последним тысяцким московских князей. Иван Васильевич увидел в этом личную обиду и не желал удовлетвориться почетным положением в первых рядах боярства. Под впечатлением обиды Иван Васильевич сошелся с сурожским гостем, которого летописи называют БрехомНекоматом. Имя этого Бреха неизвестно. Если Некомат было его прозвищем, то, очевидно, оно было дано ему по заслугам. Дело в том, что русское слово «брех», «брехун», по своему значению очень близко к греческому слову «некомат», что значит хитрый человек, проныра и интриган. Некомат был богатым человеком, имел в Московском княжестве вотчины и по своей профессии сурожанина-гостя знал хорошо дороги в Орду и в Крым, с которыми постоянно поддерживал деловые связи. Своими речами и предложением помощи в Орде Некомат соблазнил Ивана Васильевича на дерзкое предприятие – вмешаться в борьбу тверского князя Михаила с московским князем за великокняжескую власть¹¹⁹.

Постом 1375 г. Иван Васильевич и Некомат бежали в Тверь к кн. Михаилу «со многою лжею и лстивымисловесы», предложили ему свои услуги и были посланы от кн. Михаила в Орду добыть ярлык на великое княжение. Некомат, хорошо знакомый со всеми

¹¹⁷ Титов А.А. – Указ. работа. – С. 120.

¹¹⁸ Веселовский С.Б. Ономастикон. – М., 1972. – С. 48.

¹¹⁹ Забелин И.Е. История города Москвы. – Ч. 1. – М., 1905. – С. 80.

путями-дорогами в Орду, быстро съездил и уже 14 июля вернулся в Тверь с ярлыком на великое княжение и с ханским послом Ачи-хожею. Однако Орда переживала в это время внутренний кризис, что позволило вел. кн. Дмитрию не считаться с ярлыком и ханским послом и решить спор своими силами. В августе того же года он заставил кн. Михаила отказаться от великого княжения и подписать договор «на всей своей воле».

По договору, все бояре и слуги, московские и тверские, принимавшие участие в замятне, получили амнистию, но для Ивана Васильевича и Некомата как главных смутьянов было сделано исключение: «А что Ивановы села Васильевича и Некоматовы, а в ты села тебе (т.е. тверскому князю) ся не вступати, а им не надобе – те села мне», – писал в договоре вел.кн. Дмитрий Иванович¹²⁰. Интересно указание в договоре на вотчины Некомата. Историки обратили внимание на то, что один из западных станов Московского уезда называется Сурожиком, или Сурожским станом. Не объясняется ли это название тем, что в нем имели право приобретать вотчины сурожские гости, преимущественно генуэзские греки?

Однако конфискацией вотчин дело было далеко не исчерпано, т.к. главные виновники смуты находились на свободе и продолжали свои интриги. Иван Васильевич оставался в Орде и пользовался там званием тысяцкого. Весьма возможно, что интригами Ивана Васильевича и Некомата объясняется набег татар 1378 г. В бою на р.Воже (в пределах Рязанского княжества) татары были разбиты московскими воеводами, среди захваченных в плен обнаружили «некоего попа Иванова Васильевича тысяцкого, изо Орды пришедша; бебо тогда Иван Васильевичъ, тысяцкий, во Орде Мамаеве, и много нечто нестроениябысть; и обретоша у того попа злых лютых зелей мешок, и извопрашавше его и истязавше, послаша в заточение на Лаче-озеро»¹²¹.

В следующем году Иван Васильевич выехал из Орды и пробирался, вероятно, в Тверь. За ним следили, захватили обманом в Серпухове, привезли в Москву и казнили на Кучкове поле. Казнь

¹²⁰ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. – М.-Л., 1950. – С. 56.

¹²¹ ПСРЛ. – Т. 34. – С. 71.

такого большого человека произвела в Москве сильное впечатление. Летописец после сообщения о казни прибавляет: «И бе множество народа стояще, и мнозипрослезыша о нем и опечалишася о благородстве его и о величествии его»¹²².

Через четыре года был пойман и казнен и Некомат. «Тое же зимы (1383) убиен быстьнекийбрех, именем Некомат, за некую крамолу».

Как можно видеть, многолетняя крамола Ивана Васильевича была очень большим государственным преступлением. За зло, причиненное им государству, было мало позорной казни и конфискации имущества. К этим карам, в назидание потомству, было, согласно тогдашним нравам и понятиям, присоединено еще не менее тяжелое, чем казнь, наказание. Четвертое поколение потомков Ивана Васильевича вымерло в середине XVI в. Оно перечислено в Государеве родословце, и в конце перечня прибавлено: «От Ивана дети, опалы для, в своем роду и в счете не стояли», т.е. они выбыли из числа родословных людей и навсегда лишились своего «места». Лишенные вотчин и места в своей среде, они затерялись в рядах городских детей боярских так глубоко, что ни об одном из них нет никаких известий, ни об их службах, ни о вотчинах. Так более 150 лет измена Ивана Васильевича тяготела проклятьем над его несчастливymi потомками.

Братья и другие сородичи Ивана Васильевича настолько решительно и своевременно отмежевались от его крамолы, что могли беспрепятственно продолжать свою карьеру.

Микула Васильевич, свояк великого князя, на Куликовом поле стоял во главе Коломенского полка и был убит в бою. Сыновей у него не было, а дочь была замужем за боярином Иваном Дмитриевичем Всеволожем, потомком смоленских княжат, бежавших от литовского засилья в Москву¹²³.

Третий сын тысяцкого Василия Васильевича, Полиевкт, тоже не оставил мужского потомства. Некоторые родословцы сообщают, что он «убился с церкви», т.е. упал с колокольни. Единственная дочь Полиевкта Васильевича, Евфросинья, была выдана

¹²² Там же. — С. 76.

¹²³ Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. — М., 1986. — С. 114.

(1406) за кн. Петра Дмитриевича Дмитровского, и таким путем Вельяминовы вторично породнились с великокняжеским домом. Брак был неудачным: Петр Дмитриевич умер в 1428 г. без мужского потомства. Через несколько лет после его смерти его вдова дала Троицкому монастырю по душам мужа и «детей» с. Новое с деревнями в Вышегородском стану Дмитровского уезда. Этот акт дает право предположить, что у Петра Дмитриевича были дочери, умершие, очевидно, в младенчестве и позже нигде не упоминающиеся. По старым связям Вельяминовых с Богоявленским монастырем кн. Евфросинья в середине века дала этому монастырю большую вотчину в Каменском стану того же Дмитровского уезда (существующее ныне с. Дятелинское с деревнями). Кн. Евфросинья на много лет пережила мужа и умерла около 1467 г. В числе других вотчин ей принадлежало большое владение в Верейском уезде – волость Илемна, не менее 8700 десятин. После смерти Евфросиньи вел.кн. Иван III дал волость Илемну Троицкому монастырю «по своему дяде по князе по Петре Дмитриевиче и по своей тетке по княгине по Евфросинье и по их родителех».

У окольного Тимофея Васильевича был один сын, Семен, умерший бездетным. О нем мы знаем только, что он был боярином вел.кн. Дмитрия и в 1382 г. с Михаилом Морозовым ездил в Тверь за митрополитом Киприаном¹²⁴.

У Федора Васильевича Воронца был один сын, Иван. На первой духовной вел.кн. Дмитрия есть подпись боярина Ивана Федоровича, но, возможно, это Иван Федорович Собака Фоминский, а не Воронцов. На второй же духовной Дмитрия Ивановича стоят подписи двух Иванов Федоровичей, из которых один, несомненно, Воронцов. В разрядной книге Федора Васильевича Бутурлина пояснено, что первый Иван Федорович – Воронцов, а второй – Собака Фоминский¹²⁵.

Из обзора карьеры Вельяминовых в XIV в. мы видим, что они занимали в боярской среде и среди придворной знати первые места, возвышаясь над всеми боярскими родами. В последней четверти века их постигают одно за другим тяжелые несчастья. Микла и Полиевкт Васильевичи и Семен Тимофеевич умирают без

¹²⁴ АСЭИ. – Т. 1. – С. 102.

¹²⁵ Кузьмина Л.Ф. Разрядная книга 1475-1605 гг. – М., 1979. – С. 21.

мужского потомства. Иван Васильевич казнен за измену. И в браках дочерей неудачи. Об ЕвфросиньеПолиевктовне было рассказано выше. Отмечу еще, что зять Микулы, боярин Иван Дмитриевич Всеволож, за измену вел.кн. Василию Темному был ослеплен и умер в тюрьме. Таким образом, из шести внуков Василия Протасьевича три умерли бездетными, один казнен, и в началеXV в. род Вельяминовых был представлен только двумя лицами – Иваном Федоровичем Воронцовым и Юрием Васильевичем Грункой Вельяминовым.

Здесь будет своевременно и уместно прервать обзор карьеры Вельяминовых и сделать отступление по вопросу об их землевладении. Можно считать вероятным, что Вельяминовы пришли с кн. Даниилом в Москву из Владимира, но пока не удастся установить ни одной их старой вотчины ни во Владимире, ни в других уездах великого княжения в собственном смысле слова. Все старые, многочисленные вотчины Вельяминовых мы находим на территории Московского княжения, под Москвой – в Московском уезде, в Верее, в Коломне и в Дмитрове¹²⁶.

На территории бывшей Московской губернии мы находим в настоящее время шесть селений с названиями Протасове или Протасьево. Само по себе это обстоятельство не дает прочного основания для каких-либо заключений, но может послужить наводящим указанием, которое следует использовать.

На севере бывшего Московского уезда, в бывшем Манатыне стану, обращает на себя внимание следующая группа селений. На верхнем течении р.Учи – с.Троица, некогда центр большой митрополичьей Селедкой волости. В двух километрах от Троицы на Уче находится МарфиноЩибрино, вотчина митрополичьих слуг Щибриных, в XVI в. принадлежавшая дьяку Василию Щелкалову. Ниже по течению Учи лежат селения Даниловское, Федоскино, Семенищево и Аксакове. Выше от Марфина, на р.Семирядовке, находится Ларево, принадлежавшее в XVI в. тому же дьяку Щелкалову. В писцовых книгах конца XVI в. у Ларева упоминаются пустошь Воронцово и существующая ныне де-

¹²⁶ Зимин А.А. Феодальная знать Тверского и Рязанского княжеств и московское боярство конца XV-первой трети XVI вв. // История СССР. – 1973. – № 33. – С. 128.

ревня Фоминская. Смежно с Фоминской лежит с. Драчево (Грачево). На север от Ларева и Драчева, на границе с Вышегородским станом Дмитровского уезда, находятся с. Протасове и деревня Ивановская на р. Черной Грязи. В двух километрах от с. Протасова – Бяконтова, на север от этих селений, в Дмитровском уезде, находятся Морозово и Филимонове, а еще севернее – Ивановское и Шадрина¹²⁷.

Весь район, занимаемый этими селениями, представляется таким, где в XIV-XV вв. находился целый ряд вотчин, иногда весьма крупных, самых больших московских бояр. Федор Бяконт выехал в Москву в конце XIII в., был отцом митрополита Алексея и родоначальником Плещеевых и других боярских родов. Очень вероятно, что именно при митрополите Алексее митрополичий дом получил Селецкую волость, которая позже всегда входила в состав митрополичьих владений. Филимон Морозов жил во второй половине XIV в. В том же районе мы находим в XV-XVI вв. вотчины других бояр: Ховриных, Головиных (с. Кузьево), кн. Ивана Юрьевича Патрикеева (с. Киево), Морозовых, Шейных (с. Ельдегино) и других. Здесь же была одна очень большая или две крупные вотчины Протасия Вельяминова. В этом случае показания топонимики можно подтвердить актовыми источниками.

Села Протасове и Драчево с деревнями во второй половине XV в. были старинной вотчиной Ивана Васильевича Шадры Вельяминова, от которого они перешли к его сыну Василию Шадрину, а затем по духовной грамоте Василия Шадрина в 1541 г. достались Троицкому Сергиеву монастырю. В этой вотчине между Драчевом и Ларевом в XVI в. имел долю Федор Васильевич Воронец, один из внуков Протасия. Весьма возможно, что деревня Ивановская была жребием Ивана Васильевича Вельяминова, старшего внука Протасия и племянника Воронца¹²⁸.

Федоскино, Даниловское и Семенищево на Уче в писцовых книгах XVI в. записаны как старинные вотчины Вельямино-

¹²⁷ Зимин А.А. Служилые князья в Русском государстве конца XV-первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII вв. – М., 1975. – С. 193.

¹²⁸ Там же. – С. 194.

вых¹²⁹. Федоскино принадлежало Андрею Ивановичу Батраку Вельяминову и в 1614-1615 г. по духовной грамоте его сына Леонтия было дано Московскому Богоявленскому монастырю³³. Аксаково получило свое название от Ивана Федоровича Аксака Вельяминова, жившего во второй половине XV в. и ставшего родоначальником фамилии Аксаковых. В середине XVI в. Аксаково принадлежало Степану и Федору Дмитриевичам Аксаковым.

Были ли Протасово, Драчево, Федоскино, Ларево и Аксаково единым владением, которое с течением времени раздробилось от семейных разделов, неизвестно, но факт существования здесь с начала XIV в. значительного землевладения Вельяминовых не подлежит сомнению¹³⁰.

Выше было сказано, что вотчины Ивана Васильевича, казненного в 1379 г., были конфискованы. Определенные показания мы имеем только о двух вотчинах, но несомненно, что их было больше. В духовной вел. кн. Дмитрия упоминается владение «Ивановское Васильевича в Гремичах» (Гремичи – район на р.Протве на юг от г.Вереи). Здесь километрах в семи-восьми от Вереи находятся ныне селения Протасьево, Васильеве и Тимофееве, лежащие смежно, близко одно к другому. Едва ли можно оспаривать в связи с показанием духовной вел.кн. Дмитрия, что здесь в XIV в. была вотчина Протасия, которая перешла к его сыну, а затем к внукам – окольничему Тимофею и казненному Ивану.

Другая вотчина Ивана Васильевича упомянута в духовной грамоте вел.кн. Василия Дмитриевича. Это с.Ивановское на р.Северке, в Левичине стану Коломенского уезда¹³¹. Это село существует и в настоящее время. Можно отметить, что в четырех километрах на восток от Ивановского находится с. Микулино. Конечно, возможно допустить, что это случайность, но нельзя не обратить внимания на то, что на север от этих двух сел мы находим селения Протасово и еще Ивановское, в двадцати семи кило-

¹²⁹ АСЭИ. – Т.2. – С.61.

¹³⁰ Веселовский С.Б. История феодального класса служилых земледельцев. – М., 1969. – С. 221.

¹³¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. – М.-Л., 1950. – С. 92.

метрах от Богородска. Все это делает весьма вероятным предположение, что у Протасия была вотчина в северной части Коломенского уезда, смежной с Московским уездом.

Ничего определенного нельзя сказать о Протасове на р. Сосенке (бассейн р.Лопасни) и о Протасьеве-Никольском (Завражноетож), в двадцати километрах от Звенигорода.

Выше было рассказано, что Протасий по распоряжению Ивана Калиты построил в Богоявленском монастыре каменный храм. По домово́й книге и по сохранившимся синодикам Богоявленского монастыря видно, что в XIV-XVI вв. многие Вельяминовы поддерживали тесные связи с Богоявленским монастырем. В роде Вельяминовых Богоявленский монастырь играл такую же роль, как в роде Бяконта Плещеевых – Чудов, в роде Ховриных-Головиных – Симонов и в роде Кошкиных-Захарьиных – Новоспасский. Протасий, построивши каменный храм, дал Богоявленскому монастырю с.Вельяминове с мельницей на р.Лизоборке и деревней Марфиной. Это было небольшое владение, приблизительно в 225 десятин, ценное для монастыря по своей близости к Москве. В 1596 г. монастырские власти променяли с. Вельяминове кн. Д.И.Шуйскому на лежавшее смежно с этим селом с. Топорково (ныне не существует), а в 1639 г. кн. И.И.Шуйский по духовной грамоте дал Вельяминове опять Богоявленскому монастырю. В 1653 г. власти променяли с. Вельяминове патриарху Никону, и во владении патриархов оно стало называться Владыкиным. Это то самое Владыкино, которое в настоящее время находится на линии окружной железной дороги¹³².

С произвием Федора Васильевича Воронца Вельяминова связываются два существующих ныне селения: с. Воронцово-Троицкое в двенадцати километрах от Калужской заставы и сельцо Воронцово в восемнадцати километрах от Волоколамска. Первое Воронцово мне представляется очень вероятной вотчиной Воронца. Напомню еще, что на территории Москвы находится так называемое Воронцово поле. Во второй половине XIV в., когда жил Ф.Воронец, это было действительно «поле» и здесь

¹³²Кашатанов С.М. Социально-политическая история России конца XV-первой половины XVI в. – М., 1967. – С. 113.

находилось «село», т.е. господский двор Воронца. Еще в XVI в. Воронцово поле находилось за пределами города (земляного)¹³³.

На старой территории Московского княжения мы находим по актам еще одно старое владение Вельяминовых. Это Ивановское и Шадрине в Вышегородском стану Дмитровского уезда, смежном с Манатыным станом Московского уезда. Эти селения находятся в верховье р.Яхромы, километрах в десяти-одиннадцати от Протасьева и Драчева, о которых было рассказано выше. В конце XV в. эти селения принадлежали сыновьям Василия Вельяминова. В 1510 г. Иван Васильевич Шадра Вельяминов купил у своего брата Ивана Сухого его жребий, а затем в 1641 г. Василий Иванович Шадрин продал это владенье Троицкому монастырю¹³⁴.

Приведенные факты говорят о том, что Протасий и его ближайшие потомки в XIV-XV вв. были богатыми, многовотчинными людьми и что их вотчины были расположены главным образом на основной территории Московского княжения.

Вернемся теперь к обзору рода Вельяминовых, придерживаясь генеалогической схемы.

У Ивана Федоровича Воронцова был один сын, Никита, который в конце княжения Василия Дмитриевича занимал среди бояр одно из первых мест и был жив в 40-х годах XV в.¹³⁵

У Никиты Ивановича Воронцова было два сына: Иван и бездетный Тимофей, убитый при неизвестных обстоятельствах и неизвестно когда под Можайском. Возможно, что это произошло во время шемякинской «замятии». На боярство Ивана Никитича у великого князя указаний нет. Известно, что одно время он был боярином в уделе кн. Юрия Васильевича и был свидетелем духовной этого князя¹³⁶. В 1476 г. он был поручителем подвергнутого опале кн. Даниила Дмитриевича Холмского. Для представителя великокняжеского боярского рода служба удельному князю была значительным снижением социального уровня, но благоприятным для Воронцовых обстоятельством было то, что у них

¹³³ Там же.

¹³⁴ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV-первой трети XVI в. – М., 1988. – С. 118.

¹³⁵ ПСРЛ. – Т. 1. – С. 204.

¹³⁶ АСЭИ. – Т. 3. – С. 153.

последовательно в четырех поколениях было по одному представителю, что позволяло им не дробить свои вотчины в семейных разделах. Большое значение этого обстоятельства бросается в глаза, если сравнить Воронцовых с Вельяминовыми, т.е. потомками Юрия Васильевича Грунки. В конце XV в. был налицо только один Воронцов – Семен Иванович, сын Ивана Никитича, а Вельяминовых, потомков Грунки, было человек двенадцать. Ниже при обзоре карьеры Вельяминовых мы увидим, как это отразилось на их служебном и социальном положении¹³⁷.

Единственный сын Ивана Никитича Воронцова, Семен Иванович, был выдающимся человеком своего времени. С 1493 по 1516 г. он принимал участие как воевода во всех походах этих лет, занимая места среди крупнейших представителей титулованных и нетитулованных фамилий. Боярство он получил в 1504 г. сразу, минуя окольниковство, и умер в 1517 или 1518 г. Его жена Марья как близкое к великокняжескому двору лицо записана в Харатейном синодике Успенского собора¹³⁸.

У Семена Ивановича было четыре сына: Михаил, Дмитрий, Иван-Фока и Федор-Диомид – все в боярах.

Михаил Семенович с 1513 г. не раз бывал полковым воеводой в разных походах. В 1514 г. он получил боярство и занял при дворе очень высокое положение. Об этом свидетельствует летописное сообщение о предсмертных днях и часах вел.кн. Василия Великий князь, озабоченный судьбой своего младенца-наследника, много совещался, сначала со своими приближенными любимцами, а затем со старейшими боярами. Умиравшего окружали близкие люди, «и леже на одре своем, и призва к себе боярина своего Михаила Семеновича Воронцова, и поцеловася с ним и прости его». Затем великий князь выразил волю постричься. В этом поддерживали его митрополит и боярин Михаил Юрьевич Захарьин, но кн. Андрей Иванович Старицкий, Михаил Семенович Воронцов и любимец великого князя Иван Юрьевич Шигона отговаривали больного от пострига, быть может надеясь на выздоровление, «и быстьпромежу ими пря велика». Этот эпи-

¹³⁷ Пресняков А.Е. Указ. работа. – С. 206.

¹³⁸ Титов А.А. Указ. работа. – С. 124.

зод показывает, что М.С.Воронцов был одним из влиятельнейших людей при дворе вел.кн. Василия¹³⁹.

В малолетство Ивана IV М.С.Воронцов, несмотря на борьбу придворных партий, продолжал свою карьеру и в 1536 г. был наместником в Великом Новгороде. Это был такой пост, на котором бывали только первостепенные титулованные и нетитулованные бояре. Умер Михаил Семенович в 1539 г.

Менее значительным человеком был следующий по возрасту Воронцов Дмитрий Семенович. В 1519 г. он был полковым воеводой в Дорогобуже, в 1520 г. – в Серпухове, в 1521 г. – в Мещере. В 1531 г. он был уже, несомненно, боярином (в Новиковском списке думных чинов Дмитрий Семенович не показан, но это, несомненно, пропуск). В 1535 г. Дмитрий Семенович был наместником в Пскове и тогда же воеводой в Литовском походе. В последний раз он упоминается в разрядах в 1538 г. Вероятно, он умер вскоре после 1538 г.¹⁴⁰

Иван-Фока Семенович получил боярство не сразу: в 1536 г. он стал окольниковым, а в 1543 г. – боярином. Умер он, не оставив мужского потомства, в 1560 г. (дата смерти Фоки Семеновича подтверждается вкладной книгой Троицкого монастыря, в которой вклад понем записан в мае 1560 г.).

Самым значительным из сыновей Семена Ивановича был младший. Федор. В разрядах он упоминается с 1522 г. как воевода. В 1538 г. он был углицким дворецким и воеводой на Угре. В 1544 г. он получил боярство и через 2 года «выбыл», как говорит Новиковский список, т.е. был казнен.

Сообщение кн. Курбского о том, что Федор Семенович был убит по приказанию царя собственным сыном Иваном, который позже тоже был казнен, очень сомнительно.

Никоновская летопись рассказывает, что Федор Семенович пользовался исключительным расположением Ивана и этим вызвал зависть и вражду бояр, и так описывает один из случаев боярских раздоров того времени: 9 сентября 1543 г. «бояревъзволновашася между собою перед великим князем и перед митропо-

¹³⁹ Шмидт С.О. – Становление российского самодержавства. – М., 1973. – С. 78.

¹⁴⁰ Кузьмина Л.Ф. Разрядная книга 1475-1598 гг. – М., 1966. – С. 119.

литом в Столовой избе у великого князя на съвете: князь Андрей Шуйской да Кубеньские и их съветници изымаша Феодора Семёнова сына Воронцова за то, что его великий государь жалует и бережет, биша его по ланитам и платие на нем ободраша, и хотеша его убить, и едва у них митрополит умоли от убийства. Они же сведоша его с великого князя сеней с великим срамом, бьюще и пхающе, на площадь, и отослаша его за Неглимну на Иванов двор Зайцова и послаше его на службу на Кострому, и с сыном его с Иваном»¹⁴¹.

В декабре того же года тринадцатилетний Иван проявил свою волю: велел отдать на казнь псарям боярского «первосъветника», кн. Андрея Шуйского, «и от тех мест начали бояре от государя страх имети». Федор Воронцов, не принадлежавший к партии Шуйских, был возвращен в Москву. Однако через два года он оказался, необъяснимым образом, в стане своих бывших врагов. 5 октября 1545 г. Иван положил опалу на кн. Ивана Кубенского, кн. Петра Шуйского, кн. Александра Горбатого, Федора Воронцова и Дмитрия Палецкого. В декабре того же года Иван пожаловал их и снял опалу, но через полгода последовала новая вспышка гнева. Никоновская летопись объясняет ее клеветой дьяка Василия Захарова Гнильевского, бывшего в то время у Ивана в приближении: «Князь великий с великия ярости положил на них гнев свой и опалу по его (т.е. дьяка) словесем. .. и по прежнему их неудобству, что многие мзды в государстве его взимаху в многих государских и земских делех». В числе оклеветанных были трое Воронцовых и боярин И.П.Федоров: «И велел казнити князь великий князя Ивана Кубеньскаго, Феодора Воронцова, Василиа Михайлова сына Воронцова же, отсекоша им глав месяца иулиа 21, в субботу... а Ивана Михайлова сына Воронцова велел поимати же»¹⁴².

Так малолетний Иван освобождался от опеки бояр по прежнему их «неудобству» и по клевете временного фаворита, который через несколько лет и сам был казнен.

Остается проследить карьеру следующего поколения, на котором род Воронцовых пресекся.

¹⁴¹ ПСРЛ. – Т. X. – С. 203.

¹⁴² ПСРЛ. – Т. X. – С. 204.

У Михаила Семеновича было три сына: Василий, Юрий и Иван. Василий Михайлович получил боярство в 1544 г., вероятно одновременно со своим дядей, Федором Семеновичем, вместе с ним же был казнен в июле 1546 г. Юрий Михайлович получил боярство в 1551 г. и умер в 1557-1558 (7066) г. Иван Михайлович как младший в семье получил сначала окольниковство в 1552 г., а через два года – боярство. Умер он в 7075 (1566-1567 г. – по Шереметевскому списку; по другим источникам – около 1570 г.).

У Дмитрия Семеновича был один сын, Иван Чуха. Иван Дмитриевич был самым незначительным в роде Воронцовых и в думу не попал. В разрядах он упоминается только раз, в 1565 г., на воеводстве в остроге за р. Полотой. Иван Чуха умер бездетным в эпоху опричнины. Свои вотчины, по-видимому все, он отдал Троицкому Сергиеву монастырю. По богатству этого самого незначительного из Воронцовых можно представить себе, как богаты были Воронцовы. В 1571-1572 г. Василий Федорович Воронцов дал по приказу Ивана Дмитриевича с. Нестеровское в Тверском уезде, с. Наместково с деревнями в Бежецке, сельцо Машково в Боровском уезде и деревни Щелково и Аносово на р.Клязьме в Московском уезде¹⁴³.

У Федора-Диомида, казненного в 1546 г., было два сына: Иван и Василий. Иван Федорович во время опричнины, в 1569 г., был пожалован в думные дворяне, что для Воронцовых было большим снижением чести, а в 1571 или в 1572 г. казнен при неизвестных обстоятельствах. Василий Федорович, последний представитель рода Воронцовых, после отмены опричнины был пожалован в окольниковство в 1573 г., но до боярства не дослужился; в 1579 г. он был убит под Кесью «у наряда», т.е. командуя артиллерией¹⁴⁴.

Краткий обзор карьеры Воронцовых показывает, что они в XVI в. стояли очень высоко: из одиннадцати представителей фамилии девять человек были в думных чинах, причем пятеро получили боярство сразу, минуя окольниковство. С 1546 г., когда были казнены Федор Семенович и Василий Михайлович, Воронцовы один за другим сходят со сцены: в 1557-1558 г. умирает

¹⁴³ АСЭИ. – Т. 3. – С. 137.

¹⁴⁴ Кузьмина Л.Ф. Разрядная книга 1475-1605 гг. – М., 1979. – С. 271.

Юрий Михайлович, в 1560 г. – Иван-Фока Семенович, в 1566-1567 г. – Иван Михайлович, около 1572 г. был казнен Иван Федорович, и, наконец, в 1579 г. был убит под Кесью последний представитель фамилии – Василий Федорович. Таким образом, пресекался славный род Федора Воронцова, более двухсот лет из поколения в поколение занимавший боярские места в думе московских государей¹⁴⁵.

Для характеристики рода Протасия Вельяминова в истории Московского княжения в XIV-XV вв. следует привести справку из Харатейного синодика Московского Успенского собора. Дело в том, что это не простой синодик, в который всякий по желанию мог записать за денежный или земельный вклад свое имя. Этот синодик входил в состав торжественной службы в «неделю православия», когда происходило поминание всех поборников православия и анафематствование еретиков и врагов церкви. Значительную часть синодика составляет поминание лиц, погибших при исполнении дел особой государственной важности, главным образом убитых в исторически важных сражениях¹⁴⁶.

Кроме этих лиц, в синодике записаны иерархи церкви, великие и удельные князья и выдающиеся государственные деятели. Как и кого записывали в синодик из числа лиц последней категории, об этом можно только гадать. Можно сделать интересное наблюдение: с середины XIV в. и приблизительно до вел.кн. Василия Темного записаны если не все, быть может, бояре, то, во всяком случае, большинство. Со времени Василия Темного записывались очень немногие бояре, по-видимому только те, которые кроме боярского чина отличались особой близостью к великокняжескому дому. По числу лиц и по непрерывности лиц по поколениям Вельяминовы занимают среди боярских фамилий первое место. Вот список лиц по поколениям, записанных в синодике.

Протасий Федорович. Умер около 1341 г.

Василий Протасьевич. Умер между 1347 и 1356 гг.

Василий Васильевич, последний тысяцкий (умер в 1373 г.), и его брат Федор Воронеж.

¹⁴⁵ Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. – М., 1986. – С. 203.

¹⁴⁶ Аксенов А.И. Указ. работа. – С. 31.

Микула Васильевич (убит в 1380 г. на Куликовом поле), Полиевкт Васильевич и Иван Федорович Воронцов.

Никита Иванович Воронцов.

Иван и Тимофей Никитичи Воронцовы.

Семен Иванович Воронцов (умер в 1517 или 1518 г.) и его жена Марья.

Михаил, Дмитрий, Иван-Фока и Федор-Диомид Семеновичи Воронцовы и жены Михаила и Дмитрия.

Василий Михайлович Воронцов. Умер в 1546 г.¹⁴⁷

В 60-х годах XVI в. записи отдельных бояр вообще прекращаются, и вследствие этого лица, умершие после этого, не записаны.

Потомство Юрия Васильевича Грунки, в противоположность потомкам его брата Федора Воронца, сильно размножилось уже в XV в. и разбилось на несколько фамилий. От старшего правнука Грунки, от Федора Вельяминовича, и от сына последнего, от Ивана Федоровича Аксака, пошли фамилии Вельяминовых и Аксаковых. Эта линия Вельяминовых пресеклась в середине XVII в.¹⁴⁸ От Алексея Великого Вельяминовича, младшего брата Федора, пошла линия, принявшая с начала XVII в. фамилию Воронцовых-Вельяминовых, в отличие от Вельяминовых других родов. Наконец, от младших потомков Грунки вели свое происхождение по родословным преданиям фамилии Башмаковых, Исленьевых и Соловцовых. Сильно размножившиеся представители последних фамилий уже при составлении Государева родословца не были в состоянии подать правильные росписи и указать точно свою связь с Юрием Грункой, тем не менее, происхождение их от Протасия Вельяминова весьма вероятно. Поскольку эти фамилии не могут претендовать на историческую значительность, достаточно будет сказать несколько слов о Вельяминовых и Аксаковых.

По поводу родоначальника славного в истории литературы и общественности рода Аксаковых стоит сделать некоторые пояснения. В XIV-XVII вв. во всех слоях русского общества было очень распространено обыкновение давать детям сверх христианского имени еще прозвища. Большинство русских фамилий про-

¹⁴⁷ Титов А.А. Указ. работа. – С. 119-126.

¹⁴⁸ Забелин И.Е. Указ. работа. – С. 203.

изошло от этих прозвищ. Среди великого разнообразия всевозможных прозвищ наше внимание обращает на себя одна категория прозвищ. Это – прозвища по каким-либо прославившимся современникам соседних с Русью народов. В XV в. в Швеции славилась фамилия Стен-Стуре. И вот в конце века один из Колычевых получает прозвище Стенстур. Это прозвище носил Степан Иванович Лобанов (отец митрополита Филиппа). По турецкому полководцу Шеремету получает прозвище и становится родоначальником фамилии Шереметевых Андрей Константинович Беззубцев-Кошкин. При набеге крымского хана Девлета в 1572 г. был взят в плен его родственник мурза Дивей. И в писцовых книгах Рязанского уезда конца XVI в. мы находим в нескольких семьях молодых людей с прозвищем Дивей¹⁴⁹.

Тверская летопись поясняет, почему ордынский хан Темир Аксак назывался Железным Хромцом: «Темир бо зовется железо, аксак зовется хромец половецким языком». Как и почему Федору Вельяминову пришлось в голову назвать своего младшего сына Аксаком, конечно, объяснить невозможно.

Вельяминовы и Аксаковы как младшие и менее богатые представители рода были вытеснены из среды великокняжеского боярства и в большом количестве служили удельным князьям.

Василий Федорович Вельяминов служил кн. Юрию Васильевичу и был у него боярином. После бездетной смерти кн. Юрия (1472) его удел был присоединен к великому княжению, и сыновья Василия Федоровича стали служить великому князю, и были у него в окольных – Иван Васильевич Шадра в 1476-1522 гг., а его брат Иван Обляз в 1498-1524 гг.¹⁵⁰

Есть, однако, указания, что Иван Васильевич Обляз одно время служил удельным князьям. Это можно заключить из того, что в Литовском походе 1500 г. он был воеводой кн. Бориса Васильевича Волоцкого, а в походе 1507 г. – воеводой кн. Дмитрия Ивановича Жилки.

¹⁴⁹ Веселовский С.Б. История феодального класса служилых землевладельцев. – М., 1969. – С. 228.

¹⁵⁰ Зимин А.А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV в. и первой половине XVI в. // История и генеалогия. – М., 1977. – С. 138.

Сыновья Василия Федоровича еще имели родовые вотчины в Дмитрове, и в 1510 г. Иван Васильевич Шадра купил у своего брата Ивана Сухого его жребий в дмитровской вотчине, но вотчины братьев были невелики: это видно из того, что все они в конце XV в. получили поместья в Водской и Шелонской пятинах. Вельяминовы следующего поколения служили в уделе кн. Юрия Ивановича «Московского»¹⁵¹.

Василий Иванович Шадрин в 1517 г. был захвачен в плен крымцами, но в следующем году освободился и в 1521 г. был воеводой кн. Юрия Ивановича на Угре. Будучи бездетным, он в 1541 г. продал Троицкому монастырю за 400 рублей с.Ивановское в Вышегородском стану Дмитровского уезда и по духовной грамоте того же года дал тому же монастырю старинную вотчину Вельяминовых – села Протасове и Драчево в Манатине стану Московского уезда.

Двоюродный брат Василия Шадрина, Василий Константинович Немой служил кн. Юрию Ивановичу и был у него дворецким.

Федор Алексеевич Великого в начале XVI в. был в посольстве в Данию¹⁵². Его сын Данила Федорович служил кн. Юрию Ивановичу и в 1518 г. был у него боярином и наместником в Дмитрове. В том же уделе служили оба сына Данила Федоровича – Иван и Семен.

Таким образом, мы видим, что Вельяминовы тесно связали свою судьбу с кн. Юрием Ивановичем. При таких условиях становится понятным, что они не могли остаться в стороне от ареста и смерти в тюрьме своего князя. Этим, несомненно, объясняется то, что после ликвидации Дмитровско-Кашинского удела кн. Юрия Вельяминовы сходят со сцены. В 1548 г. Никита Иванович Шадрин еще был воеводой великого князя в полках, но после этого Вельяминовы в думных чинах не бывали. Последний удар их карьере нанес побег Михаила Владимировича в Литву. По-видимому, это произошло в эпоху опал и казней царя Ивана. Ро-

¹⁵¹ Лихачев Н.П. Указ. работа. – С. 79.

¹⁵² Карамзин Н.М. История государства Российского. – Т. 6. – М., 1993. – С. 202.

дословцы говорят, что его сын Федор за побег отца в Литву записан по Кашире в городовые дети боярские¹⁵³.

В XVII в. многочисленные Вельяминовы служили по дворовому списку, причем некоторым приходилось начинать службу с низших чинов, с чина жильца или стряпчего, бывали изредка в городских воеводах и в лучших случаях достигали чина стольника.

Мирзабеков М.Я.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СЕТЬ В ДАГЕСТАНСКОМ СЕЛЕ. 20-Е ГОДЫ XX В.

После восстановления советской власти в регионе (март 1920 г.) властные структуры Дагестана при поддержке центра приступили к восстановлению народного хозяйства, решению острейших социально-культурных и иных проблем населения.

В республике была развернута целенаправленная работа по созданию сети и улучшению деятельности социально-культурных учреждений в городах и сельских населенных пунктах.

Развитие новой системы школьного образования в дагестанском селе в 20-е годы происходило в идейной борьбе с традиционной мусульманской конфессиональной школой, которую из-за высокой религиозности коренное население предпочитало.

Несмотря на принятие Советским правительством декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, оно, исходя из сложной общественно-политической ситуации в национальных регионах страны, вынуждена была в первые годы советской власти идти на определенные уступки в вопросе организации конфессионального образования в районах с мусульманским населением. Декрет ВЦИК и СНК СССР «О разрешении преподавания мусульманского вероучения в регионах с мусульманским составом населения» (октябрь 1923 г.) определил возможным

¹⁵³ Бычкова М.Е. Указ. работа. – С. 143.

«Разрешить в пределах Туркестанской, Киргизской республик и автономных образований Кавказа с включением его частей с мусульманским населением, открытие частных школ для преподавания мусульманского вероучения, достигшим совершеннолетия по шариату (блугат).»[22, с. 176]

Широко известно обращение В.И. Ленина члену реввоенсовета Кавказского фронта Г.К. Орджоникидзе от 2 апреля 1920 г.: «Еще раз прошу действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам, особенно при вступлении в Дагестан. Всячески демонстрируйте и притом самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономии, независимость и прочее»[13, с.175].

Финансирование мусульманских конфессиональных учебных заведений в новых условиях оставалось неизменным. Они продолжали существовать на средства от закята (10% отчисления от ежегодных доходов верующих) и средств, выделяемых родителями учащихся этих школ в качестве оплаты за обучение.

Трудности и лишения, выпавшие на долю дагестанских народов в годы Гражданской войны и иностранной интервенции, сказались на сети конфессиональных учебных заведений в регионе. По свидетельству очевидцев их количество по сравнению с дореволюционным уменьшилось.

С начала 20-х годов в Дагестане возобновился рост сети конфессиональных учебных заведений. Тенденция к их увеличению прослеживалась по всем округам. Так, по данным на ноябрь 1923 г. в Хасавюртовском округе насчитывалось 26 примечетских школ, в которых обучалось 1997 детей [12]. В 1925 г. в Даргинском округе имелось 67 традиционных религиозных школ, в которых обучалось 1643 детей. Помимо примечетских школ, обучением Корану и догматам ислама в округе было охвачено 960 детей. В 30 школах - медресе Аварского округа насчитывалось 900 учащихся, а 20 школах - медресе Андийского округа - 500 учащихся [14, с. 39-40]. Всего же в 1925 г. в 554 зарегистрированных примечетских школах и медресе Дагестана обучался 11631 учащийся[21, с. 17].

Мусульманские конфессиональные учебные заведения пользовались широкой популярностью среди дагестанцев. В резолюции Хасавюртовской окружной партийной конференции от 13 ноября

1923 г. отмечалось: «Отсутствие хорошо подготовленных школ в округе и материальная необеспеченность как школ, так и учительства способствуют развитию в округе духовных школ. Духовные школы растут в два раза быстрее, чем советские школы, что и развивает влияние духовенства в аулах» [23].

Обеспокоенное состоянием образования в регионе и влиянием духовенства на его развитие ЦК ВКП(б) в июне 1925 г. обратился с письмом к коммунистам республики, в котором они нацеливались на усиление борьбы с духовенством.

Исходя из «рекомендаций», содержащихся в письме, властные структуры Дагестана усилили работу по ослаблению влияния мусульманского духовенства и традиционного конфессионального образования. В докладе заместителя Председателя СНК ДАССР К. Мамедбекова на объединенном пленуме Дагобкома ВКП(б) и Контрольной Комиссии (февраль 1928 г.) указывалось: «1925 г. мы можем считать переломным годом, с этого момента мы перешли в наступление на мусульманское духовенство».

Пленум в качестве одной из важнейших задач в области культурно-просветительной работы выдвинул изживание конфессиональных учебных заведений (мектеб, медресе) [10, с. 264, 266].

26 октября 1926 г. обком партии утвердил инструкцию Наркомпроса ДАССР «О регулировании преподавания мусульманского вероучения». Преподавание этого вероучения допускалось только в религиозных школах, которые подлежали обязательной регистрации. На преподавателей этих школ накладывался налог как на лиц свободных профессий. Посещение религиозных школ разрешалось детям, достигшим 12 лет [5, с. 504].

Параллельно с этим были осуществлены меры по ослаблению экономической базы мечетей и других учреждений культа. 23 января 1927 г. ЦИК и СНК ДАССР приняли постановление «О национализации вакуфного имущества», которое определило: «Все вакуфные имущества, находящиеся во владении, пользовании и распоряжении различных религиозных установлений Дагестана (мечети, медресе и пр.), объявить национальным достоянием» [1, с. 51].

Эти меры крайне отрицательно сказались на судьбе мусульманской конфессиональной школы в регионе, количество их резко пошло на убыль. По данным на февраль 1928 г. по 10 округам

республики (за исключением Кюринского, Кизлярского, Буйнакского и Махачкалинского) насчитывалось 280 мусульманских конфессиональных учебных заведений, в том числе 15 в Дербентском, 54 в Кайтаго-Табасаранском, 27 в Аварском округах [10, с. 264].

В последующем охват подрастающего поколения конфессиональными школами в республике продолжал сокращаться. В 1929 г. по всем округам Дагестана было взято на учет 25 медресе с 900 учащимися, 84 примечетских школ, в которых обучалось 399 учащихся и 137 «коранических школ». Всего в 426 мусульманских школах обучалось 4570 учащихся [8, с.124].

К началу 30-х годов усиление административного нажима и прямой запрет привели к прекращению деятельности религиозных школ в Дагестане. Лишь отдельные представители мусульманского духовенства, оставшиеся на свободе, рискуя быть подвергнутыми административным преследованиям и репрессиям, продолжали свою деятельность, набирали небольшие группы детей и тайно обучали их Корану на дому.

Важнейшим направлением деятельности Советского государства в области социально-культурного строительства являлось создание и развитие новой образовательной системы. В разделе Программы РКП(б) «В области народного просвещения», принятой на У111 съезде партии (1919 г.) в качестве первоочередной была поставлена задача: «Проведение бесплатного и обязательного общего политехнического (знания общего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 17 лет» [11, с. 48].

Решение этой задачи в условиях дагестанского села представляла исключительные трудности. Из имевшихся в 1915 г. здесь 60 светских школ с 2212 учащимися, ко времени восстановления советской власти ни одна не работала [18, с. 58-59; 10, с. 127].

В ряду других в Дагестанском ревкоме был создан отдел просвещения [20, с. 59]. В последующем аналогичные отделы были образованы и в окружных ревкомах.

Ими была развернута работа по расширению школьной сети в республике, обеспечению их педагогическими кадрами и учебно-методической литературой. В апреле 1920 г. Дагревком на нужды просвещения выделил 52000 рублей, в мае - 3566000, в июне -

8878846 рублей [10, с. 311]. Несмотря на такое увеличение, средств на укрепление учебно-материальной базы и организацию полноценного учебного процесса в республике остро не хватало. Тем не менее, в новых условиях сеть светских учебных заведений в дагестанском селе росла быстрыми темпами. В Кюринском округе на 1 сентября 1920 г. было открыто 45 школ, а к началу мая 1921 г. - уже 73 школы с 3000 учащимися и 80 учителями. В Кайтаго-Табасаранском округе к сентябрю 1921 г. функционировало 54 школы с 3000 учащимися. Всего в 1921 г. в Дагестане насчитывалось 493 школы с 26202 учащимися. Во всех этих школах работало 2498 учителей [8, с. 83 - 84].

В августе 1921 г. был создан Народный комиссариат просвещения. В составе Наркомпроса было образовано 5 отделов: академический центр, организационный отдел (Главсоцвос), главное управление социального воспитания, главное управление профтехобразования (Главпрофобр) и Главполитпросвет[9, с. 171].

Создание Наркомпроса придало новый импульс строительству новой советской школы, способствовало концентрации сил и ресурсов по разворачиванию сети учреждений культуры и искусства. Однако начальный этап деятельности нового органа руководства просвещением и культурой совпал с исключительно сложным периодом создания новой системы просвещения и деятельности учреждений культуры. В условиях перехода к осуществлению новой экономической политики (1921 г.) было резко сокращено финансирование народного образования и культуры, обусловленное экономическими трудностями в стране. Они были переведены с централизованного финансирования на местный бюджет, в их деятельность был введен хозрасчет.

В условиях острой нехватки материально-финансовых ресурсов в республике это сопровождалось закрытием значительной части школ и уменьшением охвата ими детей в дагестанском селе. В 1922 г. в Дагестане функционировали 144 школы, в них обучалось 8900 учащихся [25]. Сказалось и негативное отношение к новой школе в первые годы советской власти части коренного населения республики.

С сентября 1923 г. школьная сеть Дагестана была переведена на государственный бюджет. На ее нужды в 1923/24 бюджетном году было ассигновано 562164 рублей. В последующем финансо-

вые средства, выделяемые из республиканского и федеративного бюджетов на развитие народного образования, неуклонно росли. Помимо них, неоднократно на нужды дагестанской школы из Центра выделялись значительные суммы. 14 октября из кулфонда ВЦИК республике было отпущено 99912 рублей на подготовку и переподготовку учителей школ 1 ступени и создание учебников для них [6, с. 37].

Эти и другие меры властных структур республики помогли стабилизировать школьную сеть, а затем и развернуть планомерную работу по расширению их количества в регионе, в том числе и в дагестанском селе. На 1 января 1925 г. в Дагестане насчитывалось 204 школ, из которых 172 в сельской местности. В них обучалось 9,1 тыс. учащихся [10, с. 182 - 183]. Таким образом, несмотря на положительную динамику, охват подрастающего поколения новыми школами в дагестанском селе был незначителен, не мог оказать существенного влияния на повышение образовательного уровня населения.

Перед властными структурами республики стояла задача дальнейшего расширения сети и увеличения охвата детей общеобразовательными школами, прежде всего в сельской местности. С учетом этого было резко увеличено финансирование просвещения в бюджете региона. В 1925/26 г. на просвещение в республике было ассигновано 1310,4 тыс. руб., в 1926/27 г. - 1832,0 тыс. руб., в 1927/28 г. - 2621,0 тыс. руб., в 1928/29 г. - 4383,0 тыс. руб. [10, с.353].

Во второй половине 20-х годов наметился и определенный перелом в отношении значительной части дагестанцев к советским школам. Многие горцы, видя практическую пользу получения светского образования, стали определять своих детей в советские школы. Усилению интереса к новой школе способствовала и широко развернувшаяся массово-разъяснительная работа партийных, советских органов на страницах периодических изданий. По данным 9 округов Дагестана за период с 1 октября 1926 г. по 1 мая 1927 г. населением была оказана помощь в строительстве школ на сумму 125 тыс. руб., что составило 10% стоимости всех работ [16, с. 59].

Вторая половина 20-х годов характеризовалась нарастающими позитивными изменениями и результатами в развитии общеобразовательной школы в дагестанском селе.

Таблица 1

Общеобразовательные школы Дагестана

Годы	Количество школ и учащихся	
	Количество школ (един.)	Количество учащихся (тыс.)
1926/27	346	25,3
1927/28	418	28,6
1928/29	449	32,9
1929/30	485	40,3[17, с. 226]

Данные таблицы показывают, что за 1926/27 - 1929/30 гг. общее количество школ в многонациональном регионе увеличилось на 139, а контингент обучающихся в них на 15,0 тыс. человек.

Основное количество общеобразовательных школ и контингент учащихся в них приходилось на дагестанское село. На этом этапе развития сельская общеобразовательная школа республики в подавляющем количестве оставалась начальной. Так, в 1927/28 г. из 400 сельских общеобразовательных школ Дагестана 396 являлись школами первой ступени и только 4 школами второй ступени [15, с. 70].

В целом к концу 20-х годов, несмотря на значительные трудности и нерешенные проблемы, в дагестанском селе была решена исключительной сложности и социальной значимости задача культурного строительства - развертывание разветвленной сети светских школ, которые играли большую роль в повышении образовательного и общекультурного уровня населения.

В анализируемый период властные структуры региона развернули работу по созданию и расширению сети новых учреждений культуры наряду с городом и в сельской местности. Однако становление и развертывание деятельности первых очагов культуры в сельской местности республики было сопряжено с целым рядом острейших трудностей: это нехватка средств (приходилось по-

давляющую часть средств из республиканского и федеративного бюджета в первые годы советской власти направлять на развитие просвещения), отсутствие помещений и подготовленных людей, способных наладить деятельность клубов, библиотек и других культурно-просветительных учреждений. Основная сложность заключалась в том, что новые учреждения культуры не вписывались в традиционный уклад жизни и быта дагестанцев. Определенная часть местного коренного населения в первые годы советской власти была настроена в отношении их негативно, отказывалась посещать культурно-массовые мероприятия [16, с. 65].

Несмотря на эти трудности, в начале 20-х годов в округах были открыты первые культурно-просветительные учреждения. В отчете отдела народного образования Дагревкома за период с 1 апреля 1920 г. по 1 января 1921 г. говорилось, что в открытых в Темир-Хан-Шуре и Кайтаго-Табасаранском округе 3 Домах крестьянина периодически устраивались лекции, собеседования, концерты, спектакли, митинги. В разных населенных пунктах Дагестана было проведено 192 концерта-митинга, в некоторых селениях впервые демонстрировались кинофильмы [20, с. 310 - 311].

В последующие годы в округах и районах республики были открыты и стали функционировать постоянно действующие культурно-просветительные учреждения. В 1929/30 г. в дагестанском селе функционировали 4 клуба и 9 библиотек для обслуживания массового читателя, 186 изб-читален и сакель-горянок [10, с. 335].

В этих условиях говорить о какой-либо значительной культурно-просветительной работе среди сельского населения региона не приходилось.

Важным составляющим социально-культурного развития дагестанского села являлось создание разветвленной сети и налаживание эффективной работы учреждений здравоохранения по профилактике и лечению населения. Как отмечалось в докладе заведующего медицинской частью Совета Оборона Северного Кавказа и Дагестана Урусова о необходимости организации отдела здравоохранения: «Нужды врачебно-санитарного дела и потребность народного здоровья в Дагестане никогда не удовлетворялись в должной и нужной мере, и большая часть тех жалких казенных больниц и пунктов, которое создало старое правитель-

ство, оказались разгромленными, а имущество расхищенным. Врачебно-санитарная деятельность в области совершенно прекратилась а уцелевшие больницы перестали вовсе функционировать. Народ совершенно обнищал и разорен. Эпидемия тифа, оспы и др. разгуливает свободно и беспрепятственно, а с наступлением теплого времени нужно ждать и холеры» [20, с. 335].

На первых порах неоценимую помощь региону в лечении и развертывании санитарно-просветительной работы среди населения оказали медики частей Красной Армии, дислоцированных на территории Дагестана. В этой связи первый нарком здравоохранения Дагестана И.Н. Саградов писал: «Первую и решающую помощь для того времени Дагестану оказала Красная Армия. Она избавила Дагестан от врагов советской власти, и она же в лице санитарного управления Южного фронта помогла создать твердую базу для развертывания сети лечебных учреждений и медицинской помощи в Дагестане. Начальник санитарного управления Южного фронта врач Деревенсков, узнав о тяжелом состоянии медпомощи в Дагестане, согласился ... передать Дагестану четыре госпиталя, находящихся в Дагестане и подлежащих свертыванию ... откомандировал в постоянное распоряжение Наркомздрава 20 санитарных машин с шоферами, 60 военных врачей и медсестер ... 7 вагонов медикаментов и несколько вагонов медицинского оборудования». Эта помощь Красной Армии положила начало организации советского здравоохранения в Дагестане [4, с. 203 - 204].

Учитывая тяжелую санитарно-эпидемиологическую обстановку в регионе, властные структуры уделяли пристальное внимание открытию учреждений здравоохранения и налаживанию их работы. 11 мая 1920 г. отдел здравоохранения Дагревкома принял решение: «Принимая во внимание полное отсутствие в настоящее время в округах области, приспособленных для учреждения больниц помещений, больничного имущества, аптечного инвентаря и т.д., организовать пока в каждом округе области больницу, рассчитанную на 10 коек». Были определены штаты для этих больниц: 1 врач, 1 фельдшер, 1 акушерка, 1 сестра, 1 санитар, 1 санитарка, 1 повар, 1 прачка, 1 сторож [24].

Позитивно на развертывание сети и улучшение деятельности учреждений здравоохранения в регионе оказал декрет СНК

РСФСР от 19 декабря 1923 г. «Об образовании денежного фонда при лечебных учреждениях Наркомздрава», которым разрешалось при лечебных учреждениях Наркомздрава образование специального денежного фонда, образуемого: а) из сбора платы за лечебную помощь; б) из сбора платы за оказание различных услуг, как то за производство анализов, лабораторных исследований, рентгеновские снимки, просвечивающейся и за платный отпуск лекарств и врачебных средств; в) из расходов производственных предприятий, как от совхозов, эксплуатации транспорта, от эксплуатации земельных и других угодий; г) из пособий и пожертвований от учреждений и частных лиц; д) из случайных доходов по данному учреждению. Означенные специальные средства, предназначались на добавочные расходы по улучшению постановки лечебно-санитарного дела в соответствующих учреждениях [7, с. 93].

Большую помощь и поддержку учреждениям здравоохранения республики оказывал центр. Только в 1921 г. правительство РСФСР выделило Дагестану 25 млн. руб. специально для покупки медицинского оборудования и медикаментов. Тогда же в Дагестан была направлена специальная санитарная экспедиция для борьбы с эпидемиями и организации народного здравоохранения [3, с.56]. В последующие годы аналогичная помощь существенно возросла.

Целенаправленная работа по развитию здравоохранения в регионе позитивно сказалась и на укреплении материальной базы лечебных учреждений в дагестанском селе. По данным на 1 апреля 1925 г. в округах и районах республики насчитывалось 17 больниц с 360 койками. Помимо них, Наркомздрав в махачкалинской и дербентской городских больницах специально содержали койки для крестьян: в первой - 15, во второй – 20 [7, с.100, 101].

Помощь в налаживании здравоохранения в дагестанском селе оказывали шефские организации рабочих и служащих Махачкалы, Дербента и Буйнакса. В январе 1925 г. шефская комиссия железнодорожников Махачкалы в составе 7 человек посетила сел. Карабудахкент. Комиссия установила необходимость создания больницы, так как заболеваемости крестьян фельдшерский пункт не соответствовал. Комиссия решила также, что в селе необходимо иметь акушерку, так как женщины-горянки во время

беременности по обычаю не могли являться к фельдшеру. Комиссия привезла медикаменты и выдала больным [3, с. 137].

Успехи в восстановлении отраслей материального производства позволили во второй половине 20-х годов усилить внимание к развитию здравоохранения в республике. В 1927/28 г. удельный вес здравоохранения в бюджете Дагестанской АССР составил 9,2%, а в 1929/30 г. - 9,5% [7, с. 137].

Это позитивно сказалось на расширении лечебной сети в дагестанском селе. В 1929/30 г. в сельской местности республики функционировали 23 больницы с 435 койками, 7 пунктов первой помощи, 63 врачебных пунктов, 48 фельдшерских пунктов, 11 врачебных кресел [10, с. 358]. Несмотря на это, в конце 20-х годов в дагестанском селе сохранялись серьезные трудности и нерешенные проблемы в организации профилактики и лечения населения. В 1931 г. Дагестан по обеспеченности стационарной помощью среди 11 автономных республик РСФСР по сельской местности занимал 7 место [7, с. 137].

В 20-е годы было положено начало созданию и развертыванию деятельности детских дошкольных учреждений в дагестанском селе.

В отчете Дагестанского ревкома о деятельности за период с 1 апреля 1920 г. по 1 января 1921 г. было отмечено, что в нескольких селениях и городах Дагестана были открыты детские сады и детские площадки, а также Дома ребенка. В конце сентября была устроена «Неделя ребенка» по сбору пожертвований для детских садов и Дома ребенка. Собранные вещи были отправлены в детский дом.

Открыт Дом дошкольников и при нем музей работ по дошкольному воспитанию, налажено детское снабжение и питание. Полученной мануфактурой снабжались детские учреждения [20, с. 309].

В последующие годы количество дошкольных учреждений в сельской местности республики выросло. В 1927 г. в дагестанском селе насчитывалось 4 детских яслей: в сел. Чох - Гунибского округа, Леваши - Даргинского округа, Ортасталь - Кюринского округа, Червленая - Кизлярского округа [19, с. 57].

Анализ материала показывает, что в 20-е годы властными структурами республики при поддержке федерального центра

была проделана значительная работа по развертыванию сети стационарных медицинских учреждений и улучшению их деятельности по охране здоровья сельского населения. Однако наличная сеть к концу анализируемого периода не удовлетворял потребности дагестанского села в них.

В целом, несмотря на серьезные материальные затруднения и острую нехватку подготовленных кадров, в первое десятилетие становления новых общественных отношений властными структурами Дагестана при поддержке федерального центра была проделана большая работа по расширению сети социально-культурных учреждений в сельской местности республики.

Литература

1. Власть и мусульманская религия в Дагестане (октябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.). Документы и материалы (сост.: Какаганов Г.И., Бутаев М.Д., Амирханова М.М.). Махачкала, 2007.
2. Гаджиев А.С. Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. Махачкала, 1964.
3. Гаджиева Л.А. Развитие здравоохранения в дагестанском селе (1918-1930 гг.)//Социально-культурное строительство в дагестанском селе (1920-1980). Махачкала, 1989.
4. Даниялов А.Д. Строительство социализма в Дагестане 1921 – 1941 гг. (Узловые проблемы). М., 1975.
5. Даниялов Г.Д. Социалистические преобразования в Дагестане (1920 - 1941 гг.). Махачкала, 1960.
6. Исмаилов А.Р. Ликвидация неграмотности в Дагестане. Махачкала, 1970. С. 1970.
7. История здравоохранения в Дагестане в XX в. (1900 - июнь 1941 гг.). Документы и материалы (сост.: Нагиева М.К.). Махачкала, 2015.
8. Каймаразов Г.Ш. Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала, 2007.
9. Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971.
10. Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918 - 1941 гг. Сб. документов (сост.: Коган Г.Д., Юсупова С.И.). Махачкала, 1980. Т. 1.

11. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8. М., 1970. Т. 2.
12. Красный Дагестан. 1923, 15 ноября.
13. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51.
14. Магидов Ш.Г. Проблемы языка обучения и письменности народов Дагестана в культурной революции. Махачкала, 1971. С.
15. Материалы к отчету правительства У11 Вседагестанскому съезду Советов. Махачкала, 1929.
16. Мирзабеков М.Я. Культура дагестанского села. XX век: история, проблемы. Махачкала, 1998.
17. Научное наследие А.А. Тахо-Годи (сост.: Исаев А.А.). Махачкала, 2007. Ч. 2.
18. Обзор Дагестанской области за 1915 г. Темир - Хан - Шура, 1916.
19. Отчет ЦИК и СНК ДАССР У1 Вседагестанскому съезду Советов. Махачкала, 1927.
20. Революционные комитеты Дагестана. Сб. документов (сост.: Абдуллаев М.А., Волкова В.А., Исрапилов А. К-М., Магомедов А.М., Соломко Р.А, Эфендиев А-К.И., Яременко Т.Л.). Махачкала, 1960.
21. Резолюция первого совещания и материалы по агитпропработе. Махачкала, 1925.
22. Сулаев И.Х. Мусульманское духовенство и Советская власть: борьба и сотрудничество (1917 - 1921 гг.). Махачкала, 2004.
23. ЦГА РД. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 431. Л. 142 - 143.
24. ЦГА РД. Ф. р-4. Оп. 2. Д. 38. Л. 64.
25. ЦГА РД. Ф. р-34. Оп. 1. Д. 100. Л. 38.

КАЙТАГ В ПЕРИОД ПЕРСИДСКОГО ПОХОДА ПЕТРА I (ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

(Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках поддержанного проекта № 16-31-01067/17 - ОГОН «Интеграция Дагестана с Россией. Конец XVI – первая половина XIX в.»).

Как известно, на протяжении многих столетий Кайтаг (Кайтагское уцмийство) было одним из наиболее крупных, сильных и влиятельных феодальных владений Дагестана, которое начиналось в приморской низменности, охватывало предгорный и нагорный Дагестан. На севере оно граничило с Тарковским шамхальством, на юге – с Дербентом и Табасараном, на западе – с Казикумухским ханством и союзом сельских общин Акуша-Дарго, на востоке омывалось Каспийским морем. В изучаемое время оно представляло собой крупное, по масштабам Дагестана, феодальное владение, в котором проживали различные этнические группы (кайтаги, кумыки, терекемейцы, даргинцы, горские евреи).

Цель статьи показать причины противостояния Кайтагского правителя, уцмий Ахмед-хана Каспийскому походу Петра I, его последствия для Кайтагского уцмийства, каким образом этот процесс отразился на политической ситуации в Дагестане в целом.

Следует отметить, что активизация внешней политики России при Петре I, в том числе и в кавказском направлении самым прямым образом отражалась и на ситуации в Дагестане. Сказалось это и на характере взаимоотношений дагестанских владений как друг с другом, так и с соседними великими державами того времени – Ираном, Турцией и Россией. Взаимоотношения дагестанских политических структур имели большое значение для Дагестана, от их сплоченности, согласованности действий их правителей, порой зависело само существование дагестанских народов. Не раз им приходилось отстаивать самостоятельность и право на существование, побеждая армии завоевателей. Кайтаг, являясь крупным и сильным феодальным владением, играл важ-

ную роль во всех событиях Дагестана, и то, как складывались у него отношения с соседними державами, особенно с Российской империей, сказывалось на исторических процессах Дагестана в целом. Этим и обусловлена актуальность поднятой нами проблемы.

Антииранское восстание народов Дагестана и Азербайджана 1707-1721 гг. фактически привело к ликвидации иранского господства в Кавказском регионе. Используя тяжелое положение сефевидского Ирана, Турция планировала вытеснить Иран с Кавказа и стать полновластным хозяином над этим стратегическим регионом. Россия, окрепшая в ходе петровских преобразований, также стремилась утвердить военно-политическое и экономическое господство над этим регионом. Учитывая все это, они начали действовать.

Турцией был принят в подданство Хаджи-Дауд и утвержден ханом Ширвана с признанием его власти над всем Дагестаном. Официально об этом было объявлено русскому послу Неплюеву на аудиенции 10 февраля 1722 г. [4, с. 111]. Такая активность турецких властей очень обеспокоило Россию. Ответным шагом России стало решение начать военный поход. Официальным предлогом был объявлен инцидент с русскими купцами в Шемахе. Каспийский поход Петра I, известный так же как Персидский, Кавказский и Закавказский, стал крупнейшим военно-политическим мероприятием в восточной политике России первой четверти XVIII в. [17, с. 55–69; 18, с. 86].

Прикаспийские области интересовали Петра I как с экономической, так и военно-стратегической точки зрения. Граничащие с Россией на юге и юго-востоке Турция и Иран, вели между собой многовековую борьбу за господство в Прикаспии и на Ближнем Востоке. Тем временем, пользуясь тяжелым положением, которое переживал Иран, Османская империя решила «к себе присовокупить владения на Кавказе» [10, с. 237]. О плане и намерениях Порты хорошо знали русские власти. Усиление позиций Османской империи на Кавказе не отвечало интересам России в этом регионе.

Вступление войск Петра I в Дагестан привел в некоторое замешательство наиболее сильных феодальных владетелей. Так, убежавший из плена грузин Ф. Георгиев, который находился в

заточении селении Губден сообщил, что Дауд-бек Мюшкюрский, Сурхай-хан Казикумухский и уцмий Кайтагский планировали оказать сопротивление императорским войскам и призывали к этому шамхала Тарковского Адиль-Гирея [14, д. 322, л. 412]. Но никаких действий с их стороны не последовало. Но зато весть о начале похода русских войск вызвала сильную тревогу в правящих кругах османской империи. В Константинополе, доносил Неплюев, «следует великое приготовление к войне [8, с. 413].

В Дагестане войска Петра I не встретили серьезного сопротивления. 6 августа недалеко от селения Аксай Петра I встречали с подарками: шамхал Тарковский передал Петру I 600 быков, запряженных в телеги, и 150 – на пищу войскам, три персидских коня и седло, украшенное золотом [15, с. 24]. 16 августа армия Петра I выступила из Тарки, резиденции шамхала в сторону Дербента, являвшегося наиболее важным объектом компании 1722 г. «При движении из Тарков в Дербент, – пишет В. Комаров, – войско наши понесли некоторый урон от неприязненных действий уцмий Каракайтагского и Султан-Махмуда Утемышского» [9, с. 14]. Подстрекаемый Турцией уцмий Ахмед-хан с помощью своего вассала правителя Утамышского владения организовал нападение на русские войска, но войска горцев без особого труда были разгромлены [6, с. 200].

Дойдя до Утамышских владений, император послал одного офицера с тремя казаками с письмом к утамышскому султану, «чтобы он либо сам пришел, либо прислал депутатов в лагерь, для принятия повелений протекции от государя» [14, д. 551, л. 12]. Но султан, вместо ответа приказал «бесчеловечным образом изрубить отправленного к нему с письмами Казацкого есаула с тремя казаками, войско же его состоявшее из 10000 человек своих и из 6000 усмеевых, хотело нечаянно напасть на русские войска, но было разбито и преследовано до самого Утемышя, который превращен в пепел. То же самое учинено и с шестью другими его владения местами. Число убитых и раненных простиралось до 1000 человек. Скота взято 7000 быков и до 4000 баранов, не считая другого их имущества. Несколько подданных сего султана, взятых в плен казнены смертью за учиненные ими с есаулом казацким бесчеловечие». [16, с. 484]. Однозначных данных о количестве войск участвовавших в нападении на русское

войско нет. Так, А.-К. Бакиханов также говорит о 16 тыс. «как своего, так и кайтагского» [2, с. 105]. О 16 тыс. войске, которое возглавлял султан Махмуд сообщал и Ф.И. Соймонов [17, с. 90]. Согласно же данным П.Г. Буткова, «явилось на отемышских горах неприятелей до 10 тысяч человек под начальством Мегти-Бега, Якши-Бега и Айтемур-Бега, подданных отемышских и усмейских, из которых почти половина было пехота» [3, с. 25].

Очень интересные и весьма ценные сведения о сражении объединенного войска уцмий Кайтагского и султана Утамышского приводит непосредственный участник (иностранец) персидского похода Петра I Брюс. Так, он сообщал, что «горцы на поле сражения оставили от шестисот до семисот человек убитыми, 40 человек было взято в плен. Между ними находилось несколько сановников, а также магометанский священник, который был одним из их предводителей и который не только не отклонил жестокое убийство трех казаков, но и сам участвовал в этом. Их тела нашли впоследствии драгуны вблизи султанского дворца насажанными на кол, когда они их преследовали до ворот, и убивали всех, кто им попадался и они бежали перед тремя тысячами человек, а своих жен и дочерей они отослали в горы, прежде чем пошли в эту экспедицию; после этого были сожжены султанская резиденция и 6 других деревень совершенно опустошены. Драгуны и казаки вернулись с богатой добычей. Были повешены 21 пленник в возмездие за жестокую смерть трех казаков. Священника четвертовали» [14, д. 58, л. 34]. Петр I в своем письме сенату писал, что после завершения всех боевых действий его люди насчитывали около 600 убитых неприятелей, в плен же попало 30 человек. [14, д. 560, л. 158]. Это показывает упорное сопротивление оборонявшихся, что подтверждается и другим свидетельством: «Они, нападая на российские войска, бились запальчиво и долго стояли в сражении, ибо сначала не можно было поставить против них довольную силу, но когда в бой вступили основные силы, ополченцы вынуждены были поспешно отступить», – писал Ф.И. Соймонов [17, с. 90].

Из допросов пленных стало известно, что среди нападавших на российские войска были не только подданные султана и уцмий, но и других владений, таких, как: Акуша, Гапшима, Кубачи, Губден и даже из Казикумуха. Один из пленных сообщал, что

в нападении на российские войска участвовали даже табасаранцы [14, д. 436, л. 21-22].

Одновременно с этим, уцмий Кайтагский Ахмед-хан, испортив отношения с шамхалом Адиль-Гиреем, заблаговременно удалился в Шемаху, чтобы быть подальше от Петра – покровителя шамхала. Убедившись, что Петра I интересуют Дербент и торговый путь, и, заручившись поддержкой других владетелей, он вернулся в Кайтаг, а через 4 дня, 23 августа, уцмий уже направляет Петру I прошение о принятии его на «царскую службу». Интересно, что Петр I в своем описании утамышского инцидента даже не упоминает уцмия [13, с. 40]. Так, организовавший его Ахмед-хан «подставил» султана Махмуда, а сам остался в столице.

Пройдя через владения уцмия Кайтагского, 23 августа русские войска, под руководством Петра I, без боя вступили в Дербент [14, с. 39]. Обстановка благоприятствовала продвижению войск Петра I на юг. Однако случилось непредвиденное: возникшие затруднения в продовольствии и снаряжении в связи с крушением у Аграханского залива двух эскадр, косившая солдат эпидемия и падеж лошадей вынудили Петра I отказаться от продолжения похода [13, с. 45]. Но кроме этих причин, как отмечает О.П. Маркова, была и другая причина прекращения похода: «Петр I ушел с Кавказа, избегая преждевременной войны с Турцией. Прибывший в русский лагерь на р. Милюкент султанский представитель прямо заявил, что дальнейшее продвижение русской армии на Кавказе будет рассматриваться Портой как причина для объявления войны России» [10, с. 27]. Оставив гарнизон в Дербенте и в ретрашментах на Рубасе, Дарбаге, Бойнаке и Тарках, 7 сентября Петр I выступил в Астрахань. По указанию императора на р. Сулак была заложена новая крепость – Святой Крест. Тарковский правитель Адиль-Гирей был утвержден в звании шамхала Дагестана с подчинением ему всех местных владетелей и передачей жилищ и земель султана Махмуда Утамышского [14, с. 267–268].

Назначив командующим всеми оставшимися на Кавказе гарнизонами генерала М.А. Матюшкина, 29 сентября 1722 г. Петр I с основными силами отплыл в Астрахань. В результате

проведенной им Кампании Россия установила контроль над дагестанским и ширванским побережьем Каспия.

Возвращающиеся сухопутным путем вслед за Петром войсковые части подвергались постоянным атакам, по большей части, организованные уцмием Ахмед-ханом, которые наносили существенный урон войскам. В одном из источников говорится, что «уцмий и владелец Утамышский для нападения на русские войска собрали до 20000 тыс. человек» [12, д. 58, л. 50].

Не лучше обстояли дела с военными гарнизонами. Шамхал Адиль-Гирей в письме от 23 октября 1722 г. Петру I писал, что уцмий напал на только что построенную фортецию и увез оттуда пушки. «... по отшествии вашем злодей и изменник усмей (уцмий – А.М.) , – сообщается в письме, – сего сентября в 17 день со своим войском напал на новопостроенную от вас в Кайтаге фортецию, человек с 150 побили и пушки отобрав с собою увез...». [12, д. 322, л. 436]. Аналогичное сообщение Петр I получил и от дербентского наиба Имам-Кули-бека в послании от 27 сентября 1722 г. В нем говорилось, что уцмий захватил крепость на реке Дарбаге, и перебил весь гарнизон. Табасаранский владелец организовал нападение на крепость на реке Рубас. В источнике говорится: «... по возвращении вашего величества отсюда построенную по указу вашего величества крепость по реке Дарбаге изменник усмий взял и пред тою крепость найдено убитых три человека, и прочие все убиты в городе, а которая крепость на Рубасе и к той собравшись Мясум (майсум – Авт.) через три дня приступил и бился, в которой баталии человека, с четыре из казаков убили и восемь человек из солдат ранили и слышали мы, что Дауд-бек собравшись многолюдством намерены к тому городу приступать». [1, с. 80].

Выходит, что кроме уцмий участие в нападениях на военные укрепления принимали и другие дагестанские владетели. Надо полагать, что тут не обошлось без вмешательства Турции. 3 сентября 1722 г. шамхалу Адиль-Гирею было послано воззвание «выслать всех магометанцев, какого бы ни были роду из домов своих, и велеть им... против русских весьма жестоко биться» [14, с. 261]. Но тогда шамхал остался верен России. Не исключено, что такого рода воззвания получили и другие владетели, которые обнадеживались большими подарками и поддержкой турецких

войск. Есть сведения, что Турция, обеспокоенная продвижением войск Петра I в прежнюю сферу влияния Ирана, собираясь объявить войну России и двинуть свои армии в Закавказье, начала засылать своих эмиссаров в Ширван и Дагестан. Кайтагский уцмий и утамышский султан также были обнадежены, что турецкие наступления и военная помощь не за горами. Возможно, этим и объясняется их столь активные действия против русских войск [9, с. 76].

Не проходит и месяца с момента взятия крепости на реке Дарбаге как Петр I получает новое сообщение от дербентского наиба о нападении уцмий Ахмед-хана, султана Махмуда Утамышского, Дауд-бека с табасаранскими жителями на крепость Рубас [12, д. 59, л. 123]. За такое отношение к русским войскам уцмий был жестоко наказан. Петр I в послании Сенату об этом пишет следующее: «...в крепости Святой Крест к нам присоединились калмыки, которые тот час же были отправлены с 1000 человек донских казаков для большого наказания уцмий, тревожившего нас и при обратном движении, которого намерены сами посетить, но за скудностью и ходобою оставших лошадей того учинить не могли».

Посланный отряд под командованием атамана Краснощекова разбил на всех пунктах неприятеля, разорил до основания все селения в Нижнем Кайтаге, но, получив вновь огромную добычу разного рода, имуществом и скотом, возвратился к армии с 350 человек пленных.

Но эта акция русских властей не только не остановило уцмий, наоборот подтолкнула его к еще более активным действиям. Отношения с Петром I были испорчены серьезно. Это видно хотя бы по инструкции посланной царем в ноябре 1722 г. Матюшкину: «...ежели кто из горских владельцев будет искать нашей протекции, то оных принимать — кроме уцмий и утамышского владельцев как нам противных... Драгунам конным надлежит с казаками действовать и, как только возможно, разорять уцмий и прочих противных — также помогать дербентцам в их нуждах, прикрывая их полевые работы...». Ахмед-хан действительно подвергал частым нападениям Дербент и разорял близлежащие деревни. Вместе с уцмием в нападениях на Дербент участвовал и Хаджи-Дауд [12, д. 60, л. 239].

В это же время ухудшились отношения уцмий Ахмед-хана с Сурхай-ханом Казикумухским. Дело дошло до того, что «Сурхай имел баталию з бездельником усмеем» (уцмий – А.М.) [12, д. 560, л. 356]. По сообщению дербентского наиба Петру I незадолго до этого, «Сурхай имел пересылки с усмеем и объявил ему, что желает служить его императорскому величеству и намерен с помощью божиего искоренять противников» [12, д. 60, л. 241]. Но чем же объяснить столь преданное отношение Сурхая к императору России? Вполне возможно, что Сурхай-хан пытается использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах. Известно, что после шемахинских событий Турция назначила наместником Ширвана не его, а Хаджи-Дауда. Оказались задеты честь и достоинство Сурхая и сорваны его планы по овладению Ширваном. В этом-то он хотел опереться на Россию. А «искоренением» уцмий он рассчитывал на милость императора и помощь в деле реализации своего плана. Кроме того, столкнулись интересы уцмий Ахмед-хана и Сурхай-хана в северном Азербайджане. Последний даже попытался вместе шамхалом напасть на владение уцмий [12, д. 278, л. 142].

Такие «натянутые» отношения между крупнейшими дагестанскими владетелями продолжались недолго. В июне 1723 г. развернулось турецкое наступление в Закавказье. Дагестанские владетели, забыв старые обиды, решили воспользоваться моментом. Планы их выходили далеко за рамки обычных грабительских набегов. Речь идет о разделе Ширвана. В этой связи дербентский наиб Имам-Кули-бек сообщил Петру I, что дагестанские владельцы собрались в Худате с тем, чтобы разделить между собой «ширванскую провинцию» [12, д. 60, л. 256].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. I. 548 с.
2. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. 391 с.
3. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этно-

графия Дагестана XVIII – XIX вв. Архив. материалы. / Под ред. М.О. Косвена и Х.М. Хашаева. М., 1958. 371 с.

4. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. / Сост. В.Г. Гаджиев. Махачкала, 1992. 301 с.

5. Зиссерман А. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка. СПб., 1881. Т. I. 506 с.

6. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М., 1988. 544 с.

7. Комаров В. Персидская война 1722–1724 гг. (материалы для истории царствования Петра Великого) // Русский вестник. М., 1867. С. 553–616.

8. Магомедов М.Г. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. Махачкала, 1997. 296 с.

9. Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Ч. II. 504 с.

10. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. 323 с.

11. Полный текст Константинопольского договора // ПСЗ. Т. 6. № 4531.

12. Рукописный фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 322, 58, 59, 60, 560, 60, 278.

13. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сб. док. / Сост. В.Г. Гаджиев, Д.С. Габиев и др. М., 1988. 357 с.

14. Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в. Документы и материалы / Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958. 336 с.

15. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. От Константинопольского договора, до Кючук-Кайнарджийского мира 1700–1774 гг. М., 1991. 224 с.

16. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1961. 398 с.

МАТЕРИАЛЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РД КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В 50-Е ГГ. XX В.

В 1950-е гг. в стране по мере решения обеспеченности доступной медицинской помощи населению, возникала необходимость решения проблемы с повышением ее качества. С этой целью в стране провозглашались новые структурные реорганизации, призванные усилить профилактическое направление медицины, придать системе здравоохранения большую комплексность, которые с успехом реализовывались на местах.

Центральный государственный архив РД располагает богатейшими документальными источниками о политических, социально-экономических и культурных преобразованиях Дагестана. Ценный документальный материал по изучению проблем здравоохранения и медицинского обслуживания населения Дагестана можно почерпнуть из многих фондов госархива. Это Ф. 1-п. (Дагобком ВКП (б), КПСС), Ф. р-168 (Совет Народных Комиссаров ДАССР), а также специальные фонды: Ф. р-23 (Народный Комиссариат здравоохранения, Министерство здравоохранения ДАССР), Ф. р-512 (Дагестанский государственный медицинский институт), Ф. р-1272 (Дагестанская республиканская стоматологическая поликлиника), Ф. р-1382 (Дагестанское медицинское училище), Ф.р-213 (Дагестанская республиканская станция переливания крови), Ф.р-1227 (Дагестанская республиканская противочумная станция МЗ СССР) и др.

Документальные материалы фондов госархива, освещающие развитие здравоохранения республики в 1950-е годы отражают вопросы обеспечения учреждений здравоохранения медицинскими кадрами, лекарственного обеспечения аптек, вопросы объединения больниц и амбулаторно-поликлинических учреждений, что способствовало повышению качества медицинского обслуживания населения. Материалы о работе республиканской станции переливания крови, об оказании стоматологической помощи населению, о детском здравоохранении также можно почерпнуть из специальных фондов ЦГА РД Ф. р-1272 (Республиканская

стоматологическая поликлиника), Ф.р-213 (Республиканская станция переливания крови) и мн. др. Изучение их дает исследователю возможность объективно оценить состояние медицинского обслуживания населения республики в указанные годы.

В 50-е гг. XX в. в республике продолжала успешно осуществляться подготовка медицинских кадров. Согласно приказу министра здравоохранения СССР в Дагестане в 1953 г. открылись 3 медицинских училища на 60 человек в Махачкале, Дербенте, Буйнакске, а в следующем 1954 г. открылось медицинское училище в Хасавюрте.

Дагестанское медицинское училище в 1954 г. выпустило 118 человек. По национальному составу было: русских – 95 чел., кумыков – 7, лакцев – 4, аварцев – 8, даргинцев – 2, татар – 2. Большинство выпускников училища были студенты из других областей и краев. Так, 75 человек были приезжие и 42 человека составляли местное население. Представители Краснодарского края составляли большинство учащихся – 50 человек, что составляло – 42,7 %¹⁵⁴.

В 1954 г. в республике работало 5 медицинских училищ, которые в 1956 г. выпустили 370 средних медицинских работников. В 1957 г. из училищ Дагестана было выпущено более 800 специалистов¹⁵⁵.

В августе 1956 г. Советом Министров РСФСР было принято постановление «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания населения Дагестана», на основании которого предполагалось построить в 1957 г. - родильный дом в г. Махачкале, районные больницы в сс. Бабаюрт и Новолакское. В 1958 г. планировалось открыть районную больницу в с. Гергебиль, городскую больницу в г. Махачкале; в 1959 г. - районную больницу в с. Магарамкент. На 1960 г. было запланировано открытие детской инфекционной больницы в Махачкале, а в 1961 г. - городские больницы в городах Дербенте, Буйнакске, Хасавюрте,

¹⁵⁴ ЦГА РД. Ф. р-23. Оп. 36. Д. 58. ЛЛ. 1 – 6.

¹⁵⁵ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 898. ЛЛ. 1-2; Ф. р-23. Оп. 25. Д. 113. ЛЛ. 32; Оп. 36. Д. 82. Л.

станцию переливания крови, районные больницы в сс. Докузпара и Цумада и т.д.¹⁵⁶

На основании этого же постановления Министерство здравоохранения РСФСР в течение 1957–1960 гг. направляло для работы в республику ежегодно не менее 100 врачей. Министерству здравоохранения Дагестана в 1957 г. было выделено 15 санитарных автобусов, 10 легковых автомобилей «Москвич», 3 грузовых автомобиля и 6 автомобилей «ЗИМ» в санитарном исполнении¹⁵⁷.

В целом в послевоенное пятнадцатилетие заметно улучшилось здравоохранение в Дагестане. Население, в том числе жители сельской местности, стали получать квалифицированную медицинскую помощь, в значительных масштабах проводилась медико-профилактическая работа, повысилась санитарная культура дагестанцев.

За период с 1955–1958 гг. стали активно проводиться мероприятия по оздоровлению сельского населения от парши, трахомы, зоба и туберкулеза, в результате этих мероприятий в 1959 г. была ликвидирована трахома – как массовое заболевание, снижена заболеваемость зобом. Особое внимание уделялось борьбе с туберкулезом. В эти годы расширилась сеть противотуберкулезных учреждений, открылись туберкулезные больницы в селах Ахты, Кумухе и гор. Кизляре, также расширилась туберкулезная больница в Дербенте до 50 коек, началось строительство туберкулезной больницы в гор. Хасавюрте.

В 1958 г. инфекционная заболеваемость в республике была снижена по ряду заболеваний. Однако санитарное состояние оставалось неудовлетворительным, высокой оставалась заболеваемость кишечными и детскими инфекциями. Предполагалось направить работу органов здравоохранения на улучшение санитарного состояния республики и снижение инфекционных заболеваний, на борьбу с туберкулезом, на снижение детской заболе-

¹⁵⁶ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1109. ЛЛ, 276-287; Ф. р-1278. Оп. 4. Д. 53. ЛЛ. 3-4; Ф. р-168. Оп. 45. Д. 5. Л. 147, ЛЛ. 197-205; Д. 15. ЛЛ. 43-46

¹⁵⁷ ЦГА РД.. Ф. р-23. Оп. 36. Д. 82. Л. 5; Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1432. Л. 8; Ф. р-168. Оп. 45. Д. 13. Л. 68; Д. 14. ЛЛ, 155-157

ваемости, а также на повышение культуры в работе лечебных учреждений ¹⁵⁸.

Материалы о развитии сельского здравоохранения и медицинского обслуживания колхозников отгонного животноводства освещают работу органов здравоохранения в этой важной сфере. В различных, отчетах, письмах, приказах отмечаются состояние медицинского обслуживания колхозников отгонного животноводства. Так, например, на «...кутанах Хасавюрт, Бабаюрт, Кизилюртовского и других районов медицинское обслуживание остается неудовлетворительным...». Для улучшения ситуации, необходимо было провести ряд мероприятий. Так, например, перевести фельдшерско-акушерские пункты из районных больниц на кутаны, обеспечить эти пункты необходимыми медикаментами и медицинским оборудованием, для оказания необходимой помощи работникам отгонного животноводства ¹⁵⁹. Дагестанская республика располагает большим количеством минеральных источников обладающих высокоэффективными лечебными свойствами - курорт «Талги», Каякентские серные горячие источники, Миатлинский и Ахтынский источники. На этих источниках с успехом лечатся больные бруцеллезом, с заболеваниями суставов, внутренних органов, кожи и т.д. ¹⁶⁰

В медицинском отчете главного врача санатория «Талги» К.М. Камбулатова за 1959 г. подробно освещается деятельность санатория. Рассматривая «Отчет...», состоящий из нескольких частей, куда входят общая часть, гидрологический и геологический очерки, можно составить полную картину работы санатория. Изучить более подробно климатическую характеристику санатория, здесь дается и историческая справка, раскрывается физико-химический состав воды, состояние округа горно-санитарной охраны курорта, профиль курорта и медицинские показания. Также имеются сведения о состоянии медицинских кадров, а также представлена программа занятий по санитарно-

¹⁵⁸ ЦГА РД. Ф. р-168. Оп. 45. Д. 15. ЛЛ. 43-46

¹⁵⁹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 8992. ЛЛ. 9-11; Ф. р-23. Оп. 27. Д. 97. Л. 17; Д. 149. ЛЛ. 9-11; Ф. р-1278. Оп. 4. Д. 33. Л. 17

¹⁶⁰ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1109. ЛЛ. 276-287; Ф. р-23. Оп. 25. Д. 166. Л. 2

техническому минимуму и технике безопасности предназначавшейся для сотрудников курорта ¹⁶¹.

Отдельного внимания заслуживает тема медицинского обслуживания работников различных промышленных предприятий и заводов республики. Так, в справке «О медицинском обслуживании рабочих весенней путины Управления рыбной промышленности Дагсовнархоза» отмечается, что «...согласно приказа для медобслуживания рабочих весенней путины развернуты сезонные больницы и фельдшерско-акушерские пункты в Глав. Лопатине и рыбзаводе Буйнак». Из представленного документа следует, что всего было развернуто 4 больницы и 21 фельдшерский пункт, которые были укомплектованы врачами и средними медицинскими работниками. В Отчете заведующего здравпунктом № 1 завода «Дагэлектроаппарат» отмечается, что медпункт оснащен всем необходимым оборудованием для оказания первой помощи. Регулярно проводится медосмотр рабочих вредных профессий. Большое внимание уделялось санитарным постам, где оказывалась первая помощь работникам завода. Регулярно проводились лекции, беседы и т.д. Также в Отчете отмечены существующие недостатки и указывается на необходимость их скорейшего устранения ¹⁶².

Многие вопросы улучшения медицинского обслуживания в сельской местности освещались также в Ф. р-23, Ф. р-168, Ф. 1-п. и других фондах государственного архива – это постановления бюро обкома КПСС и СМ ДАССР, различные справки, отчеты, письма, освещение которых помогает представить более полную картину развития истории здравоохранения в сельской местности за указанные годы. Среди них, такие документы: «Об организации фельдшерско-акушерских пунктов для обслуживания переселенцев в Хасавюртовском районе», «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения ДАССР в Курахском и Ахвахском районах», «О подго-

¹⁶¹ ЦГА РД. Ф. р-23. Оп. 25. Д. 320. ЛЛ. 1-8

¹⁶² ЦГА РД. Ф. р-168. Оп. 45. Д. 18. Л. 161; Ф. р-23. Оп. 25. Д. 432, ЛЛ. 117-120; ЛЛ. 137-138; ЛЛ. 169-171

товке к работе в осенне-зимний период отгонного животноводства», «О состоянии сельского здравоохранения» и т.д.¹⁶³

Вопросы, касающиеся улучшения охраны материнства и детства являлись основополагающими для органов здравоохранения республики. Так, в справке за 1960 г. «Об улучшении обслуживания детей, находящихся в домах ребенка в республике», «О медико-санитарном обслуживании воспитанников детских домов ДАССР за первое полугодие 1963 г.» и других документах было отмечено, что в республике всего функционировало 18 детских домов, из них 13 школьного типа, 8 дошкольного, 2 смешанного. В городах находились 12 детдомов и 6 в районах. В справке довольно подробно освещаются бытовые условия детских домов, особое внимание уделяется работе медицинского персонала, указано о выявленных болезнях при медицинском осмотре детей и т.д.¹⁶⁴

Интересные сведения о работе дагестанского медицинского института можно почерпнуть из многих фондов, в том числе и в фонде р-512 (Дагестанский мединститут). Здесь могут привлечь внимание исследователя планы работы медицинского института за различные учебные годы¹⁶⁵. По отчетам о работе кафедр мединститута читатель может составить представление об организации работы со студентами, о научной работе сотрудников кафедр и т.д. Наряду с этими материалами привлекают внимание и протоколы совещаний при дирекции Дагмединститута, материалы об итогах научной деятельности Дагмединститута, сводные отчеты о научно-исследовательской работе кафедр мединститута¹⁶⁶.

Изучение и анализ документальных материалов, хранящихся в Центральном государственном архиве РД позволяет исследователям создать целостную картину развития здравоохранения

¹⁶³ ЦГА РД. Ф. р-23. Оп. 27. Д 227. ЛЛ, 1-7; Ф. р-168. Оп. 45. Д. 18. ЛЛ. 162-163

¹⁶⁴ ЦГА РД. Ф. р-168. Оп. 45. Д. 18. ЛЛ. 73-74; Оп. 29. Д. 575. ЛЛ. 90-91; Ф.р-23. Оп. 29. Д. 449. ЛЛ. 61-63

¹⁶⁵ ЦГА РД. Ф.р-512. Оп.16. Д. 70,132,206

¹⁶⁶ Каймаразова Л.Г. Культурное строительство в Дагестане. 1940-1960 гг. (Источниковедческий анализ документов ЦГА РД). Махачкала, 2009. Алеф. С. 111.

и более полно оценить состояние медицинского обслуживания населения в изучаемый период.

Разаков Р. Ч.-М.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИАЛИЗМА В РОССИИ

В последние годы, устоявшиеся в современной России проблемы (низкий уровень жизни, коррупция, стабильный уровень преступности, наркомания), наряду с мировым экономическим кризисом, стали поводом для определенной части политической элиты сделать вывод о том, что капиталистическая модель развития общества не имеет перспектив, предлагая, в качестве альтернативы, вернуться к социализму, приводя в качестве примера успехи развития социализма в Китае.

Хотя, совершенно очевидно, что между социализмом в Китае сегодня и социализмом глазами К. Маркса глубокая пропасть противоречий. Иными словами, это уже не социализм.

Не вдаваясь глубоко в суть экономических реформ проводимых в КНР, следует сказать, что в основе развития экономики Китая лежат не только социалистические принципы, но и капиталистические (частная собственность и рыночная экономика).

Между тем «Китайский путь» в большей степени повторяет Новую Экономическую Политику (НЭП) Советской России (со своей спецификой), которая, как нам представляется, могла иметь в свое время хорошие перспективы, но, к сожалению, в виду того, что она противоречила принципам коммунизма, советское руководство свернуло ее реализацию.

Поэтому, анализируя советское прошлое, возникает необходимость заново понять и переосмыслить исторический путь советской модели социализма и сопоставить его с идеями марксизма.

Благодаря К. Марксу «Утопический Социализм» (учение об идеальном обществе, основанном на общности имущества, обязательном труде, справедливом распределении), воспетый его предшественником [9], как мечта о прекрасном будущем, приобрел более осмысленный и прагматичный характер.

По словам Маркса, некогда был золотой век. Потом стало скверно, но терпимо. Наконец пришел капитализм, а с ним и все мыслимое зло. Так, капитализм, оказывается, проклят навеки. Единственное, что можно поставить ему в заслугу, так это то, что из-за его отвратительности мир созревает для социалистического спасения [6,с.64]. Иными словами, основоположнику марксизма казалось, что развитие общественных отношений неизбежно ведет к социализму-коммунизму, т.е. к раю на земле.

Основная мысль К. Маркса сводилась к тому, что социализм предпочтительней капитализма, ввиду того, что в капиталистическом обществе присутствует эксплуатация человека человеком, что абсолютно недопустимо.

Основная претензия, которую К. Маркс предъявил капиталисту, состояла в том, что последний присваивал себе прибавочную стоимость, которая создавалась исключительно благодаря труду рабочего класса. Исходя из этого, К. Маркс вывел тезис, что получаемая капиталистом прибыль, основана преимущественно на эксплуатации человеческого труда, все того же рабочего класса [3,с.6].

В процессе производства, по мнению К. Маркса, рабочие вступают в производственные отношения с капиталистом, которые, так или иначе, приводят их к непримиримым противоречиям, иначе говоря, к борьбе между классами, неуклонно ведущая рабочих к мировой революции, после которой наступит социализм.

По мнению теоретиков марксизма, социализм предпочтительней капитализма, хотя бы потому, что в нем складываются совсем иные производственные отношения, не основанные на эксплуатации человека человеком.

Именно благодаря этим выводам, Маркс в своем манифесте коммунистической партии призвал «пролетариев всех стран объединиться» против своих эксплуататоров, которые необоснованно присваивают себе благо, созданное руками рабочих.

Не вдаваясь глубоко в теорию марксизма, мы сделаем попытку разобрать некоторые основные положения социализма.

Раскрывая понятие «коммунизм» Ф. Энгельс излагает основные принципы коммунизма, для чего сам ставит и отвечает на ряд ключевых вопросов.

Итак, 1-й вопрос: Что такое коммунизм?

Ответ: Коммунизм есть учение об условиях освобождения пролетариата.

2-й вопрос: Что такое пролетариат?

Ответ: Пролетариатом называется тот общественный класс, который добывает средства к жизни исключительно путем продажи своего труда, а не живет за счет прибыли с какого-нибудь капитала[11,с.122].

В тринадцатом ответе на свой вопрос Ф. Энгельс приходит к выводу о том, что уже имеются средства для окончательного устранения бедствий, порожденных капитализмом, путем создания нового общественного строя.

В Манифесте коммунистической партии также объявлялось, что коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир[.8,с.171].

В связи с чем, одной из ключевых задач при реализации социалистических идей является установление равенства среди людей.

Но возможно ли установить всеобщее равенство, когда люди по рождению оказываются в неравных условиях, имея разные физиологические способности: один рождается больным, второй здоровым, третий сильным, другой слабым и.т.п., что, в конечном итоге, отражается на успехах и неудачах каждого в отдельности.

По Марксу, сложившееся в обществе неравенство предполагалось устранить за счет перераспределения имущества богатых в пользу бедных.

Очевидно, что Маркс пренебрег тем обстоятельством, что объемы производства и национального дохода величины не постоянные, а существенно зависящие от распределения собственности, при перераспределении которых возникает опасность, что собственность может попасть в руки тех, кто не столь уж умеет ее поддерживать, кто менее способен к предвидению, кто хозяй-

ствуется менее рачительно, что неминуемо может привести к сокращению производства[6,с.201].

Великая по своему замыслу и трагичная по своему воплощению идея К. Маркса оказалась реализованной не где-нибудь в благополучной Европе, как ожидалось, а у нас в России, которая никак не была готова принять социализм.

В работах Маркса и Энгельса, которые уже нельзя изъять из обращения, можно прочесть, что основатели марксизма считали Великобританию, Францию и даже Германию странами наиболее развитой цивилизации и капитализма. Студенты марксистских университетов могли быть туповаты, чтобы разобраться в философских и экономических основах Марксова завета. Но они были вполне сообразительны, чтобы понять, что Маркс считал Россию страной менее развитой, чем страны запада[6,с.355].

Согласно Марксу, социализм мог быть построен лишь в результате мировой революции, и, причем, первоначально в самых развитых капиталистических странах.

Но, как известно, социалистическая революция в Октябре 1917 года произошла в России, так как к этому времени Ленин пришел к выводу, что революция может победить в отдельно взятой стране, если для этого созрели необходимые предпосылки.

Чем же руководствовались большевики во главе с Лениным, осуществляя свой замысел? Можно дружно крикнуть - идеей установления справедливости.

Но и справедливость не может иметь универсальное применение, так как в каждом отдельно взятом социуме могут сложиться собственные нормы справедливости.

Например, в исламском мире по шариату (мусульманское право) за воровство принято отрубать руку и согласно мусульманской традиции это справедливо, тогда как в остальном мире это правило неприемлемо.

Если при осуществлении социалистических преобразований в СССР справедливым считалось изъятие помещичьих земель и частной собственности у их владельцев, то в капиталистических странах подобные процессы оценивались как нечто варварское.

Как известно, в СССР был определен социалистический принцип распределения: «от каждого по способности, каждому по труду». Наиболее характерно его применение в колхозах, где,

исходя от своих способностей, колхозник выполнял свой труд, исчисляемый в трудоднях, в которых производительность труда не определялась.

В итоге при распределении конечного продукта, лодыри наравне с другими колхозниками получали одинаковый доход, что стало одной из причин выхода крестьян из колхозов.

Таких примеров в истории можно найти очень много. Тем самым, сама справедливость может быть вполне относительной.

Вспоминая первые и последующие шаги большевиков, трудно согласиться с тем, что справедливым является устраивать счастье одних за счет несчастья других.

Сами итоги Октябрьской революции говорят о том, что к ним смело можно применить латинскую фразу: *Fiat justitia, pereat mundus* (Да свершится правосудие, и да погибнет мир). В связи, с чем приходится задуматься о том, какую цель преследовал Ленин, поднимая народ на революцию в октябре 1917 года. Ведь не секрет, что революционный радикализм Ленина поддерживали не все члены РСДРП. Всем известно заявление Каменева и Зиновьева о преждевременности Октябрьского восстания.

Преждевременной Социалистическую революцию в России считал и первый марксист России Т.В. Плеханов. «Наш рабочий класс еще далеко не может, с пользой для себя и для страны, — утверждал Плеханов, — взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть, значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы, в то же время, величайшим несчастьем и для всей России» [4, с.39].

Некоторые оппоненты В. Ленина, в том числе известный немецкий социал-демократ Э. Бернштейн, в свои трудах[2,1922] высказал мысль о том, что к социализму следует идти реформаторским путем, так как при новых социально-экономических реалиях, когда наблюдается стабилизация капиталистического хозяйства, нет необходимости в революционных преобразованиях.

Но, как известно история не знает сослагательного наклонения. Революция свершилась! А каковы были истинные намерения первооткрывателей социализма, остается одной из тайн ушедшего столетия.

Вместе с тем, осуждая радикальные взгляды российских революционеров, необходимо учесть, что на протяжении длитель-

ного времени среди прогрессивной части российского общества зрело желание улучшить жизнь своих соотечественников, тем самым, подталкивая не одно поколение россиян к протесту против существующих порядков.

Страна хотела перемен, и она их получила. В конечном итоге вся энергия, накапливавшаяся в России в предшествующий период, вылилась наружу в Феврале и в Октябре 1917 года.

Если Февральскую революцию, с оговорками и без, можно считать объективной реальностью, избежать которую вряд ли представлялось возможным, Октябрьский переворот сегодня представляется порождением человеческой фантазии и вероломства. Неслучайно ведь В.И. Ленин настаивал на немедленном восстании, утверждая, что «промедление смерти подобно», объясняя свою торопливость тем, что ждать Учредительного Собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно [1, с.131.].

Напрашивается вопрос, следует ли оценивать Октябрьский переворот как насильственный захват власти, основанный на обмане? Возможны возражения! Приведем факты.

Рассмотрим решения II съезда Советов.

Принимая эсеровскую программу при решении земельного вопроса, видимо, Ленин понимал, что крестьянство готово поддержать социалистические идеи, лишь получив в свое распоряжение землю, ради которой оно было готово на все. Но, несмотря на то, что крестьяне получили землю, они очень скоро в период политики «военного коммунизма» и «сплошной коллективизации», оказались еще в худшем положении, чем до революции.

Далее Советское государство объявило: «Право наций на самоопределение». Кто получил это право?

Одним из ключевых вопросов в ходе Октябрьских событий, являлся вопрос о власти, который должен был решиться на Учредительном Собрании, но, как известно, большевики недолго церемонились с избранниками народа и распустили Учредительное Собрание, так как в нем большинство депутатов представляли интересы других партий.

В итоге, одно из самых свободных государств в Европе в период правления Временного правительства, по словам самого

Ленина, Россия после Октябрьского переворота превратилась в государство, основанное на насилии, подтверждением чему служит «Красный террор», объявленный большевиками в период Гражданской войны, по отношению не только к своим противникам, но и к рядовым гражданам.

Попытка большевиков ввести в стране социалистические идеи в период «военного коммунизма» указала Ленину на не состоятельность тех представлений о социализме, вооружившись которым большевики осуществили захват власти, возвращение к капиталистическим отношениям в Новой Экономической Политике, яркое тому подтверждение. Более того, в ходе дискуссий Ленин не обращал внимания на вопросы соратников, куда идем, заявляя: «НЭП - это всерьез и надолго».

Однако, судьбе было угодно, чтобы на смену романтику Ленину, к власти пришел более последовательный сторонник марксизма (Сталин), с именем которого фактически связана вся история становления социализма в СССР. Если Ленин допускал для себя и других дискуссии о подходах при реализации социализма, Сталин такого либерализма позволить не мог.

Одно ясно однозначно, Сталин оказался последовательным марксистом, который старался неукоснительно следовать установлениям основоположников марксизма.

Чтобы оценить устои социализма в СССР и роль Сталина в этом процессе достаточно обратиться к основополагающим принципам марксизма.

В своих трудах К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что главные мероприятия при создании нового общества будут следующие:

- 1) Ограничение частной собственности...
- 2) Постепенная экспроприация земельных собственников, фабрикантов...
- 3) Одинаковая обязательность труда для всех членов общества до полного уничтожения частной собственности. Образование промышленных армий, в особенности для сельского хозяйства.
- 4) Воспитание всех детей с того момента, как они могут обходиться без материнского ухода, в государственных учреждениях.

ях и на государственный счет. Соединение воспитания с фабричным трудом... [7,с.333-334]

Трудно выделить тот или иной пункт из приведенных выше положений, который не был реализован в Сталинской или правильнее будет все же сказать Марксовой модели социализма в СССР.

Так как, совершенно очевидно, что рядовому гражданину СССР, были знакомы такие термины как экспроприация земельных собственников, конфискация имущества всех эмигрантов и бунтовщиков, обязательность труда для всех членов общества, воспитание детей в государственных учреждениях, образование промышленных армий, принудительные займы и другие.

Будучи реалистами, основоположники марксизма понимали, что эти мероприятия нельзя, провести в один прием, но в то же время были уверены в том, что одно из них повлечет за собой другое[7,с.335].

Но беда России состояла в том, что в отличие Маркса и Энгельса Сталин и его соратники считали, что коммунизм должен наступить очень скоро и желательно еще при их жизни.

Литература

1. Аникеев В.В. Документы великого октября. Москва, 1977. —244с.
2. Бернштейн Эдуард. Возможен ли научный социализм?. (1922) и др. [Электронный ресурс]. Режим доступа:http://www.polisportal.ru/Bernstein_Vozmozen_li_nauchniy_socializm.pdf
3. Декреты Советской власти. Т.1. Москва, 1957. — 624с.
4. Курбатова И.Н., Уланова В.А. //Плеханов Г.В. Русский рабочий в революционном движении. Ленинград, 1989. — 253с.
5. Ленин В. И.. *О социалистической революции. Том 1. 1899-1917.* [Электронный ресурс].Режим доступа: <http://leninism.su/works/115-conspect/4270>
6. Людвиг фон Мизес. Социализм. Москва,1994. — 416.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 4. Москва,1955-1981. —615с.
8. Манифест коммунистической партии. К.Маркс., Ф.Энгельс. Избранные сочинения. Т.3. Москва.1985. — 628с.

9. Мор Т. Утопия. (1516, рус. пер. 1789). Москва, 1935. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://royallib.com/book/tomas_mor/utopiya.html

10. Ойген Бен-Баверек. Критика теории Маркса. Москва, 2002. — 284с.

11. Энгельс Ф.. Принципы коммунизма. К. Маркс., Ф. Энгельс. Избранные сочинения. Т.3. Москва, 1985. — 628с.

Разаков Р. Ч.-М

СТАНОВЛЕНИЕ СВЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДАГЕСТАНЕ

Принято считать, что низкий уровень светского образования в Дагестане связан с колониальной политикой самодержавия, которое, сохранив религиозные привязанности в регионе, стремилось отгородить население от просвещения. На наш взгляд, развитие духовного образования в Дагестане в пике светского и сохранение дагестанских обычаев и традиций в дореволюционный период, необходимо рассматривать как уступки самодержавия в регионе, так как любое посягательство на национальные и иные права местного населения, выливалось в бунты среди горцев.

Основные причины, тормозившие дело развития светского образования в Дагестане в начале 20 века по мнению инспектора по вопросам образования Рудольфа были следующие : «1) Косность разноразличного населения Дагестана (населяют, при общем числе жителей 679.911, отдельных 27 племен, имеющих свой особый непонятный для других язык), 2) недостаток казенных средств и необходимость обложения населения расходами на единовременное устройство и содержание училищ: на устройство помещений или деньгами или натуральною повинностью, на содержание : по найму сторожа , отоплению и освещению,3) крайняя пересеченность местности с трудными условиями передвижения, 4) отсутствие учительского персонала из местных уроженцев и невозможность подыскания лиц знакомых с тем или другим языком горцев Дагестана (не только татарин и азербай-

джанец, но и дагестанец соседнего доступного селения не может совершенно объяснить с другой народностью), 5) до крайности слабый приток казенных средств на нужды начального образования всей Кавказской окраины; и действительно: казенных средств отпускалось на весь Кавказ до 1908 года всего 784.555р. из них на Ставропольскую губернию 38.600р., на Северный Кавказ 301.130р. и на Закавказье 444.825р., (в том числе в Дагестан расходовалось 23.800)» [9,с.5.].

По мнению Рудольфа привлечение в этот оторванный дикий край учительского персонала, снабжение учебных заведений учебными пособиями и всем школьным инвентарем и наконец школьное строительство было до крайности затруднено.

О своих впечатлениях после посещения Дагестана Рудольф писал: «Надо видеть сам уклад жизни и тот ужасный труд земледельца, который приходится нести дагестанцу для удовлетворения своих, до крайности скромных, жизненных потребностей.

Подымный сбор и натуральная повинность для школы - вот причины, которые, как я отметил выше, препятствовали ее распространению за истекшие пол века.

Проверив познания учащихся, я нашел их только удовлетворительными. Особенно важно это здесь, где населением осознана цель учения: все сельское общество Кумуха, встретив меня сегодня хлебом-солью, предъявило ко мне и ряд вопросов по школьным нуждам, удовлетворение коих я почту своим служебным долгом» [9,с.7.].

В тоже время, если судить об образованности местного населения, необходимо указать на наличие среди дагестанцев ученых, известных не только в Дагестане, но и за ее пределами.

Родоначальником дагестанской науки считается Мухаммед Кудутлинский (умер в 1708 г.). Кудутлинский являлся автор ряда трактатов по арабской грамматике, один из которых был позднее издан в Стамбуле и широко распространен в Дагестане. Учеником М. Кудутлинского был Магомед Убринский (умер в 1733 г.), автор ряда работ по философии, логике и риторике.

Широкой известностью пользовался Дамадан Мегебский (умер в 1718 г.), который считается ученым, положившим начало изучению в Дагестане математических, астрономических и медицинских наук.

Выдающимся ученым своего времени считался Давуд Усишинский (умер в 1767 г.). Широкой известностью в ученом мире пользовался современник Д. Усишинского Махад Чохский (умер в 1770 г.). Этот ряд можно продолжить плеядой известных ученых 19 века.

Об уровне развития образования досоветского Дагестана можно судить со слов П. К. Услара, который считал, что «если об образовании народном судить по соразмерности числа школ с массою народонаселения, то дагестанские горцы в этом отношении опередили даже многие просвещенные европейские нации. Учение доступно каждому горскому мальчику. В каждом ауле найдутся один, два человека, которые учат детей читать и писать из-за куска хлеба; при каждой мечети находятся школы, где желающим учиться можно продолжать свое учение[3,с.87.].

Более того, П. К. Услар писал: «Можно сказать, что в Дагестанской области нет почти ни одного селения, в котором при мечети у кадия или муллы не обучалось бы арабскому языку от 3 до 15 и более учеников. Едва ли где-либо в мусульманском населении на всем Кавказе до такой степени развито изучение арабского языка и духовной литературы на этом языке, как в Дагестане» [4,с.7.].

Крупный историк М. Н. Покровский, отнюдь не заинтересованный в восхвалении Дагестана, писал: «Эта груда голых скал была едва ли не самым грамотным местом на Кавказе» [8,с.95.].

В Дагестане с XVII в. существовала своеобразная письменность местных языков на основе арабской графики «Аджам». По данным проф. М. А. Абдуллаева, мусульманская грамотность в Дагестане в XIX веке составляла 22% [8,с.96.].

Основными звеньями конфессиональной системы образования в Дагестане были мектеб и медресе.

Мектеб - это школа низшего типа. Подавляющее большинство исследователей дореволюционного и советского периода придерживались мнения С. Форфоровского о том, что даже при благоприятных условиях, заканчивая курс школы, продолжавшийся около 4-х лет, туземный мальчик приобретает умение механически читать только те книги, по которым он учился, и выводить буквы или списывать с данного оригинала[6,с.159.].

Тогда как на самом деле, дети закончившие мектеб вполне сносно могли использовать арабскую графику, т.е. писать и читать на родных языках, для чего достаточно провести параллель с тем, как проводится обучение Аджаму сегодня.

В целом образование было бесплатным, что же касается различных подношений, вносимых после успешного окончания года, это было делом добровольным (20-30 кг зерном или одного барана или овцу) [6,с.161.].

На значительные успехи духовного образования в Дагестане, указывает наличие до революции широкой сети богоугодных заведений.

Накануне революции в Дагестанской области имелось 1700 мечетей, более 740 мусульманских и 20 горско-еврейских религиозных школ, охватывавших 7,5 тысячи учащихся. Дагестан не без основания считался поставщиком кадров духовенства для всего восточного Кавказа[5,с.7.].

С приходом к власти большевиков в Дагестане, ситуация несколько изменилась. Пропагандируя власть бедных слоев населения, мероприятия проводимые большевиками, имели другую окраску и принимались первоначально не столь враждебно.

Культурное строительство Дагестане развернулось особенно интенсивно, когда в соответствии с решением ЦК РКП (б) 13 ноября 1920 года на чрезвычайном съезде народов была провозглашена Советская автономия Дагестана. Вскоре после этого дагестанская делегация выехала в Москву и была принята В.И.Лениным. По распоряжению В.И.Ленина Дагестану была оказана помощь: отправлена мануфактура, грузовики, типографское оборудование и шрифт. Впоследствии Дж. Коркмасов, вспоминая о приеме Лениным дагестанской делегации, писал: «Вопрос коснулся пропаганды и агитации среди масс и печати. Мы указали, что до сих пор почти единственное средство - это устное слово. Беднота не знает арабского языка, а арабский алфавит без гласных букв не дает возможности пользоваться шрифтом для родных языков.

Приходится пользоваться очень сложной процедурой - писать каллиграфически на бумаге химическими чернилами, потом этот оригинал переводить на камень, а потом уже печатать самым примитивным образом. Хороших литографий нет, а без них

снабжать печатной литературой миллионную массу на шести языках почти невозможно» [5,с.21.].

О состоянии светского образования в Дагестане в соответствующий период можно судить по отчетам заведующих окружными отделами народного образования от 13-17 сентября 1921г.

По Казикумухскому округу. Начавшееся было развиваться с приходом Советской власти дело народного образования было оборвано восстанием в горах, школы в Казикумухе были разрушены, многие работники разошлись, не получая подолгу содержания. В округе было открыто 40 школ для мальчиков (1500 чел.) и 8 для девочек (130 чел.), с общим числом школьных работников 83 чел. Население, весьма доброжелательно встречает начинания отдела, но беда в том, что нет работников. Все школьные работники чрезвычайно низкой квалификации, все это в громадном большинстве случаев невежественные муллы.

Довольно печально обстояло дело внешкольным образованием, открыто было 18 изб читален и 5 библиотек, но вследствие недостатка в необходимой литературе они редели и наконец, закрылись. Подобную же участь испытали и открытые в большом числе школы грамоты для взрослых[5,с.105.].

По Махачкалинскому округу.

Работа происходит в неимоверно трудных условиях: в распоряжении отдела не было ни одного здания, приходилось вести занятия по разным клубам. Разутые, раздетые детишки хворали, процент пропусков громадный. Среди работников просвещения, перегруженных работой, вместо порыва к самопожертвованию, нарастает моральное разложение в правовом отношении[5,с.111.].

Так, в «Отчетной тетради для инструкторов» по Даргинскому округу за 1920/21 учебный год имеется следующая запись о состоянии Буртуни-Махинской школы:

«В школе работают 2 учителя, оба с домашним образованием. Функционирует школа с 25 сентября в составе 1-го отделения. Население очень желает всеобщего обучения. Ожидается всего до 65 человек, кроме девочек... Школьной мебели нет: мальчики сидят на ковре. Пособий нет. Два имеющихся карандаша переходят к учащимся по очереди. Вопрос с продовольствием и с одеждой и обувью особенно остро встанет по отношению тех учеников, которые будут ходить из соседних селений» [4,с.26.].

Имело место и такое положение, когда в некоторых школах учителя не знали, чему и как учить детей, проводили занятия без учета возраста учащихся по 7- 8 часов[4,с.27.].

К тому же школы в большинстве являлись простыми домами, в которых собирались дети где их учили Корану, громадный штат, обслуживающий школы, являлся почти исключительно элементом духовенства, мулл и муталлимов, и этот штат находился на иждивении государства[7,с.154.].

Примечательно, что большинство учителей в 1921г. были с арабским образованием, особенно это было характерно для горных округов[2,с.36.].

Наименование округов	К-во учителей в округе	Образование		
		среднее	низшее	домашнее
Андийский	4	-	1	3
Аварский	7	-	1	6
Гунибский	8	1	7	-

Руководствуясь принципами марксизма на первой Дагестанской конференции РКП (б) по докладу об отделении церкви от государства от 28-30 ноября 1921г принимается резолюция в которой объявлялось: что партийная конференция находит своевременным издание декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви[5,с.116.].

Но несмотря на принятое решение советская власть вплоть до 1924 г. разрешала преподавание Корана в советских школах Дагестана. Фактически первые советские школы были своеобразной переходной формой от религиозных школ к светским. Многие из них мало, чем отличались от старых примечетских школ. В них муллы и кадии обучали детей Корану[7,с.153.].

К тому же количество религиозных школ к началу 1924 года в Дагестане возросло и достигло 200(скорее 2000 Р.Р), в которых обучением детей занималось около 5 000 кадиев и мулл с контингентом до 50 000 учащихся[5,с.25.].

Развитие образовательного процесса по такому сценарию на наш взгляд было связано рядом причин:

1.Отсутствием учебных заведений и специалистов способных обучать грамоте население, кроме духовных лиц.

2.Наличием письменности на арабской графике, которой в основном владело опять же духовенство.

3.Отсутствием на данный момент, какой либо программы действий по осуществлению перехода к светскому образованию.

С 1 сентября 1923г. школы республики содержались за счет госбюджета. Одновременно для укрепления материальной базы школ Дагестана Совет Народных Комиссаров РСФСР выделил Дагестану 2446128 руб.

Несмотря на меры принимаемые государством, формирование советской школы двигалось тяжело, так на 26 января 1925г согласно докладу наркомпроса состояние образования носило следующий характер: «Многоязычие (до 36 основных наречий), отсутствие средств, отсутствие местной интеллигенции в деревне, религиозный фанатизм, патриархально-родовой быт, бедность населения, отсутствие своей культуры, отсутствие пособий, учебников на родных языках и т.д., вот условия, в которых приходится проводить работу по ликвидации неграмотности.

Если к этому добавить малочисленность опорного пункта, культуры, школ для детей I ступени, отсутствие работников по ликвидации неграмотности, не только в аппаратах ОНО, но и в Наркомпросе, то станет вполне ясно, что, до сих пор ликвидация неграмотности в ДАССР еще идет очень слабо» [5,с.173.].

В докладе заведующего отделом народного образования по Махачкалинского райисполкома утверждалось: «На 6 году советской власти существования школы, некоторая часть населения аулов отрицательно относится к нашей школе, можно сказать даже враждебно. Этой частью руководят духовенство и последователи шейхов (мюриды)» [5,с.235.].

В связи, с чем докладчик предлагал:

«Преподавателей медресе обложить определенным денежным налогом.

Выдворить за пределы Дагестана нескольких человек духовных лиц, распространяющих идеи медресе и тормозящих работу светской школы[5,с.237.].

Подобные предложения были не единичны для данного времени, так как представители власти полагали, что иными

средствами решить возникающие периодически проблемы решить нельзя, в следствие чего были приняты инструкции определяющие формы и методы борьбы с медресе, а именно:

1. Преподавание вероучения может производиться только в мечетях.

2. Посещение мечетских школ (медресе) разрешается лицам, достигшие 12-летнего возраста.

Мечетские школы подлежат обязательной регистрации в ОНО. Вся ответственность перед судом за несвоевременную регистрацию падает на преподавателей указанных школ(медресе)» [5,с.239.].

Тем не менее религиозный актив к концу 20-х годов XX века в Дагестане по-прежнему был очень велик, особенно среди них выделялся Али Гаджи Акушинский. По данным Союза воинствующих безбожников к 1930 г. в республике было: мечетей-2000, мулл-2500, муталимов-2000, а также несколько десятков тысяч мюридов во главе с шейхами[8,с.161.].

О влиянии духовенства в регионе и их взаимоотношениях с властями в данный период наглядно показывает следующий пример: Так в 1925 году по инициативе ОкрОНО в с. Леваши были привезены школьные парты для организации советской школы. Узнав об этом, духовенство и кулаки по приказу «божьего старца» (А.Акушинского-Р.Р) выброси все парты в реку. ОкрОНО ничего не оставалось делать, как перебросить парты в другой пункт[4,с.185.].

Если к концу 1920-х годов советская власть еще считалось с духовенством, то вскоре виду того, что духовенство «задерживало» осуществление задач культурной революции, сотрудничество сменилось произволом, иными словами духовенство оказалось на грани уничтожения, часть из них было выселено за пределы Дагестана, а другие вынуждены были скрывается от преследований властей. В тоже время наряду с искоренением духовного образования, наращивало свое развитие светское образование, которое в конечном итоге окончательно утвердилось в регионе по мере укрепления советской власти.

Список литературы

1. Даниялов Г.Д. Строительство социализма в Дагестане (1918-1937). М.: Наука, 1988. — 222 с.
2. Исмаилов А.Р. Ликвидация неграмотности в Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1970. — 135 с.
3. Каймаразов Г.Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала: Дагучпедгиз, 1989. — 183 с.
4. Каймаразов Г.Ш. Культурное строительство в Дагестане. Махачкала: Дагучпедгиз, 1960. — 246 с.
5. Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918-1941. т.1. Сборник документов. Махачкала: Даг. гос. издательство, 1980. — 253 с.
6. Курбаналиев М.Г. Конфессиональное образование в Дагестане. Опыт и задачи исследования. // Тезисы докладов научной сессии. Историческая наука Дагестана : сегодня и завтра. Махачкала, 2003. С.155—164.
7. Омарова М.М. Проблемы сосуществования религиозного светского образования в истории советского Дагестана. // Тезисы докладов научной сессии. Историческая наука Дагестана : сегодня и завтра. Махачкала, 2003. С.150— 156.
8. Рамазанов А.Х. Международные экономические связи и культурное развитие Дагестана в составе России в 19-начале 20 вв. Махачкала: ИПО "Юпитер", 1997. — 246 с.
9. Рудольф Н. План дальнейшего распространения народного образования в Дагестанской области. Тифлис, 1913. — 42 с.

Тахушева И.С.

ВКЛАД И.В. БЕНТКОВСКОГО В НАУЧНОЕ КАВКАЗОВЕДЕНИЕ В ОЦЕНКЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ РОССИИ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»)

В XIX в. периодические издания заслужили исключительное общественное значение. Толстые ежемесячники, откликаясь на существенные явления умственной жизни российского общества, вобрав в себя почти всю оригинальную и переводную беллетри-

стику, отводя важное место критике, обзаведясь солидно поставленным отделом «Науки и искусства» и разнообразно подобранной «Смесью», превратились в чрезвычайно важный фактор социально-политического и культурного развития и сделались средоточием идейной жизни страны.

Столичные демократические органы печати XIX в., в частности «Современник» (1836-1866) и «Отечественные записки» (1818-1884), часто обращались к истории горских народов Кавказа, публиковали статьи о борьбе горского социума против российского правительства. Однако, редколлегия «Отечественных записок» понимала, что сюжеты о простых горцах или пленниках, построенные на изображении конкретного трагического события, не могли дать полной картины того, что происходило на Кавказе в XIX в., и размещала в журнале также отзывы на новые книги, авторами которых были видные военачальники, писатели, ученые и путешественники.

Сотрудники «Отечественных записок» в 1882 г. опубликовали рецензию на издаваемую русским ученым, кавказоведом и этнографом Евгением Дмитриевичем Фелицыным «Памятную книжку Кубанской области» [1]. «Памятные книжки...» печатались при Кубанском областном статистическом комитете с 1873 по 1916 год и являлись официальными провинциальными справочными изданиями в Российской империи. Они позволяли получать информацию о составе и занятиях жителей региона, состоянии природы, экономики, быта, культуры, наблюдать за изменениями, происходившими в области год за годом на протяжении длительного времени.

Однако редакция «Отечественных записок» не была удовлетворена содержанием «Памятной книжки Кубанской области» за 1881 год. Редколлегия считала, что губернские и областные статистические комитеты преследовали, прежде всего, материальные интересы и их публицистическая деятельность носила формальный характер. Руководители статистических комитетов, по словам журнала, не утруждались и перепечатывали бессмысленные сведения из календарных изданий А. Гатцука: «Но, Боже мой, что за винегрет представляет собой содержание этих художных детищ нашей официальной статистики! Здесь есть «таблица для проверки часов»; есть отдел – «как предугадывать погоду»;

есть «народные приметы», месяцеслов, пасхалия; есть чистая бумага «для отметок», метрология, перечисление всех чиновников губернии или области, есть отделы – «о векселях», «о гербовой бумаге» и проч., и проч. Спору нет, все это сведения нужные, полезные; но какое же отношение имеют они к статистике?» [1, с. 84]. Редакция рассматривала эти сведения как «продукт писарской фантазии» и подмечала в них неточности: «Так, например, «Памятная книжка» определяет число жителей Екатеринодара в 27 747 чел., а Майкопа в 24 509, тогда как на деле их несравненно больше. Объясняется этот курьез тем, что большую часть населения поименованных городов составляют пришлые крестьяне, переселенцы из внутренних губерний России, не записанные в «подлежащие книги», а потому и игнорируемые писарской статистикой» [1, с. 84-85].

По мнению «Отечественных записок», резко выделялась среди напечатанного в «Памятной книжке Кубанской области» «хлама» работа И.В. Бентковского «Заселение Черномории с 1792 по 1825 год». Сосланный за участие в польском освободительном восстании 1830 г. на Кавказ, молодой варшавянин полюбил степной край, ставший для него второй родиной. В 1836 г. он был зачислен в Ставропольский казачий полк в чине урядника, в 1842 г. произведен в хорунжие. В 1845 г. назначен заседателем в полковое правление 4-й бригады Кавказского линейного полка, через три года – начальником Михайловской станицы, в 1854 г. произведен в сотники и три года спустя вышел в отставку [2].

В эту пору проявились необычайная эрудиция, разносторонность интересов и высочайшее трудолюбие Бентковского. Он усердно изучал историю колонизации Северного Кавказа, быт калмыков и ногайцев, сельское хозяйство и промышленность региона. Результатом научной деятельности Бентковского стали многочисленные выступления в столичной и местной прессе [3, с. 24].

Статья «Заселение Черномории с 1792 по 1825 год» представляла собой систематический свод разных «отношений», «рапортов», «докладов» и других официальных документов, касающихся истории заселения Черномории. Исключительно официальный характер сообщаемых данных придавал работе некоторую сухость и академичность, но впервые автор в своем исследо-

вании упомянул о трех массовых пополнениях Черноморского казачьего войска из малороссийских губерний, организованных правительством в 1809-1811, 1821-1825 и 1848-1849 гг., о колонизации малороссиянами кавказских земель и основании новых станиц и селений. Такой подход к изучению истории народов Северного Кавказа с воодушевлением был встречен рецензентами, так как все выходявшие к тому времени исследования по истории горцев отличались односторонностью и описывали лишь военные столкновения в регионе.

Вклад И.В. Бентковского в научное кавказоведение действительно впечатляет. За всю свою долгую исследовательскую деятельность польский кавказовед написал около двухсот работ, различных по объему и глубине изучения. Он подготовил труды по этнографии, статистике, краеведению, истории и географии народов Северного Кавказа. Примечательно, что редакция «Отечественных записок» еще при жизни исследователя смогла оценить научную значимость его трудов.

Литература:

1. Памятная книжка Кубанской области. Составил Е.Д. Фелицын. Издание Кубанского статистического комитета. Екатеринодар, 1881 // Отечественные записки. 1882. Т. 290. С. 83-85.
2. Прозрителев Г.Н. Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского, бывшего секретаря Ставропольского статистического комитета. Ставрополь: Типография «Северокавказской газеты», 1908. URL: <http://www.altstav.ru/stv/stv127.php> (дата обращения: 27.09.2017).
3. Ахмадулин Е.В. Региональная печать Дона и Северного Кавказа XIX–начала XX вв. / Е.В. Ахмадулин, А.И. Станько; Южный федеральный университет. Ростов н/Д: Издательство Южного федерального университета, 2014. 372 с.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН В 90-Е ГОДЫ XX В.

В России прогрессирующий рост заболеваемости, инвалидизации, смертности среди различных возрастных групп населения, в том числе участвовавшие случаи суицида, падение рождаемости привели к неблагоприятным демографическим сдвигам. В полной мере все эти процессы затронули большинство российских регионов. Особое значение приобретает демографическая политика, концепции которой необходимо разрабатывать как на федеральном, так и на региональных уровнях, и на этой основе принимать целевые социальные программы.

Охрана здоровья населения охватывает большой спектр следующих проблем, требующих кардинальных решений, в частности, улучшение материального благосостояния людей, обеспечение граждан жильём в соответствии с санитарно-гигиеническими нормативами, улучшение структуры питания различных возрастных групп населения, достижение экологического благополучия в различных административно - территориальных поселениях любого масштаба, коренное изменение в сфере охраны труда, модернизация производства, производимая с учетом санитарно-гигиенических нормативов организации труда и современных производственных технологий, выведение из жилых зон вредных предприятий, минимизация негативного воздействия этих предприятий на окружающую среду, снижение безработицы (устранение скрытой безработицы), смягчение политических и экономических катаклизмов, ставших чуть ли не обыденным, а потому столь устрашающим, явлением [1].

Однако, помимо столь масштабных проблем, существуют первоочередные вопросы, которые требуют безотлагательного решения. Среди них, усиление профилактики заболеваемости и укрепления здоровья различных слоев населения, особенно женщин и детей, мероприятия в противоэпидемической сфере, контроль за состоянием рабочих мест, населенных пунктов, социальных объектов, усиление ответственности предприятий всех форм

собственности, а также физических лиц за загрязнение окружающей среды, повышение уровня подготовки и использования медицинских кадров, развитие отечественной медицинской и фармацевтической промышленности, налаживание системы поэтапного оздоровления и реабилитации детей всех возрастных групп, включая систему школьной медицины и летнего оздоровительного отдыха, обеспечение горячего питания школьников, осуществление программ борьбы с различными формами токсикомании и иными вредными привычками.

Все вышесказанное предполагает разработку и внедрение региональных базовых программ медицинской помощи, наведение порядка в области финансирования учреждений здравоохранения, с учетом разграничения функций бюджетного и страхового финансирования, модернизацию всех типов медицинских и фармацевтических учреждений, и что, особенно важно, демонополизация лечебно-профилактической сети, поощрение открытия больниц, поликлиник, аптек, реабилитационно -оздоровительных центров, санаториев, пансионатов, домов и баз отдыха предприятиями и организациями различных форм собственности, а также физическими лицами на основе федеральной и региональной законодательной базы. При этом необходимо формирование в массовом сознании граждан ответственного отношения к своему здоровью.

Охрана здоровья населения и окружающей среды является одной из составных в области социальной политики. В современной научной литературе состояние общественного здоровья определяется на основе целого комплекса критериев, среди них демографическая ситуация, состояние заболеваемости населения, сети лечебных учреждений, оказывающих медицинскую помощь и санитарно-эпидемиологическая ситуация. Не менее важным, при характеристике состояния общественного здоровья, является экономического критерий, подразумевающий анализ, направляемой на здравоохранение доли расходов от валового внутреннего продукта (ВВП) и структура данных расходов, т.е. установление доли расходов на амбулаторную и стационарную помощь, на профилактические мероприятия и другие мероприятия здравоохранения.

Сложившаяся к концу 90-х гг. в России демографическая ситуация свидетельствует о росте негативных тенденций в её развитии, что отрицательно сказалось на системе российского здравоохранения. В постсоветский период, демографическая ситуация в России характеризуется как крайне неблагоприятная. С 1991 г. наблюдается уменьшение численности населения. К началу 2000 г. численность населения снизилась на 1,9 % и составляла 145,7 млн. чел. Сокращение числа жителей отмечалось в 68 регионах (из 89 субъектов РФ), в которых проживало 105 млн. чел. (72 % населения страны). Депопуляция, обусловленная снижением рождаемости и ростом смертности, стало одной из главных проблем России в 90-е гг. XX в. С 1986 по 1998 гг. рождаемость снизилась практически вдвое, а смертность возросла в 1,4 раза. Показатель естественного прироста населения, державшийся в 1986 г. на уровне +6,8, в 1994 г. был уже резко отрицательным и составлял - 6,1. В 1999 г. смертность населения составила 14,7, рождаемость 8,4, естественная убыль составила 6,3 на 1000 населения.

При этом заметные сдвиги к началу 2000 г. произошли в структуре населения России. Так, численность детей уменьшилась до 19 %, а лиц старше трудоспособного возраста увеличилась до 20,9 %. Число лиц 70 лет и старше увеличилось на 2,3 млн. и составило в 1998 г. 11,8 млн. [2]. Увеличение в структуре населения доли старого и пожилого населения, существенно отражается на росте объема потребления медицинской помощи, поскольку на долю лиц пожилого возраста приходится в 3,5 раза больше амбулаторно-поликлинических посещений и дней госпитализации[3]. По статистическим данным, динамика численности населения трудоспособного возраста в 1991 – 1998 гг. имела тенденцию к росту и составляла соответственно 83,8 и 84,8 млн. чел. Однако, в первую очередь, это связано с миграционным притоком в страну, который в значительной степени и смягчил негативное воздействие на численность и структуру работоспособного населения в сложнейшей медико-демографической ситуации последних лет [4].

Вместе с тем при анализе демографической ситуации в стране нельзя упускать из виду и такой фактор – как отдаленные последствия Великой Отечественной войны. Половозрастной

анализ населения показывает, что в середине 90-х гг. не родились внуки тех, кто сам не родился в годы Второй мировой войны.

Смертность населения от всех причин смерти на 100 тыс. населения в 1990 г. составляла 1119,6, в 1994 г. достигла максимума 1566,9 (или 40 % роста к 1990 г.). Некоторый спад смертности наблюдается к началу 1999 г. – падение до 1364,5 (по сравнению с 1994 г. снижение на 12,9 %), хотя данные за 1999 г. констатируют увеличение смертности как от всех причин, так и по всем определяющим эти причины классам (1466,4; рост к 1998 г. 6,95%). [5]

Другой важный показатель состояния общественного здоровья – это заболеваемость населения. За период 1992 – 1998 гг. общая заболеваемость взрослого населения возросла на 11,1 %, подростков на 38,7 %, детей на 23,9%. При характеристике уровня заболеваемости следует акцентировать внимание на росте хронизации, комплексности и сочетания патологических состояний. С одной стороны, это является последствием долгосрочных закономерностей, действующих на уровне естественнонаучных, неуправляемых тенденций, с соответствующей реструктуризацией заболеваний, а с другой – результат снижения обращаемости населения, прежде всего трудоспособного, за медицинской помощью. Реструктуризация патологии обуславливает использование новых специализированных средств и методов лечения и профилактики, тем самым, повышая стоимость лечебно-реабилитационных и других медицинских услуг, и формируя определенные сложности в функционировании и финансировании системы лечебно-профилактической помощи. [6]

В целом, распространенность заболеваний свидетельствует о том, что в среднем хроническое заболевание имеет каждый взрослый житель страны, а каждый ребенок имеет 1,5 заболевания (в 1997 г. на 100 тыс. взрослого населения приходилось 107498,3 заболеваний, а на 100 тыс. детей – 153127,1). [7]

В структуре общей заболеваемости, первое место занимали болезни органов дыхания, затем системы кровообращения, нервной системы и органов чувств, органов пищеварения и костно-мышечной и соединительной ткани. Одной из самых распространенных причин смертности являются болезни системы кровообращения (доля умерших в 1999 г. 55,0 %), на второй позиции рас-

полагаются злокачественные образования (доля умерших 14,7%), а на третьем травмы и отравления (доля умерших 13,8 %). Для сравнения в период с 1993 по 1996 гг. травмы и отравления как причины смерти занимали второе место. [8]

В 1999 г. исследователи констатируют повышение смертности от стрессогенно-обусловленных причин, в том числе по причине гипертонической болезни в 1,7 раза, ишемической болезни сердца на 8,5 %. В то же время смертность от транспортных происшествий выросла на 12,3 %, суицидов на 10,5 %, убийств на 12,6 % [9].

На фоне этих процессов особую тревогу вызывает распространение и увеличение смертельных исходов от туберкулеза, та за неполные десять лет (1990 – 2000 гг.) количество умерших от туберкулеза выросла с 7,9 до 20,0 на 100 тыс. населения. Не менее болезненным является увеличение смертности среди лиц трудоспособного возраста. За этот же период он вырос более чем на 100 тыс. чел. и составлял свыше 520 тыс. чел. в год [10]. При этом констатировали «сверхсмертность» среди мужчин, что обусловило существенный разрыв в средней продолжительности жизни между мужчинами и женщинами.

Общепризнанным критерием социального благополучия общества является показатель младенческой смертности. Его значение в России, в рассматриваемый период, был в 2-4 раза выше, чем в экономически развитых странах. При этом довольно высоким был уровень материнской смертности. Так ежегодно в результате осложнений беременности, родов и послеродового периода в России умирало 560-650 женщин. По сравнению с экономически развитыми странами мира, данный показатель в России был в 5 –10 раз выше. [11]

Актуальной проблемой для современного российского общества является невиданный размах роста наркомании и токсикомании. Причем широкое распространение они получили, что вызывает особую тревогу, среди подрастающего поколения. Реалии довольно сильно отличаются от официально зарегистрированных данных.

В рассматриваемый период, имелась ярко выраженная тенденция к росту общей заболеваемости среди подростков по всем классам болезней, особенно по заболеваниям костно-мышечной

системы, эндокринной системы, болезней крови и кроветворных органов, новообразований и врожденных аномалий развития. В марте 1987 г., когда в России был выявлен первый больной СПИДом, то в 1999 г. уже было зарегистрировано 15936 случаев ВИЧ-инфекции, что в три раза больше, чем в 1998 г. [12]

Анализ статистических показателей, характеризующих заболеваемость населения, позволяет утверждать, что к концу XX столетия Россия оказалась далеко в стороне от показателей здоровья населения, характерных для экономически развитых стран.

Влияние состояния санитарно-эпидемиологического благополучия населения обусловлено тем, что более двух третей населения России живет в условиях загрязнения атмосферного воздуха, некачественной питьевой воды, необратимых процессов деградации природной среды. Налицо очевидное влияние неблагоприятных условий обитания на состояние здоровья большинства населения России. Такая ситуация усугубляет и без того достаточно напряженную обстановку, связанную с уровнем заболеваемости и смертности населения Российской Федерации.

Еще одним фактором, влияющим на состояние общественного здоровья, является состояние ресурсов здравоохранения наличие необходимой сети лечебных учреждений и их деятельность. В 1998 г. в системе Министерства здравоохранения функционировало 10450 больничных учреждения: 9350 больниц (из них 5696 в сельской местности) и 1100 диспансеров, имеющих стационары. В указанных учреждениях было развернуто более 1,6 млн. коек. Обеспеченность больничными койками составляет 113,3 на 10 тыс. населения. [13]

В 1998 г. первичная медицинская помощь оказывалась 6250 самостоятельными амбулаторно-поликлиническими учреждениями. Среди них 1708 поликлиник (в том числе 591 детская), 4207 амбулаторий (из них 3986 в сельской местности), 54 хозрасчетных поликлиник и амбулаторий, 48 консультативно диагностических центров (в том числе 12 детских), 71 центр по профилактике и борьбе со СПИДом. Стоматологическая помощь оказывают в 942 самостоятельных стоматологических поликлиниках (в том числе 32 хозрасчетных). Помимо этого, в структуру первичной медицинской помощи входят 3135 станций и отделений скорой медицинской помощи, 570 врачебных, 9264 фельдшер-

ских здравпункта, 42669 фельдшерско-акушерских пунктов. Среднее число посещений на 1 жителя (включая обращения к врачам станций и отделений скорой медицинской помощи) в 1998 г. составило 9,05 (в 1997 г. – 9,1). [14]

В системе здравоохранения существовали проблемы, которые можно условно классифицировать на:

1. медицинские проблемы;
2. организационно-управленческие проблемы.

На каждой из них, представляется необходимым подробно остановиться.

1. Медицинские проблемы. Они включают в себя смертность (сердечно-сосудистые заболевания, новообразования, травмы), смертность в трудоспособных возрастах (травмы, ССЗ, новообразования), рост инфекционных заболеваний и смертность от них, заболеваемость новорожденных (рост за 10 лет в 3,7 раза), здоровье школьников (40 % от числа осмотренных страдают хроническими заболеваниями, 50 % морфо-функциональными отклонениями (предболезнь) и только 10 % подростков можно назвать здоровыми), школьницы-подростки (частота хронических заболеваний у школьниц в 60-е гг. составляла 40% и в последующие годы только увеличивалась: 80-е гг. – 44%, в 90-е гг. – 75%), рост средних показателей заболеваемости туберкулезом, увеличение количества больных венерическими заболеваниями и рост ВИЧ-инфицированных, наркомания. [15]

2. Организационно-управленческие проблемы. Решение вопросов организации эффективного и своевременного оказания необходимой медицинской помощи предполагает, в первую очередь, формирование нормативно-правовой базы здравоохранения. Так на государственном уровне приняты законодательные акты, направленные на улучшение ситуации и среди них следует отметить законы «О национальном здравоохранении», «О государственной системе здравоохранения», «О частной системе здравоохранения», «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «О медицинском страховании граждан в РФ». Иными словами, наблюдается перевод со стационаров на амбулаторно-поликлиническое звено оказания медицинской помощи. [16]

Литература

[1] Волгин Н.А., Карпухин Д.Н. и др. Социальная политика и проблемы ее реализации // Социально-трудовая сфера России в переходный период: реалии и перспективы. М., 1996. С. 177.

[2] Об итогах хода реформ и задачах по развитию здравоохранения и медицинской науки в Российской Федерации на 2000 – 2004 годы и на период до 2010 года». Москва, 15 марта 2000 года.

[3] Вялков А. К., Щепин В. О., Тищук Е. А., Проклова Т. Н. Лечебно-профилактические учреждения федерального подчинения: анализ и оценка деятельности. // Под ред. О.П. Щепина. М., 2000. С. 10 – 11.

[4] Там же.

[5] Стародубов В.И. Таранов А.М. и др. Актуальные вопросы организации здравоохранения и обязательного медицинского страхования в современных социально-экономических условиях М.: Федеральный фонд ОМС, 1999. С. 120.

[6] Там же. С. 128.

[7] Поляков И. В., Петухова В. В., Андреева Е. Н. История вопроса: медицинское страхование и обоснование выбора путей развития здравоохранения в России // Медицинское страхование. 1995. № 2. С. 3 – 8.

[8] Пискунов В. А. О смене парадигм в медицине и здравоохранении. //Здравоохранение Российской Федерации. 1994. № 1. С. 165.

[9] Финченко А. Ф., Денисов В. И. Обязательное медицинское страхование в системе национального здравоохранения России. //Здравоохранение Российской Федерации. № 10. 1993. С. 99.

[10] Кравченко Н. А., Кузьмин К. К. Социальная защита личности в условиях формирования новых экономических отношений. //Здравоохранение Российской Федерации. № 11. 1993. С. 69.

[11] Там же.

[11] Кучеренко В. З., Денисов В. Н., Финченко Е. А. и др. Введение в медицинское страхование. В 2 т. Новосибирск, 1995. Т. 1. С. 43.

[12] Поляков И. В., Петухова В. В., Андреева Е. Н. Указ. работа. С. 3 – 8.

[13] Там же.

[14] Филиппов Ф. Р. Адаптация / Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 939.

[15] Галкин Е.Б. Здравоохранение и социальное воспроизводство // Социологические исследования. 1995. № 12. С. 91.

[16] Малахова Н. Г. Рынок услуг здравоохранения // Социологические исследования. 1995. № 12. С. 76.

Шахбанова М.М.

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ ДАГЕСТАНСКИХ НАРОДОВ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

Постановка вопроса и эмпирическая база исследования

Исследователи подчеркивают, что последствия современных политических, экономических и социальных трансформаций понижают градус неопределенности культурных и этнических идентичностей, которые все чаще и в большей степени содержат «примеси» классических религиозностей. Это проявляется в том, что «люди стремятся демонстрировать принадлежность к корневым религиозным традициям своих социумов или этнических групп, причем к собственно религиозной вере это может и не иметь никакого отношения»¹⁶⁷.

В настоящее время не менее важным в российском обществе является определение численности идентифицирующих себя с определенной религией (православие, ислам, католицизм, протестантизм и т.д.), не говоря о национальных и других восточных религиозных течениях и сектах, которые получили широкое распространение на постсоветском пространстве. Отсутствие в переписи населения данных об отношении к религии вынуждает исследователей оперировать результатами социологических опросов. Например, по данным Фонда «Общественное мнение» (2000 г.) доля православных христиан в России составляла 58 %, доля прочих христиан – 2 %, мусульман – 5 %, последователей

¹⁶⁷ Каргина И.Г. Ключевые тренды в изучении современных проявлений религиозности // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 112.

других религий – 1 %, неверующих – 31 %. По мнению исследователей, в начале 80-х гг. XX столетия религиозность населения в РСФСР определялась на уровне 25 %. Сегодня на этом же уровне измеряется нерелигиозность, т.е. за короткий срок количественные показатели религиозности и нерелигиозности населения поменялись местами. По данным ВЦИОМ и Фонда «Общественное мнение», доля неверующих россиян сократилась в период с 1989 г. по 2002 гг. с 53 % до 31 %. По данным Отдела стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН, доля неверующих снизилась в 1999 – 2005 гг. с 31 % до 22 % (см. табл. 1)¹⁶⁸.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «**Верите ли Вы в Бога, и если да, то к какому вероисповеданию себя относите?**» (РФ, 1989 – 2002 гг. % от числа опрошенных)

Отнесли себя к	1989	1990	1991	1992	1997	2000	2002
неверующим	53	45	40	28	35	31	31
православным	20	25	34	47	54	56	58
верующим	9	13	10	10	7	8	7
Затруднились ответить	18	17	16	15	3	5	4

Увеличение степени религиозности уточняется понятием «о номинальности религиозных ориентаций людей», называющих себя верующими, которое подтверждается тем, что «доля воцерковленных людей значительно меньше, чем доля религиозного населения. Но, во-первых, доля "церковного народа" составляет не 5 – 7 %, как утверждается во многих исследованиях, а 29 %. Во-вторых, качественные изменения идут вслед за количественными и осуществляются медленно»¹⁶⁹. При этом «уровень рели-

¹⁶⁸ Чеснокова В.Ф. Тесным путем. М., 2005. С. 8.

¹⁶⁹ Локосов В.В., Синелина Ю.Ю. Взаимосвязь религиозных и политических ориентаций православных россиян // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М.П. Мchedлов. М., 2008. С. 137.

гиозности "использовал" экстенсивный потенциал роста и приближается к своей естественной границе, которая примерно находится на отметке 80 %. Далее начинается экстенсивный рост – воцерковление населения, которое тоже имеет свои ограничения»¹⁷⁰. Вместе с тем в России существует опасность политизации межрелигиозных отношений и характерное для исламских республик распространение радикальных течений является угрозой сохранению межнациональной, религиозной, политической и социальной стабильности.

При изучении отношения к религии исследователи, подчеркивают важность применения критерия культурной религиозности, по которому, например, дагестанские народы являются приверженцами мусульманской религии, без подразделения их на суннитов и шиитов, не говоря о мазхабах. На тесную связь этнического и религиозного компонентов в идентификационных процессах обращает внимание А. Малашенко: «влияние ислама на формирование идентичности кавказцев в 90-е гг. возросло. В наибольшей степени это характерно для чеченцев, ингушей, этносов Дагестана, а также карачаевцев и балкарцев. В Дагестане число тех, кто считает себя верующим, в постсоветский период колебалось в пределах от 81 % до 95 %»¹⁷¹. Иными словами, отечественной науке характерно рассматривать религию как существенный элемент культурного наследия и из такого подхода необходимо вытекает понимание религии как неотъемлемого компонента в процессах воспроизводства этнической идентичности. Поэтому в иерархии этнообъединяющих маркеров «религиозная самоидентификация выступает устойчивым элементом построения этнической идентичности, вносит существенный вклад в формирование чувства "мы". Общая вера является значимым символом этногрупповой солидарности». Однако, несмотря на то, что религия не выполняет роль ведущего этноинтегрирующего и этнодифференцирующего маркера, ее значимость в процессах становления этнической идентичности довольно высока.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001. С. 62.

Исходя из роста исламского компонента в процессах этнокультурной идентификации мусульманских народов Северного Кавказа, А.В. Малащенко выделяет несколько ее уровней. На *первом уровне* («личностном») важным является вера во Всевышнего, хотя «получить объективные сведения на сей счет непросто даже при социологических опросах. Свидетельством в пользу роста религиозности служит то, что она всегда усиливается при обострении ситуации в обществе, во время войны, т.е. тогда, когда человек нуждается в дополнительной защите, в покровительстве высшей силы, которая дает ему душевный покой и апелляция к которой способна оправдать многие, в том числе спорные с точки зрения общественной морали поступки». *Второй уровень*, на котором реализуется влияние ислама на северокавказскую идентичность, – традиционно-обрядовый. Здесь степень приобщенности к исламу определяется регулярностью совершения обрядов, соблюдением исламских нормативов поведения, в том числе разного рода запретов. По данным на 1995 г., среди кавказских мусульман наибольшее значение соблюдению обрядности придают даргинцы (43 %), чеченцы (36 %), аварцы (34 %) и ингуши (28 %) ¹⁷².

При рассмотрении типов социальной идентичности возникает вопрос о соотношении, входящих в ее структуру, разных типов идентичности. По мнению П.И. Пучкова, «этнические и конфессиональные общности – два разных вида социальных общностей людей. Нередко они функционируют на одном территориальном пространстве и представлены в одной совокупности людей. При этом границы между этими видами общностей иногда причудливо пересекаются между собой» ¹⁷³.

В связи с вышесказанным, в рамках данной статьи для нас интерес представляет процесс взаимного влияния, вернее, значимость этнической и религиозной идентичностей в массовом сознании дагестанских народов, выявление существующей между ними связи.

¹⁷² Там же. С. 63.

¹⁷³ Пучков П. И. Соотношение этнического и конфессионального в России // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах). М., 2008. С. 110.

Характеристика выборки социологического исследования. Социологический опрос по изучению религиозной идентичности и религиозного поведения дагестанских народов проведено в 2014 г. в Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Кизилюртовском, Хасавюртовском районах, гг. Дербент, Кизляр, Кизилюрт, Махачкала, Хасавюрт. N – 904.

Уже было отмечено, что религия, как неотъемлемая часть традиционного культурного наследия, является значимым элементом этнической идентичности. На взгляд автора, не совсем правильным является рассмотрение актуализации мусульманской идентичности не как возрастающей религиозной активности населения и его возврат к мусульманской вере, а скорее как повышение потребности в устойчивых культурно-цивилизованных характеристиках в жизни индивида и общества¹⁷⁴. Мы придерживаемся позиции, что наряду с такими критериями этнической принадлежности как «язык», «культура», «обычаи и обряды», «территория (родная земля, природа)», религиозная самоидентификация выступает устойчивым элементом построения этнической идентичности и играет важную роль в процессах формирования этногрупповой солидарности. По мнению Л.С. Васильева, уже на самых ранних этапах развития общества в феномене этноцентризма наиболее наглядно проявилась интегрирующая функция религии: «любая этническая общность, объединенная системой единых верований, ритуалов, обрядов и мифов, считала именно свою систему норм эталоном, отклонение от которого в рамках данной общности считалось недопустимым, а в других общностях – достойным осуждения»¹⁷⁵.

В нашем социологическом исследовании респондентам был задан вопрос, позволяющий определить индикаторы воспроизводства этнической идентичности и место маркера «религия» в иерархии этноопределителей (см. табл. 2).

¹⁷⁴ Российская повседневность в условиях кризиса. М., 2009. С. 134.

¹⁷⁵ Васильев Л. С. История религий Востока. М., 1983. С. 5.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «**Какие признаки объединяют Вас с представителями Вашего народа?**» (варианты ответов даны по группам верующих в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Отношение к религии	Убеденно верующий	Верующий	Колеблющийся	Неверующий	Убеденно неверующий	Всего:
Национальный язык	66,4	66,3	56,3	47,6	50,0	65,2
Национальные традиции и обычаи	64,9	73,8	56,3	47,6	25,0	68,5
Совместная жизнь на определенной территории	43,8	41,4	29,2	33,3	25,0	41,4
Религия	58,6	54,6	37,5	28,6	0	54,3
Национальная литература, народное творчество, национальная музыка	23,8	29,5	35,4	42,9	0	27,8
Национальная одежда, жилище, быт	14,9	12,8	2,1	9,5	25,0	13,0
Историческая территория моего народа	27,4	25,6	27,1	9,5	25,0	26,0
Общность характера, схожесть поведения	24,1	27,3	22,9	23,8	25,0	25,7
Историческое прошлое	30,1	31,7	35,4	19,0	50,0	31,1
Ничего не объединяет	0,9	1,8	6,3	9,5	0	1,9

Приведенные в таблице результаты опроса показывают, что для подмассива убежденно верующих и верующих маркер «религия» имеет большое значение, в то время как в других подгруппах ее важность заметно ниже. В то же время можно констатировать, что независимо от религиозных убеждений респондентов,

так называемые этнические признаки доминируют над индикатором «религия». При этом доля выбравших суждение «ничего не объединяет», относительно больше в подгруппах «колеблющихся» и «неверующих». Таким образом, для опрошенных дагестанских народов важнейшими этноинтегрирующими маркерами являются этнические признаки и тип религиозности не влияет на выбор того или иного индикатора, несмотря, например, отсутствие в исламском вероучении дефиниции «этнос», при значимости понятия «умма», основанное именно на конфессиональной принадлежности человека.

Установление компонентов воспроизводства этнической идентичности предполагает выявление соотношения типов социальной идентичности и их выраженность в массовом сознании дагестанских народов (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Представителем своего народа	Представителем дагестанского народа	Россиянином	Представителем Кавказа	Представителем своей религии (ислама, православия и т.д.)
Аварцы	16,4	26,9	33,0	4,6	20,4
Азербайджанцы	21,7	33,3	31,7	10,0	5,0
Даргинцы	19,5	37,7	19,5	5,2	18,2
Кумыки	14,8	44,3	18,0	6,6	14,8
Лакцы	22,2	33,3	22,2	11,1	18,5
Лезгины	16,8	32,8	30,7	10,2	12,4
Русские	24,1	24,1	48,1	5,6	3,7
Чеченцы	16,2	18,9	29,7	13,5	18,9
Другие	16,4	42,5	24,7	12,3	9,6
Всего:	18,0	31,1	31,1	7,3	14,6

По всей совокупности опрошенных, равные позиции имеют суждения «представителем дагестанского народа» и «россиянином»; также можно заметить укрепление позиций этнической идентичности. В то же время религиозная идентичность, «осознание себя представителем своей религии», занимает последнее место, пропустив вперед другие типы социальной идентичности. Практически все опрошенные последовательны в своих позициях – подчеркнув важность маркера «религия» как этноопределителя, они, хотя и не столь ярко, самоидентифицируются как последователи определенного вероучения. Из общего массива выделяются респонденты-азербайджанцы: каждый второй из опрошенных выделил «религию» как этноинтегрирующий маркер, однако среди них меньше всего осознающих себя «представителем своей религии», хотя доля «убежденно верующих» и «верующих» среди азербайджанцев довольно высока – 38,3 % и 48,3 %, соответственно, более того, позицию «неверующие» и «убежденно неверующие» не отметил ни один из опрошенных азербайджанцев. Аналогичное респондентам-азербайджанцам противоречивое поведение демонстрируют опрошенные русские, у которых по значимости маркер «религия» в иерархии этнопризнаков занимает четвертое место, но осознает себя «представителем своей религии» статистически незначимая доля.

Далее степень выраженности типов социальной идентичности показывает заданный респондентам «контрольный вопрос» (см. табл. 4).

Полученные на вопрос «С какими группами Вы в наибольшей степени испытываете чувство общности?» результаты показывают совершенно иное поведение опрошенных. Если в вопросе «Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан?» в массовом сознании дагестанских народов, в равной степени, проявились республиканская и национально-гражданская типы идентичности, то чувство общности опрошенные ощущают с «представителями всех дагестанских народов» и данный фактор, с заметным отрывом, доминирует над другими; на второй позиции располагается чувство общности «с людьми моей религии» и на третьей – «с представителями своего народа»,

отодвинув на четвертое место ощущение чувства общности «с россиянами».

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «С какими группами Вы в наибольшей степени испытываете чувство общности?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Националь- сти	С представителя- ми своего народа	С представителя- ми всех дагестан- цев	С россиянами	С людьми моей религии	С людьми одного возраста со мной	С людьми близ- кими мне по по-	С людьми моей профессии	Ни с кем из пере- численных групп
Аварцы	25,0	37,0	25,3	42,3	9,3	5,6	12,0	0,6
Азербайджанцы	35,0	51,7	26,7	5,0	8,3	1,7	5,0	8,3
Даргинцы	26,0	49,4	20,8	29,9	11,7	6,5	6,5	1,3
Кумыки	26,2	59,0	13,1	14,8	4,9	4,9	4,9	1,6
Лакцы	25,9	63,0	14,8	25,9	14,8	0	14,8	0
Лезгины	30,7	51,1	28,5	19,7	13,1	8,8	2,9	1,5
Русские	27,8	37,0	22,2	10,2	30,6	13,0	20,4	2,8
Чеченцы	16,2	32,4	29,7	27,0	2,7	8,1	10,8	0
Другие	23,3	50,7	23,3	23,3	19,2	4,1	0	4,1
Всего:	26,5	44,4	24,0	28,1	13,6	6,5	9,3	1,6

Выделяются респонденты-аварцы, поставившие на первое место важность чувства общности «с представителями своей религии», у даргинцев на втором, у чеченцев – на третьем месте. Последовательны в своих позициях опрошенные азербайджанцы и русские, у которых чувство общности «с людьми своей религии» находится на невысоком уровне и, если можно так сказать, ее идентификационный «вес» заметно ниже, по сравнению с другими типами социальной идентичности. В отличие от носителей мусульманской религии, для православных важным является поколенческая идентичность, в форме осознания общности с людьми одного с ними возраста, также среди них выше доля отметив-

ших сопричастность с людьми одной профессии и близких им по политическим взглядам. По сравнению с православными, в идентификационных процессах мусульман чувства поколенческой, профессиональной и политической общности оказываются практически неважными – 11,3 %, 7,8 % и 5,7 %, соответственно. Далее каждый четвертый опрошенный, исповедующий ислам и православие, подчеркивает значимость этнической идентичности; среди мусульман, по сравнению с православными (10,2 %), в три раза больше осознающих свою сопричастность с представителями своей религии (30,5 %). Таким образом, можно сделать вывод о наличии у опрошенных дагестанцев глубоких расхождений при выборе оснований в определении типа социальной идентичности и чувства общности.

В разрезе отношения к религии подгруппа убежденно верующих, как и следовало ожидать, подчеркивают свою общность «с людьми своей религии» (42,3 %), в отличие от подмассива верующих, колеблющихся, неверующих и убежденно неверующих, для которых важнее чувство общности «с представителями всех дагестанских народов» – 49,8 %, 47,9 %, 42,9 % и 25,0 %, соответственно. При этом, по сравнению с другими подгруппами, большей части колеблющихся (29,2 %) и неверующих (38,1 %) характерна демонстрация национально-государственной идентичности через ощущение общности «с россиянами».

Безусловно, исторически сложившееся переплетение религиозной и этнической принадлежности следует учитывать при анализе отношения дагестанцев к национальным проблемам, поэтому в ходе исследования религиозной идентичности была поставлена задача определить статусы (значимость/незначимость) религиозной и национальной принадлежности и их соотношение в массовом сознании дагестанских народов (см. табл. 5).

Результаты опроса показывают характерную опрошенным дагестанцам «двойственную» или «множественную» идентичность, т.е. желание одновременно демонстрировать важность «национальной и религиозной принадлежности».

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «**Какое из суждений для Вас важнее?**» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Для меня очень важна только моя религиозная принадлежность	Для меня очень важна только моя национальная принадлежность	Для меня очень важны моя религиозная и национальная принадлежности	Для меня вообще не важны моя религиозная и национальная принадлежности
Аварцы	19,4	3,1	62,7	7,1
Азербайджанцы	20,0	10,0	48,3	13,3
Даргинцы	16,9	7,8	63,6	6,5
Кумыки	11,5	6,6	68,9	8,2
Лакцы	14,8	14,8	51,9	18,5
Лезгины	24,1	5,8	52,6	12,4
Русские	9,3	9,3	31,5	38,0
Чеченцы	37,8	5,4	40,5	8,1
Другие	19,2	5,5	54,8	9,6
Всего:	18,8	6,0	55,1	12,6

Больше половины опрошенных по всему массиву, а также среди аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев и лезгин подчеркивает, что для них «очень важны религиозная и национальная принадлежности». По сравнению с другими опрошенными, разделяющих это суждение, относительно меньше среди русских, причем каждый третий из них с небольшой разницей подчеркивает противоречивые позиции: «для меня очень важны мои религиозная и национальная принадлежности» и «для меня вообще не важны мои религиозная и национальная принадлежности». Доля, отметивших суждение «для меня очень важна только моя национальная принадлежность» меньше всего среди опрошенных аварцев и чеченцев. Таким образом, сравнение полученных результатов по двум вопросам «С какими группами Вы в наибольшей степени испытываете чувство общности?» и «Какое из суждений

для Вас важнее?» показывает существующую в массовом сознании опрошенных противоречивость: с одной стороны, наблюдается актуализация этнической идентичности дагестанских народов, важность осознания чувства общности с представителями своего народа, с другой, они подчеркивают незначимость конкретно национальной принадлежности, при превалировании позиции «для меня очень важны мои религиозная и национальная принадлежности», сопровождающийся тесной связью между этими двумя типами социальной идентичности. Иными словами, наше исследование демонстрирует яркое проявление этноконфессиональной идентичности у дагестанских народов. Исторически российским народам, в нашем случае дагестанским, характерно демонстрировать, вернее, отождествлять эти два фактора – национальный и конфессиональный: «часто на уровне обыденного сознания, понятие "мусульманин" приобретает не только религиозное, но и этническое содержание»¹⁷⁶. Акцент на значимости своей национальной принадлежности делает статистически небольшая группа опрошенных среди убежденно верующих (5,4 %) и верующих (4,6 %); доля подчеркивающих важность этнической принадлежности среди колеблющихся и неверующих почти в 2 – 4 раза выше – 10,4 % и 19,0 %, соответственно.

Заметны расхождения между суждениями о важности национальной и религиозной принадлежности в разрезе отношения к религии. Подгруппы убежденно верующих (56,3 %) и верующих (59,7 %) подчеркивают важность «религиозной и национальной принадлежности», в отличие от колеблющихся (39,6 %), неверующих (47,6 %) и убежденно неверующих (100 %) придерживающихся позиции «для меня вообще не важны мои религиозная и национальная принадлежности». Подгруппы мусульман (58,3 %) и православных (31,5 %) отмечают важность «национальной и религиозной принадлежности», хотя каждый пятый опрошенный среди мусульман подчеркивает важность только «религиозной принадлежности», а таковых среди православных каждый одиннадцатый опрошенный.

¹⁷⁶ Курбанов М.Р., Курбанов Г.М. Религия в культуре народов Дагестана. Махачкала, 1996. С. 60.

С целью более глубокого изучения значимости религиозной идентичности респондентам был задан «контрольный вопрос» (см. табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «**В какой степени для Вас важна Ваша религиозная принадлежность?**» (*варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных*)

Варианты ответов // Национальности	Для меня очень важна моя религиозная принадлежность	Для меня не очень важна моя религиозная принадлежность	Для меня совсем не важна моя религиозная принадлежность
Аварцы	71,9	6,5	1,5
Азербайджанцы	46,7	21,7	1,7
Даргинцы	58,4	11,7	3,9
Кумыки	67,2	14,8	1,6
Лакцы	59,3	25,9	0
Лезгины	51,1	17,5	2,9
Русские	29,6	24,1	22,2
Чеченцы	62,2	5,4	0
Другие	57,5	17,8	2,7
Всего:	58,6	13,7	4,4

Конкретизация вопроса показывает изменение в суждениях респондентов: если в вопросе «Какое из суждений для Вас важнее?» опрошенным характерна демонстрация «двойственной идентичности», можно сказать этноконфессиональной идентичности, («для меня очень важны мои религиозная и национальная принадлежности»), то результаты ответов на второй вопрос показывают, что больше половины опрошенных очень важна «религиозная принадлежность», причем наблюдается рост значимости конфессиональной самоидентификации даже в тех подгруппах, которые не выделяли маркер «религия» в качестве этноинтегрирующего компонента, не осознавали себя «представителем своей

религии» и не испытывали чувство общности «с представителями своей религии».

В разрезе отношения к религии, подгруппы убежденно верующих (70,8 %) и верующих (57,5 %) подчеркивают важность своей религиозной принадлежности, в то время как подмассив колеблющихся (41,7 %) и неверующих (38,1 %) последовательны в своих позициях и подчеркивают незначимость для себя религиозной принадлежности; подгруппе убежденно неверующих (75,0 %) ближе суждение «для меня совсем не важна моя религиозная принадлежность». Респонденты, исповедующие мусульманство, подчеркивают важность «религиозной принадлежности» (62,6 %), а среди православных доля таковых в 2 раза меньше (29,6 %). Надо отметить, что в позициях православных наблюдается «размытость» в определении статуса (важности/неважности) религиозной принадлежности: так каждый четвертый опрошенный (24,1 %) придерживается суждения «для меня не очень важна моя религиозная принадлежность» и каждый пятый (22,2 %) «для меня совсем не важна моя религиозная принадлежность». По совокупности суждений – «для меня не очень важна моя религиозная принадлежность» и «для меня совсем не важна моя религиозная принадлежность» – в общественном сознании православных превалируют над позицией о значимости конфессиональной принадлежности, причем доля разделяющих вышеприведенные суждения, по сравнению с православными, среди мусульман значительно меньше – 12,3 % и 2,0 %, соответственно.

Не менее важным в ходе исследования является выявление существующих в массовом сознании тенденций относительно самоидентификации с конкретной религией и степенью религиозности, поэтому в ходе анализа были сопоставлены между собой вопросы (см. табл. 7).

Сравнение результатов вопросов «Вы верите в Бога?» и «К какой религии Вы себя относите?» показывает, что доля самоидентифицирующихся с «исламом» и «православием» с верой «в Аллаха (Бога), создавшего мир и управляющего им» превалирует, однако в массовом сознании ассоциирующих себя с православием имеет место и другая позиция – «я верю не в Аллаха (Бога), а в другие сверхъестественные и мистические силы». Последовательны в своих позициях атеисты, подчеркивающие свою нерели-

гиозность, соответственно, не относят себя к какой-либо конкретной религии.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Вы верите в Бога?» и «К какой религии Вы себя относите?» (%)

Варианты ответов	Я верю в Аллаха (Бога), создавшего мир и управляющего им	Я верю не в Аллаха (Бога), а в другие сверхъестественные и мистические силы	Я допускаю существование Аллаха (Бога) или некоей сверхъестественной силы, но не убежден в этом	Я не верю в Аллаха (Бога), я атеист
Я отношу себя к исламу	97,0	0,8	1,5	0,1
Я отношу себя к православию	67,5	1,2	31,3	0
В Аллаха (Бога) верю, но не исповедую конкретную религию	60,6	3,0	33,3	0
Я себя ни к какой религии не отношу, я атеист	7,1	0	14,3	64,3
Всего:	91,2	0,9	6,0	1,2

Далее, при большей доле опрошенных русских ассоциирующих себя с последователями православия, среди них, по сравнению с носителями ислама, меньше всего определивших себя как «убежденно верующие». В этой связи можно допустить предположение, что опрошенным русским характерно обозначение своей сопричастности с православной культурой и демонстрация культурной самоидентификации, однако такой вывод не в полной мере будет соответствовать реальности, хотя бы потому, что возникает проблема их причисления к определенной группе по типу религиозности. Например, к какой категории относить людей, которые в зрелом возрасте принимают крещение, венчаются, в дни крупных православных праздников принимают

участие в богослужениях и в то же время о них нельзя сказать, что они ориентированы на поддержание активного культового поведения. Если вернуться к вопросу о культурной самоидентификации, то в ответах на вопрос «Согласны ли Вы с суждением – "религия моего народа есть составная часть культуры моего народа"?» каждый второй опрошенный среди русских дал утвердительный ответ, в то же время каждый четвертый опрошенный не считает православие составной частью культуры своего народа. Можно сказать, что на первый взгляд складывается впечатление, что респонденты-русские демонстрируют несоответствие между самоидентификацией с конкретной религией и уровнем религиозности, однако пассивное культовое поведение опрошенных русских не является основанием для вывода, что у них невысокое проявление религиозности. Иными словами, в настоящее время наблюдается как рост, так и уменьшение количества верующих, сопровождающийся их самоидентификацией с определенной религией – исламом или православием. Однако эти процессы не свидетельствуют о коренных и качественных сдвигах в мировоззрении: опрошенным характерно отождествлять себя с определенной религией, но при этом уровень выраженности их религиозности не совпадает с исповедуемой ими религией. Поэтому возникает вопрос «Можно ли считать всех, кто обозначил свою конфессиональную принадлежность, реальными приверженцами конкретной религии?». В частности, в социологическом сообществе сформировалось устойчивое представление о том, что конфессиональная идентичность «православные» в том виде, как она сложилась в настоящее время, оказывается значительно шире, чем собственно религиозная идентичность «верующие»¹⁷⁷. Про-

¹⁷⁷ См.: Синелина Ю.Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. 2001. № 7; Чеснокова В.Ф. Тесным путем. М., 2005; Возьмитель А.А. Социология религии и образ жизни // Социологические исследования. 2007. № 2; Зоркая Н. Православие в безрелигиозном обществе // Вестник общественного мнения. 2009. № 2; Загирова Э.М. Роль религиозного компонента в семейно-брачных установках дагестанских народов // Сборник статей по материалам VII Всероссийской научно-практической конференции с международ-

является это в том, что количество людей, идентифицирующих себя как «православные», неуклонно растет – по данным Левада-Центра, с 17 % в 1989 г. до 73 % в 2009 г., приближаясь в процентном отношении к доле русского населения страны. Но при этом доля убежденных верующих среди православных, т.е. тех, кто безусловно верит в Бога (согласие с суждением «Я знаю, что Бог существует, и не испытываю в этом никаких сомнений»), значительно ниже доли православных по самоидентификации и, отражая динамику роста православной идентичности, составляла 42 % в 2009 г. (в 1991 г. 36 %, в 1998 и 2008 г. 39 %), причем роль религиозного фактора усиливается практически во всех социальных сферах¹⁷⁸. В такой ситуации можно предположить, что «значительная, если не подавляющая, часть респондентов идентифицирует себя с тем или иным вероисповеданием скорее по случайным, нежели устойчивым религиозным и глубоким критериям, а иногда – просто формально»¹⁷⁹. Если 71,3 % респондентов-русских самоидентифицируются как последователи православной религии, то заметно ниже доля, выражающих степень своей рели-

ным участием «Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве: культурное проектирование и формирование нравственного облика молодежи». Махачкала, 2015. Самыгин С.И., Верещагина А.В., Загирова Э.М. Традиционная семья: специфика социологического дискурса и методологические приоритеты // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 12; Загирова Э.М., Нурилова А.З., Акимова А.А. Межэтнические браки: оценки и установки в массовом сознании дагестанских народов // Успехи современной науки. 2017. Том 7. № 1; Загирова Э.М. Методологическая модель исследования традиционной семьи в Дагестане в условиях современной реальности // Историческая и социально-образовательная мысль. № 2. Часть 2 (апрель) 2017; Загирова Э.М. Репродуктивное поведение дагестанских народов: состояние и тенденции (по результатам социологического опроса) // Вестник Южнороссийского государственного технического университета. 2017. № 2.

¹⁷⁸ Зоркая Н. Православие в безрелигиозном обществе // Вестник общественного мнения. 2009. № 2. С. 72.

¹⁷⁹ Анурин В.Ф. Религия как фактор социальной интеграции // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 139.

гиозности «я верю в Бога, создавшего мир и управляющего им» (64,8 %); при этом каждый третий опрошенный среди русских респондентов разделяет суждение «я допускаю существование Бога или некоей сверхъестественной силы, но не убежден в этом».

Таким образом, полученные результаты социологического опроса показывают характерные для религиозности сложнейшие процессы: с одной стороны, проявление в массовом сознании опрошенных дагестанских народов чувства общности с «представителями всех дагестанских народов» и «осознание себя представителем дагестанского народа», с другой, подчеркивается важность «религиозной и национальной принадлежности» (этноконфессиональная идентичность), с уточнением каждым вторым опрошенным – «для меня очень важна моя религиозная принадлежность».

При исследовании религиозного компонента однозначно возникает вопрос о роли религии в современном обществе, поэтому в опросе 2008 г. респондентам был задан вопрос «Какое влияние оказывает религия на современную жизнь?»¹⁸⁰. По всему массиву, 72,0 % опрошенных подчеркнули возможность религии в сохранении национальных традиций и обычаев, против 12,6 % не согласных с этим тезисом. Среди тех, кто негативно оценил роль религии в сохранении традиционной культуры дагестанских народов, выделяются респонденты-лезгины и респонденты-лакцы – 36,0 % и 34,3 %, соответственно. Результаты опроса показывают наличие в массовом сознании дагестанских народов позитивной оценки роли религиозного фактора в сохранении культурно-исторического наследия дагестанских народов и мусульманские народы, в основной своей массе, многие религиозные предписания в бытовой сфере воспринимают как элементы национальной культуры своего народа.

Таким образом, полученные результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

Несмотря на то, что маркер «религия» не выполняет функцию ведущего этнообъединяющего и этнодифференцирующего

¹⁸⁰ См.: Шахбанова М.М. Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов в современных условиях // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 88 – 97.

фактора, при доминировании важности иных этнокультурных компонентов воспроизводства этнической идентичности («национальный язык», «национальные традиции и обычаи» и т.д.) ее место и роль является очень заметной в процессах формирования и выраженности этнической идентичности, потому что «бытовой ислам большинством населения воспринимается как определяющий, неотъемлемый элемент народных традиций, его влияние обеспечивается жестким общественным мнением» (Л.Н. Митрохин). Причем религия является очень важным компонентом в процессах укрепления внутригрупповой сплоченности, играет заметную роль в формировании этноконфессиональной идентичности.

В массовом сознании дагестанских верующих существует ориентация на общность религиозных ценностей, несмотря на высокий статус республиканского и российского типов идентичности. Важность религиозной идентичности подчеркивается через самые различные индикаторы (этнообъединяющий признак, «религия моего народа есть составная часть культуры моего народа», учет религиозных убеждений и заповедей, исповедуемой религии в повседневной жизни, отождествление религиозной и этнической принадлежности), что свидетельствует о важности религиозной идентичности дагестанских народов в иерархии типов социальной идентичности.

Заметных отличий в проявлении приоритетности различных типов социальной идентичности между дагестанскими мусульманами и дагестанскими православными не выявлено. Для первых определяющим типом социальной идентичности является республиканский и этнический, в то время как для православных государственно-гражданский (каждый второй опрошенный), этнический и республиканский. Однако среди православных, по сравнению с мусульманами (30,5 %), в 3 раза меньше ощущающих свою сопричастность с последователями одной с ними религии (10,2 %). При этом носители исламской религии слабо ощущают общность с людьми своего поколения, придерживающихся схожих политических взглядов и профессии. Наоборот, среди православных в 3 – 4 раза больше ощущающих чувство поколенческой, политической и профессиональной общности. Такая подмена типов идентичности, может быть, обусловлена сохранением

у исповедующих мусульманство традиционных семейных устоев и родственного единства поколений, которые, видимо православные в полной мере не сумели сохранить. Кроме того, последователи ислама, в отличие от православных, в меньшей мере придают значение политическим взглядам, в то же время обозначая значимость общности с представителями своей религии.

Шереужев А.Ж.

«СОЗДАНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ СМЕНА ГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1920 – 1930-Е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ АДЫГЕИ И КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ)»

Важным фактором духовной культуры любого этноса, определяющим уровень его национального самосознания, достоинства самоуважения является его язык. Язык - это достояние каждого народа, который тесно связан с его жизнедеятельностью. Он впитывает в себя все, что волнует и интересует носителей этого языка, что представляет для них ценность: природу, быт, традиции, историю. [1, с.7]. В связи с этим не утрачивает своей актуальности исследование состояния культурно-языковой жизни народов нашего государства в различные периоды истории. В представленной статье рассматриваются некоторые аспекты языковой политики Советского государства в 1920 – 1930-е гг., таким образом цель работы состоит в исследовании процесса создания письменности и смены графической системы народов Северного Кавказа в 1920-1930-е гг.

Абхазо-адыгские языки обычно называют малочисленными. При этом отмечают, что «вплоть до установления советской власти на этих языках фактически не имелось национальной письменности. Можно указать лишь на некоторые попытки, сделанные в дореволюционное время. Составлялись алфавиты на русской и арабской графической основе». [2, с. 216]. Пользуясь этими, далеко не совершенными алфавитами, европейские и отечественные ученые, а также местные энтузиасты записывали и

издавали отдельные фольклорные материалы и переводы религиозной и художественной литературы. Попытки графической фиксации адыгского языкового материала можно найти в трудах целого ряда путешественников и исследователей XVIII-XIX вв., таких, как Н. Витсен, Ф.И. Штраленберг, И.А. Гюльденштедт, П.С. Паллас, Г.Ю. Клапрот и др. [3, с.8]. При всей своей ценности в плане изучения истории языка материалы перечисленных автором нельзя назвать памятниками письменности в точном смысле этого слова.

Наиболее значительные попытки создания адыгской письменности восходят к первой половине XIX в. и делались отдельными представителями самих адыгских народностей, а также прогрессивными представителями русской интеллигенции: Н. Шеретлуковым, И. Грацилевским, Л. Лулье, Ш.Б. Ногмовым и др.

Работа Ш. Ногмова над созданием кабардинской (адыгейской) письменности примечательна во многих отношениях.

Прежде всего, следует отметить, что он начал свои поиски создания письменности с арабской графики, а завершил их обращением к русской системе письма. Это не было чисто психологическим колебанием в настроении ученого-просветителя. Как замечает Г.Ф. Турчанинов, в деятельности Ш. Ногмова грамматика родного языка не являлась самоцелью, «не была предметом удовлетворения его научного честолюбия, а являлась пособием, посредством которого можно было внедрить в народ основы образованности и зачатки знаний».

Первоначальное обращение к арабской графике было вызвано тем, что последняя уже имела определенное хождение у адыгских народов, которые приняли его вместе с исламом. Однако впоследствии стало очевидным, что мусульманская культура кроме ограниченных религиозных знаний ничего не могла дать простому народу. Чем больше знакомился Ш. Ногмов с русской культурой, тем больше отходил от идеи создания для адыгов арабизированного алфавита. Для прогрессивного деятеля и мыслителя стало очевидным, что необходима такая письменность, которая давала бы перспективу в развитии адыгских народностей, судьба которых тесно переплеталась с судьбой русского народа. Не только в своей научной деятельности, но и на практике Ног-

мов «не отказывался от возможностей приобщить своих соотечественников к русской культуре, а русских ознакомить со своим народом и его языком». [4, с. 29-30].

Несмотря на большое историческое значение, деятельность Ш. Ногмова не могла привести к желаемому результату – созданию общенародной письменности у адыгейцев. Причина кроется в социальных условиях жизни народов, страдавших от двойного гнета – местных князей и царских чиновников

В последующие годы отдельные энтузиасты не прекращали попыток создать письменность для адыгов. Над налаживанием письма на адыгских языках работали У. Берсей, П.К. Услар, К. Атажукин, Л.Г. Лопатинский, П. Тамбиев, зарубежные адыги турецкий черкес Мухамед Пчегатлук, египетский черкес Мухамед-Кемаль Хуажев, Бланау Баток и др.

В начале XX в. проблемы кабардинской письменности привлекали внимание целого ряда исследователей и просветителей, таких, как Наури Цагов, Манжид Фанзиев, Хасан Эльбердов, Татлустан Шеретлоков и др.[5, с.18].

Как видно, и до революции не было не достатка в попытках создать письменность на кабардино-черкесском и адыгейском языках. И если ни одна из них не увенчалась полным успехом, то причина этому – конкретные исторические условия жизни народов. Достаточно сказать, что по данным переписи 1920 г. количество грамотных среди адыгейцев превышало 90%. По сути дела до революции адыгейские народы не имели своей установившейся письменности.

Октябрьская революция заставила северокавказские народности, за исключением Осетии, в общем бесписьменными, несмотря на длительность иноземных культурных и литературных влияний (грузинского, арабского, русского), так как влияния глубоко в народные массы не проникали и внутренние культурные процессы пересекались внешним гнетом и произволом, политическим и национальным порабощением.

Таким образом, языковое строительство, развернувшееся в первые же годы Советской власти, столкнулось с неотложной задачей построения национальной письменности для многих горских народов.

Для многих языков народов СССР в 20-е гг., XX в. существовали четыре логические возможности: 1) традиционное арабское письмо, еще до революции использовавшееся не менее чем для 16 языков; [6, с.4]. 2) реформированная арабица типа байтурсуновской для казахского языка; 3) латиница; 4) кириллица.

Однако ряд вариантов был политически и идеологически неприем. Из всех перечисленных латинское письмо было политически более нейтральным и компромиссным, не вызывавшим в отличие от арабицы кириллицы отрицательных ассоциаций. [7, с. 242].

Введение латинской основы шло неравномерно. Итак, процесс латинизации в первую очередь затронул мусульманские народы СССР. В мае 1923 г. был опубликован латинизированный алфавит составителем которого был Б. Хуранов. Именно с этого года начинается систематическое преподавание кабардинского языка в школе. 1924 год считается годов создания кабардинской национальной письменности. [8, с. 127].

Латинизированная кабардинская письменность просуществовала до 1936 г. В 1935 году был поставлен вопрос о переводе языков СССР на кириллицу. [9, с.91]. Первыми еще в 1936 году перешли на русскую письменность кабардинцы. 11 февраля 1937 года., постановлением Совета Национальности ЦИК СССР письменность малых народностей севера была переведена на русскую графическую основу. 13 марта 1938 года СНК СССР и ЦК ВКП (б) издали совместное постановление «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и область.

Таким образом, складывание письменности народов СССР прошло три этапа. На первом из них, первые годы революции, действовали старые алфавиты, оставшийся в наследство от дореволюционной России. Второй этап знаменовался переходом тюркоязычных и мусульманских школ на латинскую графику письма и созданием письменности для большинства бесписьменных народов. В конце 30-х гг. осуществляется третий этап развития письменности этих народов – переход на русскую графическую основу.

Примечания:

1. Даудов А.Х., Мамышева Е.П. Из истории латинизации национальных алфавитов СССР // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2011. Вып.2 с. 7-12.
2. Зак Л.М. Исаев, М.И. Проблемы письменности народов СССР и культурной революции // Вопросы истории. 1966. № 2. С. 3-20.
3. Ногмов Ш.Б. Филологические труды. Нальчик, 1959. Т.2.
4. Кумахова З.Ю. Развитие адыгских литературных языков. М., 1972.
5. Яковлев Н.Ф. Проблемы национальной письменности восточных народов СССР //Новый Восток. Кн. 10-11.Мм., 1925. С. 242.
6. Младописьменные языки народов СССР / Под ред. Е.А. Бокарева, Ю.Д. Дешериева. М.-Л., 1959.
7. Турчанинов Г.Ф., Цагов М. Грамматика кабардинского языка. М. –Л., 1940.
8. Шагиров А.К. Кабардинский язык //Младописьменные языки народов СССР. М.-Л., 1959. С.127.
9. ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. Книга 2. 1933-1945 (документы советской истории) / Сост. Л.С. Гатагова, Кошелева, Роговая Дж Кадио. М., 2009. С. 91.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Аджиниязова А. К. - аспирант, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, г.Махачкала
2. Алиев Ф.Б.- к.и.н., филиал ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» , г. Дербент
3. Аллаев Н. М.- к.и.н., гл.специалист, Министерство культуры Республики Дагестан, г.Махачкала
4. Алхасова Д.М.- студентка 4 курса, КБГУ им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик
5. Гашимов Р.Р.- к.и.н., Филиал ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» в г. Дербенте
6. Гимбатова М.Б. , д.и.н., в.н.с. ИИАЭ ДНЦ РАН г. Махачкала.
7. Дадаев Д. Х. – к. ф.-м. н., доц. кафедры гуманитарных, естественнонаучных и социальных дисциплин филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», профессор Российской академии естествознания.
8. Загирова Э.М.- аспирантка, Региональный центр этнополитических исследований ДНЦ РАН, г. Махачкала
9. Касумов Р.М. - д.и.н., профессор, директор филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,г. Хасавюрт
10. Кидирниязов Д.С.- д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник ИИАЭ ДНЦ РАН, заслуженный деятель науки РД и КЧР, г.Махачкала
11. Магомедов М.Б.-д.и.н., профессор, Учреждение высшего образования «Международная гуманитарно-техническая академия» (Институт) (МГТА)
12. Мирзабеков М.Я.д.и.н., профессор ФГБУН Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала
13. Муртазаев А. О.-к.и.н., ст. научный сотрудник, ФГБУН Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала

14. Мусаев М.М.- к.юр.н., доцент кафедры юридических дисциплин филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Хасавюрт

15. Нагиева М.К.- к.и.н., научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала

16. Разаков Руслан Чупан-Магомедович- к.и.н. доцент, зав.кафедрой гуманитарных, естественнонаучных и социальных дисциплин филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Хасавюрт

17. Тахушева И.С.- магистр истории, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик.

18. Шахбанов А. М. – к.и.н., доц.кафедры гуманитарных, естественнонаучных и социальных дисциплин филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», профессор Российской академии естествознания.

19. Шахбанова М.М.- д.социолог. н., ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала

20. Шереужев А.Ж.- магистрант 2 г.о. направления «История» Института истории, филологии и СМИ , Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова , г. Нальчик.